

КРИСТОФЕР
ПАОЛИНИ

ЭРАГОН

НАСЛЕДИЕ

Наследие

Кристофер Паолини

Эрагон. Наследие

«РОСМЭН»

2011

УДК 821.111(73)-312.9-93
ББК 84(7Coe)

Паолини К.

Эрагон. Наследие / К. Паолини — «Росмэн», 2011 — (Наследие)

ISBN 978-5-353-05571-6

Четвертая книга «Наследие» завершает тетралогия Кристофера Паолини о приключениях Всадника Эрагона и его дракона Сапфиры. Друзья многому научились у гномов и эльфов. Вместе с варденами они бесстрашно защищали интересы народов Алагейзии. Но долгие странствия и кровавые сражения принесли героям не только победы. Эрагон и Сапфира узнали и горе, и разочарование. Между тем могущественный Гальбаторикс не намерен сдаваться. Он задумал подчинить Эрагона своей воле. Смогут ли друзья противостоять злу? Кто окажется на их стороне? Какую цену предстоит заплатить за мир в Алагейзии? И стоит ли того мир...

УДК 821.111(73)-312.9-93

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-353-05571-6

© Паолини К., 2011

© Росмэн, 2011

Содержание

В качестве вступления	6
Брешь в крепостной стене	11
Удар молота	19
Тени на горизонте	22
Король котов-оборотней	26
Последствия	31
Воспоминания об ушедших навсегда	34
Настоящий мужчина	38
Цена власти	44
Трудности появления на свет...	51
Колыбельная	57
Не зная отдыха	63
Танцы с мечами	67
Ни чести, ни славы, одни синяки,	74
Пожирательница Луны	78
Слухи и дневник	85
Ароуз	89
Драс-Леона	99
Игра в кости	103
Мой друг, мой враг	111
Огненная мука	117
Пепел и прах	126
Передышка	138
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Кристофер Паолини

Эрагон

Наследие

Роман

Эту книгу я, как всегда, посвящаю моей семье.

А также всем бесчисленным мечтателям и фантазерам, всем художникам, музыкантам и сказителям, благодаря которым это путешествие и стало возможным.

* * *

Christopher Paolini
Inheritance

This edition is published by arrangement with Random House Children's Books, a division of Random House, Inc.

Все права на книгу на русском языке принадлежат издательству «РОСМЭН».

Ничто из нее не может быть перепечатано, заложено в компьютерную память или скопировано в любой форме – электронной, механической, фотокопии, магнитофонной записи или какой-то другой без письменного разрешения владельца.

Наш адрес в Интернете: www.rosman.ru

Text copyright © 2011 by Cristopher Paolini

Jacket art copyright © 2011 by John Jude Palencar

© Издание на русском языке. ЗАО «РОСМЭН», 2014

В качестве вступления

История Эрагона, дракона Глаэдра- Старейшего и меча Брисингра

В самом начале времен в стране Алагейзии жили только драконы – гордые, свирепые, независимые, со сверкавшей, как самоцветы, чешуей. И красота их была столь великолепной и одновременно пугающей, что любой столбенел при виде ее.

Так прожили они в полном одиночестве много веков.

Но бог Хелцвог создал из камней в пустыне Хадарак крепких и суровых гномов. И два эти народа стали без конца воевать друг с другом.

А затем, переплыв серебристое море, в Алагейзии высадились эльфы. Они тоже принялись воевать с драконами, но оказались сильнее гномов. Наверное, эльфы смогли бы даже уничтожить драконов. Впрочем, и драконы могли уничтожить эльфов.

В итоге эльфы и драконы решили заключить мирное соглашение, скрепленное всеми необходимыми печатями. А потом они создали орден Всадников, способных летать верхом на драконах. Эти Всадники многие тысячелетия стояли в Алагейзии на страже мира.

Значительно позже в Алагейзии появились люди, приплывшие туда на кораблях, и рогатые ургалы. А также – раззаки, ночные охотники, питавшиеся человеческой плотью. И люди решили присоединиться к союзу эльфов и драконов.

Но однажды молодой Всадник, по имени Гальбаторикс, восстал против ордена. Он поработил черного дракона Шрюкна и убедил еще тринадцать Всадников выйти из рядов ордена и последовать за ним. И эти тринадцать получили прозвище «Проклятые».

Гальбаториксу и отряду Проклятых удалось уничтожить орден Всадников и сжечь их столицу на острове Врэнгард. Они также убили всех драконов, им не принадлежавших, и уничтожили все драконьи яйца, за исключением трех: красного, синего и зеленого. А из каждого убитого дракона они – если это им, конечно, удавалось – извлекали Элдунари, его «сердце сердец», средоточие мудрости и могущества дракона.

В течение восьмидесяти двух лет Гальбаторикс успешно правил созданной им Империей. Проклятые постепенно умирали, но сам Гальбаторикс продолжал жить, заимствуя силу и могущество у многочисленных Элдунари. Никто из людей не мог даже надеяться уничтожить его господство.

Но на восемьдесят третьем году правления Гальбаторикса случилось чудо: некто сумел выкрасть из неприступной цитадели синее яйцо дракона. И этим яйцом завладели те, кто продолжал сражаться против Гальбаторикса. Их называли варденами.

Главной хранительницей драгоценного яйца стала эльфийка Арья. Она переправляла драконье яйцо от варденов к эльфам и обратно в надежде, что объявится такой человек или эльф, ради которого дракон решит проклюнуться из яйца. Так прошло еще двадцать пять лет.

Но однажды, когда Арья переправляла яйцо в эльфийский город Озилон, на нее и охранявших ее эльфов напал отряд ургалов под предводительством шейда Дурзы – колдуна, который сам оказался во власти призванных им духов, хотя рассчитывал ими повелевать. После смерти всех тринадцати Проклятых Дурза стал верным помощником Гальбаторикса, самым страшным и опасным из его слуг. Ургалы убили охрану Арьи, а ее взяли в плен. С помощью магического заклятия она успела отослать яйцо дракона в горы Спайна, к человеку, который, как она надеялась, сумеет его защитить.

Однако заклятие Арьи подействовало не совсем так, как она рассчитывала. Синее яйцо дракона нашел пятнадцатилетний подросток Эрагон, сирота, живший на небогатой ферме со своим дядей Гэрроу и двоюродным братом Рораном. Юный дракон выбрал Эрагона своим

Всадником и ради него проклянулся из яйца. Только это оказался не дракон, а дракониха, которую мальчик вырастил и назвал Сапфирой.

Желая вернуть похищенное яйцо, Гальбаторикс послал на ферму Гэрроу двух раззаков, которых давно уже превратил в своих рабов. Раззаки убили Гэрроу и сожгли его дом, однако яйцо так и не нашли.

Эрагон и Сапфира решили непременно отомстить раззакам за смерть Гэрроу. Вместе с ними отправился сказитель Бром, который некогда и сам был Всадником. Он хорошо помнил то время, когда был уничтожен орден. Собственно, именно Брону Арья и пыталась отослать синее драконье яйцо.

Бром многому научил Эрагона: и умению владеть мечом, и искусству магии, и, самое главное, понятию чести. Он же подарил Эрагону меч Заррок, некогда принадлежавший Морзану, первому и самому могущественному из Проклятых. Эрагон и Бром настигли раззаков, но во время схватки с ними Бром погиб, а Эрагон и Сапфира спаслись лишь благодаря помощи молодого человека по имени Муртаг, который, как впоследствии выяснилось, был сыном Морзана.

Затем Эрагон продолжил свои странствия и однажды в городе Гилиде даже попал в плен к шейду Дурзе, но сумел не только вырваться на свободу, но и освободить из темницы Арию.

Арья была отравлена, тяжело ранена и находилась на пороге смерти, так что Эрагон, Сапфира и Муртаг поспешили доставить ее в лагерь варденов, находившийся в царстве гномов в Беорских горах. Там Арию исцелили. И там же Эрагон совершил первую непростительную ошибку. Пытаясь благословить плачущую малышку, по имени Эльва, и надеясь с помощью магии защитить ее от несчастий, он неправильно произнес заклинание, и его благословение превратилось для девочки в проклятие. Отныне она стала щитом для других людей, охраняя их от всяческих бед и чувствуя чужую боль, острее, чем свою собственную.

Вскоре после этого Гальбаторикс послал огромную армию ургалов на гномов и варденов. Во время яростного сражения Эрагону удалось убить шейда Дурзу, однако и Дурза успел тяжело его ранить. Ранение приносило Эрагону невыносимые страдания, и никакие усилия и заклинания варденских целителей не помогали.

Однажды Эрагон услышал некий голос, звавший его:

«Приди ко мне, Эрагон. Приди ко мне, ибо у меня есть ответы на все твои вопросы».

А через три дня предводитель варденов Аджихад попал в засаду и был убит ургалами, которыми командовали два колдуна-близнеца, предавшие варденов и перешедшие на службу к Гальбаториксу. Эти близнецы обманом похитили Муртага и тайно переправили его к Гальбаториксу. Эрагон и все вардены решили, что Муртаг погиб. Предводительницей варденов стала дочь Аджихада, Насуада.

Из Тронжхайма, столицы гномов, Эрагон, Сапфира и Арья отправились в северный лес Дю Вельденварден, принадлежавший эльфам. Их сопровождал гном Орик, племянник короля гномов Хротгара.

В лесу Дю Вельденварден Эрагон и Сапфира встретились с Оромисом и Глаэдром, последним свободным Всадником и его драконом. В течение последнего столетия они жили, скрываясь, и ждали возможности обучить следующее поколение Всадников. Там же Эрагон и Сапфира познакомились с королевой эльфов Имиладрис, матерью Арьи.

Пока Оромис и Глаэдр обучали Эрагона и Сапфиру, Гальбаторикс отправил своих верных раззаков и целый отряд солдат в родную деревню Эрагона Карвахолл – на этот раз, чтобы взять в плен его двоюродного брата Рорана. Но Роран спрятался, и они бы ни за что его не нашли, если бы не предательство мясника Слоана, который ненавидел Рорана.

Слоан убил дозорного и впустил раззаков в деревню, чтобы они смогли застать Рорана врасплох. Рорану удалось с боем вырваться на свободу, но раззаки утащили с собой Катрину, его возлюбленную, дочь Слоана, а деревню сожгли. После этого Роран убедил жителей вместе с ним покинуть родные места. Они отправились через горы Спайн к побережью Алагейзии, а затем добрались до находившегося на самом юге государства Сурда. Оно по-прежнему оставалось независимым и продолжало борьбу с Гальбаториксом и его Империей.

Эрагона продолжали мучить боли в спине, но во время эльфийского праздника Клятвы Крови, посвященного заключению мира между эльфами, Всадниками и драконами, его рана была исцелена неким призраком дракона, вызванным эльфами с помощью магии. Этот призрак наградил Эрагона силой и скоростью, какими обладают и эльфы.

Завершив обучение, Эрагон и Сапфира направились в Сурду, куда Насуада привела войско варденов, намереваясь начать войну с Империей Гальбаторикса. К варденам присоединились и ургалы, заявив, что Гальбаторикс с помощью магии затуманил их разум, пытаясь превратить их в диких зверей, и теперь они готовы отомстить ему.

В лагере варденов Эрагон вновь встретился с Эльвой, взрослевшей не по дням, а по часам из-за того заклятия, которое он по ошибке наложил на нее. Из грудного младенца она превратилась в девочку лет четырех с виду, но почти взрослую душой, а взгляд ее был поистине ужасен, потому как она знала и чувствовала боль всех, кто находился поблизости.

И вот неподалеку от границы Империи с Сурдой, на почерневших Пылающих Равнинах вардены вместе с Эрагоном и Сапфирой сошлись в ужасной, кровавой схватке с армией Гальбаторикса.

В разгар этой битвы к варденам присоединились Роран и все, кто вместе с ним оставил деревню, а также гномы, которые подошли к Сурде со стороны Беорских гор.

Но вдруг откуда-то с востока в небе появился Всадник в сверкающих доспехах верхом на красном драконе. С помощью магического заклятия он сразил короля гномов Хротгара. И тогда в бой со Всадником на красном драконе вступили Эрагон и его синий дракон Сапфира. Оказалось, что воин в блестящих доспехах – это Муртаг, отныне связанный с Гальбаториксом нерушимой клятвой. А его дракон, по имени Торн, проклянулся из красного яйца – одного из трех уцелевших яиц.

Муртаг, силу которого Гальбаторикс умножил с помощью нескольких Элдунари, сумел одержать верх над Эрагоном и Сапфирой и взял их в плен. Однако, по-прежнему питая к Эрагону дружеские чувства, Муртаг отпустил их, а на прощание сообщил, что они с Эрагоном – братья, поскольку их обоих родила любимая наложница Морзана, Селена. Муртаг отнял у Эрагона меч Заррок, принадлежавший ранее его отцу Морзану, и вместе с Торном покинул Пылающие Равнины, уводя за собой войско Гальбаторикса.

После битвы Эрагон, Сапфира и Роран, надеясь спасти Катрину, проникли в мрачный храм, находившийся в черной скале Хелгринд и служивший тайным убежищем раззаков. Они убили одного из раззаков, а также его омерзительных родителей, и спасли Катрину. Но в одной из темниц Хелгринда Эрагон обнаружил отца Катрины, Слоана, слепого и полумертвого.

Эрагон хотел убить этого предателя, но передумал и погрузил Слоана в глубокий сон, а Рорану и Катрине сказал, что нашел ее отца мертвым.

Затем он попросил Сапфиру отвезти Рорана и Катрину назад, к варденам, а сам занялся охотой на последнего раззака в подземельях Хелгринда и убил его.

После этого Эрагон вынес Слоана из Хелгринда и отыскал его истинное имя в древнем языке. Назвав Слоана истинным именем, он подчинил себе бывшего мясника и заставил его поклясться, что тот никогда больше не будет искать встречи со своей дочерью. Затем Эрагон отослал Слоана к эльфам в Дю Вельденварден, но не сказал ему, что эльфы восстановят ему зрение, если он навсегда отречется от мыслей о предательстве и убийстве.

Арья встретила с Эрагоном на полпути к варденам, и они вместе вернулись, пешком пробравшись через вражескую территорию. В лагере Эрагон узнал, что эльфийская королева Имиладрис послала двенадцать эльфов-заклинателей, возглавляемых эльфом по имени Блэдхгарм, чтобы они охраняли его, молодого Всадника, и дракона Сапфиру.

Тем временем Эрагон сумел немного ослабить действие своего нечаянного проклятия, наложенного на девочку Эльву, но «девочка-ведьма», как ее стали называть, сохранила способность чувствовать боль других, хотя больше уже не испытывала непроходящего желания спасти каждого от страданий.

Роран женился на Катрине, и вскоре они уже ждали ребенка, а рядом с ними впервые за долгое время и Эрагон почувствовал себя счастливым.

Неожиданно на варденов напали Муртаг, дракон Торн и отряд воинов Гальбаторикса. С помощью эльфов Эрагон и Сапфира сумели отразить их натиск, но ни Эрагон, ни Муртаг так и не сумели победить в поединке. Для варденов это сражение оказалось особенно трудным – Гальбаторикс так заколдовал своих солдат, что они, даже будучи смертельно ранеными, не чувствовали боли.

Вскоре после сражения Эрагон по приказанию Насуады отправился в королевство гномов, чтобы представлять варденов во время выборов нового короля. А Сапфира должна была остаться и защищать лагерь варденов. Эрагону не хотелось с ней расставаться, но он был вынужден подчиниться Насуаде, которой присягал на верность.

К этому времени Роран успел достичь довольно высокого положения в армии варденов, он проявил себя как смелый воин и предводитель.

Пока Эрагон находился у гномов, семеро представителей клана «Слёзы Ангуин» попытались его убить, что вызвало возмущение всех остальных кланов. Однако гномы продолжили свои заседания, и в итоге королем был избран Орик, унаследовав трон своего дяди.

Сапфира присоединилась к Эрагону во время коронации Орика и осуществила давнее обещание, данное гномам: восстановила обожествляемый ими драгоценный Звездный Сапфир, который разбила во время сражения Эрагона с шейдом Дурзой.

Эрагон и Сапфира вернулись в Дю Вельденварден. Там Оромис открыл Эрагону правду о его происхождении. Оказалось, что он не сын Морзана, в отличие от Муртата, а мать у них действительно одна – Селена. Родным же отцом Эрагона был Бром. Оромис и Глаэдр также объяснили ему принцип существования Элдунари. Свое «сердце сердец» дракон может исторгнуть по собственному желанию, даже будучи еще жив. Делать это следует чрезвычайно осторожно, поскольку тот, кто завладеет Элдунари, обретет власть и над самим драконом, его исторгнувшим.

Эрагон решил, что ему непременно нужен другой меч взамен Заррока. Вспомнив совет, полученный во время странствий с Бромом от кота-оборотня Солебума, Эрагон обратился за помощью к дереву Меноа. Дерево было наделено душой и чувствами и произрастало в лесу Дю Вельденварден. Меноа согласилось отдать Эрагону некую сверкающую сталь, спрятанную под корнями, в обмен на одну вещь, которую оно ему пока не назвало.

Эльфийка-кузнец Рюнён, некогда выковавшая мечи для всех Всадников, вместе с Эрагоном создала из добытой им стали новый клинок, сиявший синим пламенем. Эрагон дал ему имя Брисингр, что значит «огонь». Клинок каждый раз ярко вспыхивал, стоило Эрагону произнести это имя.

Затем Глаэдр доверил Эрагону и Сапфире свое Элдунари, и они вернулись к варденам, а Глаэдр и Оромис присоединились к своим сородичам, которые пошли в наступление на севере Империи.

При осаде Финстера Эрагон и Арья встретились с тремя вражескими магами, один из которых имел обличье шейда Варога. С помощью Эрагона Арье удалось убить его.

А в это время Оромис и Глаэдр сражались с Муртагом и Торном. И тут вмешался Гальбаторикс и стал управлять разумом Муртага. Гальбаторикс сразил Оромиса рукой Муртага, а Торн убил Глаэдра, тело которого было уже лишено своего «сердца сердец». И хотя при Финстере вардены одержали победу, Оромис погиб, и Эрагон с Сапфирой горько оплакивали гибель своего учителя. Но вардены по-прежнему продолжали борьбу и все глубже продвигались на территорию Империи. Они направлялись к столице Урубаену, где восседал на троне гордый Гальбаторикс, уверенный в своих силах и исполненный презрения ко всем прочим, в его распоряжении была мудрость и сила множества драконьих Элдунари.

Бреши в крепостной стене

Сапфира взревела, и солдаты, шедшие впереди, испуганно присели.

– За мной! – крикнул Эрагон и поднял над головой Брисингр, чтобы все его видели. Синий меч вспыхнул яркой переливчатой радугой на фоне черных туч, стеной громоздившихся на западе. – Вперед, вардены!

Мимо него просвистела стрела, но он ее словно и не заметил.

Воины, собравшиеся у подножия груды развалин, на вершине которой стояли Эрагон и Сапфира, ответили на его призыв единодушным громогласным ревом и, размахивая оружием, ринулись вперед, карабкаясь по осыпавшимся каменным блокам и плитам.

А Эрагон, повернувшись к ним спиной, смотрел на открытое пространство по ту сторону холма, где разместились сотни две имперских воинов, за которыми высилась темная крепостная стена с узкими бойницами вместо окон и несколькими квадратными башнями.

Окна на верхнем этаже самой высокой башни были ярко освещены, и Эрагон понимал, что где-то там, должно быть, прячется лорд Брэдберн, губернатор Белатоны, которую вардены вот уже несколько часов безуспешно пытались взять штурмом.

С громким криком Эрагон ринулся вниз прямо на солдат, ошестинившихся копьями и пиками. Те, хоть и попятнулись слегка, все же держали оборону, нацелив свое оружие на ту брешь с рваными краями, которую Сапфира проделала во внешней стене крепости.

Прыгая по каменным развалинам, Эрагон подвернул правую ногу и упал на колено, опершись о землю рукой.

Один из солдат не преминул воспользоваться такой возможностью и метнул копье, целясь Эрагону прямо в незащищенное горло.

Тот мимолетным движением кисти отбил удар. Брисингр мелькнул в воздухе с такой скоростью, что ни человек, ни эльф этого движения даже заметить не успели бы. Лицо метнувшего копье солдата побелело от страха, и он, осознав свою ошибку, попытался удрать, но не успел даже сдвинуться с места – Эрагон в стремительном прыжке вперед вонзил ему в живот свой синий меч.

Окутанная, точно флагами, языками сине-желтого пламени, вырывавшегося у нее из пасти, Сапфира последовала за Эрагоном. И с таким грохотом приземлилась на вымощенном плиткой крепостном дворе, что Эрагон даже присел, чтобы не упасть. От этого удара, казалось, содрогнулось все вокруг. Множество разноцветных кусочков стекла, составлявших замысловатый мозаичный витраж в передней стене крепости, вылетели из рам и, сверкая, посыпались вниз, точно монетки, брошенные музыканту на барабан. На верхнем этаже с грохотом распахнулись и закрылись ставни в окне.

Следом за Сапфирой во двор прыгнула и эльфийка Арья. Пряди ее длинных черных волос развевались, временами скрывая сильно сужавшееся книзу, почти треугольное лицо. Ее руки и шею покрывали кровавые царапины, клинок был весь в запекшейся крови.

Присутствие Арьи воодушевило Эрагона. Больше всего ему хотелось, чтобы во время боя рядом с ним и Сапфирой была именно она, чтобы именно с ней они сражались спиной к спине.

Он быстро ей улыбнулся, и она ответила ему ласковой улыбкой, хотя выражение лица у нее было довольно свирепым. Впрочем, в ее глазах светилась радость. Как всегда, во время сражения обычная сдержанность Арьи куда-то исчезала, сменяясь открытостью, которую в иных случаях она проявляла крайне редко.

Эрагон слегка присел и прикрылся щитом от сокрушительного шквала голубого огня, которым Сапфира поливала бегущих в страхе солдат. Глядя из-под забрала шлема, Эрагон с изумлением заметил, что языки пламени, так и плясавшие вокруг воинов Гальбаторикса, не причиняют им ни малейшего вреда.

Лучники, рассыпавшись цепью вдоль крепостной стены, осыпали Сапфиру градом стрел. Жар над драконихой был столь силен, что стрелы вспыхивали прямо в воздухе и превращались в пепел. Магические стражи, которых Эрагон разместил вокруг Сапфиры, прекрасно отражали удары любого, направленного на нее, оружия. Впрочем, одной стреле совершенно случайно удалось-таки долететь до Эрагона, и она с глухим стуком ударилась о его щит, оставив на нем вмятину.

Язык пламени внезапно обнял сразу троих солдат, так быстро превратив их в головешки, что те даже вскрикнуть не успели. Остальные солдаты сбились в кучку в центре двора – точно в центре ада, – и наконечники их пик и копий поблескивали во вспышках яркого голубого огня.

Но Сапфире, как она ни старалась, так и не удалось испепелить этих воинов. В конце концов она перестала извергать пламя и с устрашающим лязгом захлопнула пасть. Во дворе крепости тут же воцарилась полная тишина.

И Эрагон в очередной раз подумал о том, что тот, кто создал для своих воинов подобную защиту, должен был быть весьма могущественным и умелым магом. Интересно, уж не Муртаг ли это? Если это так, то почему ни его, ни Торна здесь нет? Почему они не защищают Белатону? Разве Гальбаториксу так уж безразлична судьба крупнейших городов его империи?

Эрагон бросился вперед и одним ударом Брисингра срубил верхушки нескольких пик – с той же легкостью он в юности срезал серпом пучки ячменя в поле, – а потом нанес ближайшему воину рубящий удар в грудь, пробив кольчугу, словно тонкую рубашку. Фонтаном хлынула кровь. А Эрагон уже успел заколоть еще одного противника, а затем ударил щитом того, что пытался напасть на него слева, и сбил с ног не только этого солдата, но и еще двоих.

Все эти воины, как показалось Эрагону, действуют как-то чересчур медлительно и неуклюже, тогда как сам он, будто танцуя, с легкостью пробивался сквозь их ряды, безжалостно рубя мечом направо и налево.

Сапфира тоже действовала весьма активно: она подбрасывала воинов в воздух громадными лапищами, стегала их шипастым хвостом и перекусывала пополам одним движением своих могучих челюстей. Справа от Эрагона Арья с невероятной скоростью взмахивала мечом, и каждый взмах означал смерть еще одного воина Империи. Увернувшись сразу от двух копий, летевших прямо в него, Эрагон увидел покрытого волчьей шерстью эльфа Блэдхгарма. Тот, не отставая от него ни на шаг, сражался не менее яростно, чем Арья, вместе с другими эльфами-заклинателями, которым было поручено охранять Сапфиру и Эрагона.

Пролом во внешней стене остался далеко за спиной. Через него вардены вливались сейчас во двор крепости, но от прямого штурма внутренних стен пока воздерживались: слишком опасным было сейчас соседство с Сапфирой. Впрочем, ни Сапфире, ни Эрагону, ни эльфам и не требовалась поддержка.

Продолжая наступать, Эрагон и Сапфира существенно продвинулись вперед и в итоге оказались в разных концах просторного двора. Но Эрагона это не беспокоило. Даже без какой бы то ни было поддержки Сапфира сама легко справилась бы с отрядом человек в тридцать.

Копье с глухим стуком ударило в щит Эрагона и сломалось, оцарапав ему плечо. Он резко обернулся, увидел, что копье бросил какой-то крупный, покрытый шрамами воин с выбитыми передними зубами, и ринулся на него. Беззубый воин попытался выхватить из-за пояса кинжал. В самый последний момент Эрагон извернулся и ударил противника плечом прямо в солнечное сплетение.

Сила удара была такова, что солдат, отлетев на несколько ярдов назад и судорожно вцепившись руками в грудь, рухнул на землю.

Затем на варденов вдруг пролился настоящий дождь из стрел с черным оперением, убивая и раня людей, и Эрагон, отскочив в сторону, прикрылся щитом, хотя и был уверен, что его магическая защита по-прежнему действует. Однако проявлять беспечность было совсем ни к

чему – ведь невозможно было предугадать, в какой момент кто-то из вражеских заклинателей пошлет в него такую заколдованную стрелу, которая сможет пробить любую защиту.

Горькая усмешка тронула губы Эрагона. Лучники там, наверху, поняли, видно, что их единственная надежда на победу – во что бы то ни стало убить Эрагона и эльфов. Похоже, для этих воинов не имело значения, сколько их соратников будут вынуждены пожертвовать своей жизнью для достижения этой цели.

«Вы опоздали, – думал Эрагон с мрачным удовлетворением. – Вам бы следовало бежать из Империи, когда у вас еще был шанс спастись».

Бешеный град стрел, со стуком ударявшихся о его щит, не причинял ему вреда. Это позволило ему минутку передохнуть, что он с радостью и сделал. Штурм города начался на рассвете, и они с Сапфирой все это время были в самых первых рядах.

Как только стрелы перестали падать, Эрагон переложил Брисингр в левую руку, подобрал копье одного из павших солдат и метнул его в лучников, находившихся на высоте сорока футов. Впрочем, Эрагон давно уже убедился в том, что попасть копьем точно в цель, не имея достаточной практики, почти невозможно. Так что его совсем не удивило, что он промахнулся. Однако он был *крайне удивлен* тем, что не попал ни в одного из лучников на крепостной стене! Мало того, брошенное им копье словно проплыло над ними, а затем с грохотом разлетелось на куски, ударившись о крепостную стену у них над головой. Лучники заржали и принялись отпускать мерзкие шутки и делать непристойные жесты.

Заметив краем глаза какое-то слабое движение, Эрагон повернулся, поднял глаза и успел увидеть, как Арья метнула в лучников свое копье, пронзив им сразу двоих, стоявших рядом. Затем она указала на этих людей своим мечом и сказала: «Брисингр!», и копье вспыхнуло изумрудно-зеленым пламенем, которое охватило и тела раненых.

Лучники шарахнулись от объятых зеленым пламенем трупов, а потом дружно ринулись прочь и столпились у дверей, ведущих на верхние этажи замка.

– Это нечестно! – как мальчишка, воскликнул Эрагон. – Я же не могу воспользоваться этим заклятием! Ведь тогда мой меч сам вспыхивает, как костер.

Арья не ответила, лишь любовно и весело на него посмотрела.

Сражение продолжалось еще несколько минут, в течение которых оставшиеся в живых солдаты либо сдавались, либо пытались бежать.

Эрагон позволил пятерым воинам, которых преследовал, и дальше спастись бегством, понимая, что далеко им не убежать, и принялся быстро осматривать тела тех, что распростерлись вокруг него на земле. Убедившись, что эти люди действительно мертвы, он оглянулся назад, на дальний конец двора, и увидел, что кто-то из варденов успел распахнуть ворота во внешней стене крепости, и теперь они тащили ко внутренним воротам таран. Часть варденов уже собралась у этих ворот, готовясь ворваться внутрь и сразиться с засевшими там воинами Гальбаторикса.

Среди тех, что собрались у ворот, был и двоюродный брат Эрагона Роран со своим вечным молотом. С помощью этого молота он и сражался, и раздавал указания варденам, находившимся под его началом. А в самом дальнем углу двора Сапфира, сгорбившись, присела над останками убитых ею воинов. Все вокруг было усыпано кусками их плоти, а на ее прекрасной чешуе застыли капли крови. Эти крошечные красные пятнышки странно контрастировали с синевой ее огромного тела. Откинув назад свою шипастую голову, дракониха ревом провозглашала свою победу, заглушая все прочие шумы.

Затем откуда-то изнутри замка послышалось бряцание оружия и цепей, а потом визг тяжелых засовов, которые явно вытаскивали из петель. Эти звуки привлекли всеобщее внимание, все тут же уставились на крепостные ворота.

С глухим стуком ворота распахнулись, и оттуда вырвались густые клубы дыма от многочисленных горевших факелов, заставляя варденов, стоявших ближе всего, кашлять и прикры-

вать лица. Откуда-то из мрачных глубин замка послышался барабанный перестук железных конских подков, и прямо из клубов дыма вылетел конь с наездником на спине. В левой руке всадник держал то, что Эрагон сперва принял за обычное копье, но вскоре он заметил, что копье это сделано из какого-то странного зеленого материала, а его зазубренное острие имеет весьма странную, совершенно незнакомую форму. От острия копья исходило слабое сияние, что явно свидетельствовало о примененной магии.

Всадник, натянув поводья, повернул коня в сторону Сапфиры, которая уже слегка присела, готовясь нанести правой передней лапой чудовищный, убийственный удар.

Эрагона вдруг охватило беспокойство. Этот всадник казался слишком уверенным в себе, а его копье выглядело слишком необычно. И хотя наведенные Эрагоном магические чары должны были бы защитить Сапфиру, он все же не сомневался, что ей грозит смертельная опасность.

Понимая, что не успевает вовремя до нее добраться, Эрагон попытался проникнуть в мысли всадника, но тот был настолько поглощен стоявшей перед ним задачей, что, похоже, даже не заметил его присутствия и попытки установить мысленную связь. И эта его непоколебимая сосредоточенность помешала Эрагону даже поверхностно проникнуть в его сознание. Прекратив тщетные попытки, Эрагон припомнил полдюжины магических слов древнего языка и составил несложное заклинание, желая хотя бы остановить мчавшегося галопом боевого коня. По сути, это был акт отчаяния: Эрагон понятия не имел, владеет ли всадник искусством магии и какие меры предосторожности он предпринял на тот случай, если против него тоже будет использована магия. Но просто так, сложа руки, Эрагон стоять не собирался – ведь жизни Сапфиры угрожала реальная и, по всей видимости, смертельная опасность.

Он глубоко вздохнул, напомнил себе, как правильно произносить наиболее сложные звуки древнего языка, и хотел уже произнести заклинание...

Но оказалось, что эльфы Блэдхгарма его опередили. Эрагон не успел и рта открыть, когда услышал за спиной их завораживающее негромкое пение – порой перекрывавшие друг друга и сложным образом переплетававшиеся голоса эльфов сливались в какую-то нестройную, внушавшую безотчетную тревогу мелодию.

Первый звук приготовленного заклинания успел все же сорваться с его губ, когда магия эльфов начала действовать.

Витраж, украшавший крепостную стену, разом вздрогнул, шевельнулся, и осколки стекла водопадом посыпались вниз, на всадника и его коня. А затем в земле перед ними вдруг открылась длинная и, по всей видимости, очень глубокая трещина, и с громким ржанием конь провалился в нее, сперва попытавшись ее перепрыгнуть и сломав при этом обе передние ноги.

Уже падая вместе с конем, всадник отвел назад руку и метнул свое сверкающее копье в Сапфиру.

Убежать Сапфира не могла. И увернуться тоже. Так что она просто выбросила навстречу копью переднюю лапу, надеясь отбить его в сторону. Однако она промахнулась – всего на несколько дюймов, – и Эрагон с ужасом увидел, как копье глубоко вонзилось ей прямо в грудь под ключицей.

Глаза Эрагону застлала кровавая пелена бешенства. Собрав все силы, какие только можно – силу собственного тела, силу того магического сапфира, что был вставлен в рукоять Брисингра, и силу тех двенадцати алмазов, что были спрятаны в поясе Белотха Мудрого, которым Эрагон опоясал себя перед боем, а также силу Арена, того эльфийского кольца, что красовалось у него на правой руке, – он бросился вперед, намереваясь стереть с лица земли проклятого всадника, что бы ему самому при этом ни грозило.

И снова эльфы опередили его. Эрагон едва успел затормозить, увидев, что Блэдхгарм, перепрыгнув через левую переднюю лапу Сапфиры, ринулся на всадника, точно пантера на

оленья, сбил его с ног и повалил на бок. Затем, каким-то диким образом вывернув ему шею, Блэдхгарм разорвал ему горло своими волчьими белыми клыками.

Пронзительный вопль всепоглощающего отчаяния послышался из окна, находившегося высоко в башне, прямо над распахнутыми воротами крепости. Затем там что-то взорвалось, и из окна полетели куски каменных плит, падая прямо на собравшихся внизу варденов и сокрушая их конечности и ребра, точно сухие прутья.

Эрагон, не обращая внимания на камни, дождем сыпавшиеся на двор, бегом бросился к Сапфире. Несколько эльфов, оказавшихся ближе всех к драконихе, уже успели столпиться вокруг нее и изучали глубоко вонзившееся ей в грудь копьё.

– Насколько серьезно... А она не... – Страшно огорченный, Эрагон был не в состоянии закончить ни одной начатой фразы. Ему хотелось мысленно поговорить с Сапфирой, но он воздержался от этого, поскольку вокруг по-прежнему могли находиться вражеские заклинатели, способные проникнуть в его мысли или даже подчинить себе его тело и его сознание.

После долгой паузы, которая показалась Эрагону нескончаемой, эльф Вирден повернулся к нему и сказал:

– Благодарю судьбу, Губитель Шейдов. Копьё прошло мимо основных артерий, повредив лишь мышечную ткань, а уж мышцы-то мы зашивать умеем отлично.

– А вы можете удалить это копьё? Или оно заколдовано, и магические чары не позволяют...

– Не беспокойся, мы обо всем позаботимся, Губитель Шейдов.

Суровые, точно монахи у алтаря, все эльфы, за исключением Блэдхгарма, приложили руки к груди Сапфиры и запели – точно шепот ветра в ветвях ивы шелестела эта песня. В ней говорилось о тепле, о росте мышц и сухожилий, о пульсирующей крови и о других, куда более волшебных вещах. Должно быть, лишь благодаря невероятно мощному усилию воли Сапфира оставалась неподвижной в течение всего исцеляющего заклятия, хотя порой ее тело все же охватывала неудержимая дрожь. Полоса крови тянулась по ее груди от древка копья, глубоко вошедшего в плоть.

Когда Блэдхгарм осторожно подошел и встал рядом с Эрагоном, тот быстро глянул на эльфа. Темно-синяя шерсть на подбородке и шее у Блэдхгарма была покрыта пятнами запекшейся крови и в этих местах казалась совершенно черной.

– Что это было? – спросил Эрагон, указывая ему на языки пламени, все еще плясавшие в окне, находившемся высоко над двором.

Блэдхгарм облизнулся, обнажая хищные клыки, потом ответил:

– За мгновение до того, как этот воин умер, я смог проникнуть в его мысли, а через них – в мысли того мага, который ему помогал.

– Ты убил мага?

– Можно сказать и так; точнее, я *заставил* его убить самого себя. Я обычно не прибегаю к столь экстравагантным, даже театральным приемам, но у меня были... отягчающие обстоятельства.

Когда Сапфира издала тихий протяжный стон, Эрагон ринулся было вперед, но сдержался и увидел, что копьё, которого вроде бы никто не касался, само начинает выскальзывать из раны. Веки Сапфиры затрепетали, она несколько раз неглубоко быстро вздохнула, когда последние шесть дюймов копья выходили из ее тела, и наконец зазубренное острие, испускавшее неяркий изумрудный свет, упало на землю, зазвенев на каменных плитах. Странно, но звук этот напоминал скорее удар о камень глиняного горшка, а не металла.

Эльфы перестали петь и отняли свои руки от тела Сапфиры, Эрагон ринулся к ней и коснулся ее шеи. Ему хотелось утешить ее, мысленно сказать, как сильно он за нее испугался, но он, глядя в один из ее блестящих синих глаз, лишь спросил: «Ты как?», скрыв за этим ерундовым вопросом ту бурю чувств, которые в этот момент его одолевали.

Сапфира в ответ один раз моргнула и, опустив голову, с нежностью, точно целуя, обдала его лицо теплым воздухом, выдохнув его через ноздри.

Эрагон улыбнулся. Потом повернулся к эльфам и сказал:

– Эка элрун оно, ялфья, виол фёрн торнесса, – благодаря их на древнем языке за помощь. Те эльфы, что участвовали в исцелении, включая Арья, поклонились и приложили правую согнутую руку к центру груди жестом глубокого уважения – этот жест, насколько знал Эрагон, крайне редко использовался их народом. Было заметно, что почти все эльфы, которым было поручено защищать его и Сапфиру, сильно побледнели и так ослабели, что едва держались на ногах.

– Отступите в задние ряды и отдохните, – сказал он им. – Вас попросту убьют, если вы продолжите сражаться в таком состоянии. Ступайте же, это приказ!

Хотя Эрагон был почти уверен, что эльфы его не послушаются, семеро из них все же сказали: «Как тебе будет угодно, Губитель Шейдов», – и ушли, легко и изящно перепрыгивая через трупы и груды щебня. Даже находясь на пределе своих сил и возможностей, они умели выглядеть благородно и достойно.

А сам Эрагон присоединился к Арье и Блэдхгарму, внимательно изучавшим злосчастное копьё. На лицах эльфов было какое-то странное изумление. Казалось, они не знают, как им теперь поступить. Эрагон присел рядом на корточки, стараясь, чтобы ни одна часть его тела не коснулась магического оружия. Он смотрел на изящную резьбу у основания острия, и эти тонкие линии показались ему немного знакомыми, хотя он и не был в этом уверен. Эрагон разглядывал зеленоватое древко, сделанное из какого-то странного материала – и не дерева, и не металла; а слабое свечение древка чем-то напоминало ему эльфийские беспламенные светильники эрисдар, которыми пользовались также и гномы.

– Как вы думаете, это дело рук Гальбаторикса? – спросил Эрагон. – Может быть, он решил, что ему стоит убить Сапфиру и меня, а не брать нас в плен? Или, может, ему теперь кажется, что мы стали представлять для него угрозу?

Блэдхгарм усмехнулся, причем весьма неприятно.

– Я бы не стал обманывать себя подобными фантазиями, Губитель Шейдов. Мы для него – всего лишь мелкая мошка. Если бы он когда-либо действительно захотел убить тебя или кого-то из нас, ему нужно было бы всего лишь вылететь из Урубаена и принять в сражении непосредственное участие, и мы попадали бы перед ним, как осенние листья с ветвей перед зимними ветрами. Он по-прежнему владеет силой многих драконов, и никто не может противостоять его могуществу. Кроме того, Гальбаторикс так просто со своего пути не свернет. Он, может, и безумен, но к тому же безумно хитер и, самое главное, исполнен неколебимой решимости. Если он пожелает сделать тебя своим рабом, он будет добиваться этого с поистине безумным упорством, и ничто, кроме инстинкта самосохранения, его не остановит.

– Так или иначе, – перебила его Арья, – это работа наших мастеров, а не мастеров Гальбаторикса.

Эрагон нахмурился.

– наших? Но это же явно сделано не варденами.

– Не варденами. Это работа кого-то из эльфов.

– Но ведь... – Эрагон не договорил, пытаясь найти рациональное объяснение. – Но ведь ни один эльф не согласился бы работать на Гальбаторикса. Скорее умер бы, чем...

– Гальбаторикс не имеет к этому никакого отношения. Но если бы даже и имел, то вряд ли доверил столь редкое и могущественное оружие человеку, который даже и владеть-то им как следует не умеет. Из всех инструментов войны, разбросанных по территории Алагейзии, именно это копьё Гальбаторикс менее всего хотел бы видеть у нас в руках.

– Почему?

С легкой кошачьей ноткой своим низким голосом Блэдхгарм почти промурлыкал:

– Потому, Эрагон Губитель Шейдов, что это – Даутхдаэрт, Копье Смерти.

– А имя его – Нирнен, «орхидея», – сказала Арья, указывая на резные линии у самого острия.

Только теперь Эрагон понял, что это стилизованные иероглифы эльфийской письменности, извилистые, переплетающиеся линии которых заканчиваются высокими, похожими на шипы остриями.

– Так это Даутхдаэрт? – переспросил он, и, поскольку Арья и Блэдхгарм смотрели на него, явно изумленные его невежеством, ему осталось только смущенно пожать плечами и умолкнуть. Порой Эрагона просто в отчаяние приводило то, что эльфы с рождения и в течение всей своей юности долгие десятилетия наслаждались возможностью учиться у самых мудрых представителей своего народа, тогда как его родной дядя Гэрроу не пожелал учить даже читать и писать, считая это совершенно ненужным. – Я ведь смог начать читать ваши древние тексты только в Эллесмере, – словно оправдываясь, сказал он. – Неужели это копье действительно было выковано в период падения ордена Всадников? Неужели им пользовались еще в самом начале борьбы против Гальбаторикса и Проклятых?

Блэдхгарм покачал головой:

– Нет, Нирнен значительно старше.

– Даутхдаэртя, – сказала Арья, – порождены страхом и ненавистью, которыми были отмечены наши последние войны с драконами. Самые умелые наши кузнецы и заклинатели создавали их из таких материалов, состав которых нам более неведом. Они пропитывали их такой магией, что слов тех заклинаний никто уже и не помнит. Каждому из двенадцати таких копий давали имя, соответствующее названию одного из самых прекрасных цветов на свете. На мой взгляд, это одно из самых безобразных несоответствий, когда-либо нами допущенных. А все потому, что мы тогда преследовали одну-единственную цель – убить как можно больше драконов.

Эрагон с отвращением глянул на светящееся копье:

– И эти копия действительно убивали драконов?

– Те, кто при этом присутствовал, говорили, что драконья кровь лилась с небес, точно летний ливень.

Сапфира громко и резко зашипела, и Эрагон, оглянувшись на нее, краем глаза заметил, что вардены по-прежнему удерживают позицию перед входом в крепость, ожидая, когда он и Сапфира вновь возглавят штурм.

– Все Даутхдаэртя считались уничтоженными или навсегда утраченными, – сказал Блэдхгарм. – Совершенно очевидно, что мы ошибались. Нирнен, должно быть, попал в руки семейства Волдгрейв, и они, скорее всего, прятали его здесь, в Белатоне. Я думаю, что, когда мы проделали брешь в крепостной стене, лорд Брэдберн утратил все свое мужество и приказал принести Нирнен из оружейной, чтобы попытаться остановить тебя и Сапфиру. Нет сомнений, Гальбаторикс был бы вне себя от ярости, если бы узнал, что Брэдберн пытался убить тебя.

Понимая, что нужно спешить, Эрагон все-таки не смог побороть собственное любопытство:

– Даутхдаэрт это или нет, но ты так и не объяснил мне, почему Гальбаторикс ни за что не хотел бы, чтобы это копье оказалось у нас в руках. Что делает Нирнен более опасным, чем, например, вон то копье или даже мой Бри... – он вовремя остановился и не произнес до конца имя своего клинка, – или мой меч?

Ответила ему Арья:

– Его невозможно ни сломать, ни как-либо еще вывести из строя; огонь не причиняет ему вреда, и оно практически не подвержено воздействию магии, как ты и сам видел. Эти Даутхдаэртя созданы так, что на них не действуют никакие чары, даже чары драконов, и при этом они способны прекрасно защитить своего владельца. Весьма сложная задача, если учесть силу,

сложность и непредсказуемость самой природы драконов и их магии. Гальбаторикс, возможно, опутал себя и Шрюкна целой сетью охраняющих заклятий, но все же, возможно, Нирнен смог бы разрушить даже такую защиту, какой нет больше ни у кого во всей Алагейзии, причем разрушить с поистине невероятной легкостью!

Эрагон наконец понял, и его охватило настоящее ликование.

– Так мы должны...

Ему не дал договорить чей-то пронзительный вопль.

Звук был поистине ужасен – точно железом по стеклу; он разрывал плоть, точно удар кинжала, вызывая дрожь по всему телу. Эрагон даже зубами скрипнул и невольно закрыл руками уши; потом, сморщившись, резко обернулся, взял себя в руки и попытался определить, откуда исходит этот отвратительный звук. Сапфира замотала головой, и Эрагон даже сквозь этот шум услышал, как она тонко и жалобно засвистела носом.

Он быстро осмотрел весь двор, но лишь на второй раз заметил легкое, еле заметное облачко пыли, поднимавшееся над стеной из трещины примерно в фут шириной. Эта трещина появилась под тем самым почерневшим от пожара окном, в котором Блэдхгарм подстрелил мага. Пронзительный визг все усиливался, и Эрагон снова рискнул отнять одну руку от уха и указал ею на трещину под окном.

– Смотрите! – крикнул он, и Арья кивнула ему в знак того, что все поняла. Эрагон снова заткнул уши, и вдруг без предупреждения, без чьего-либо вмешательства этот звук умолк.

Эрагон выждал еще несколько секунд и лишь тогда медленно опустил руки. На этот раз ему пришлось даже пожалеть, что слух у него теперь стал таким острым.

И в тот же момент трещина на стене резко расширилась – до нескольких футов в ширину – и поползла вниз по крепостной стене, изломанная, как вспыхнувшая в небе молния. Добравшись до ворот, трещина ударила в замковый камень, и арка, вздрогнув, превратилась в груды каменных осколков, а сама крепость, казалось, застонала, и передняя часть ее стены – от изуродованного окна до разрушенного замкового камня ворот – начала крениться вперед, в сторону варденов.

– Бегите! – крикнул Эрагон, хотя люди и так уже бросились врассыпную, отчаянно стремясь убежать подальше от разрушающейся стены. Сам же Эрагон, напротив, бросился вперед, чувствуя, как напряжен каждый мускул его тела. Он вглядывался в толпу, пытаясь отыскать в ней Рорана.

Наконец он его заметил. Роран угодил в ловушку, оказавшись у самых ворот вместе со своим отрядом. Он орал на своих воинов, как бешеный, но слова его команд тонули в грохоте рушащихся камней. Затем стена дрогнула и осела еще на несколько дюймов, накрываясь все сильнее и осыпая Рорана камнями. На какое-то время он потерял равновесие, а потом, шатаясь, отступил назад, под нависшую арку дверей замка.

Когда Роран выпрямился, его глаза встретились с глазами Эрагона, и во взгляде его мелькнули страх и беспомощность, быстро, впрочем, сменившиеся презрением. Роран понял – как бы быстро он теперь ни бежал, ему все равно не успеть добраться до безопасного места.

Кривая усмешка скользнула по его губам.

И стена рухнула.

Удар молота

– Нет! – крикнул Эрагон, когда крепостная стена, с оглушительным грохотом рухнув и наполнив двор клубами черной пыли, похоронила Рорана и еще пятерых варденов под двадцатифутовой грудой камней.

Эрагон так громко выкрикнул это «нет!», что голос у него сорвался, и во рту возник медный вкус крови. Он с трудом вдохнул и, согнувшись пополам, сильно закашлялся.

– Ваэтна! – задыхаясь, вымолвил он и махнул рукой, призывая пыль рассеяться. Со звуком, напоминавшим шуршание шелка, густая темно-серая пыль стала улетучиваться, и вскоре центральная часть двора была уже совершенно чистой. Эрагон был настолько потрясен произошедшим и возможной гибелью Рорана, что даже не заметил, сколько сил отняло у него это заклинание.

– Нет, нет, нет... – бормотал он. – Роран не мог погибнуть! Не мог, не мог, не мог... – Он все повторял и повторял это про себя, словно от бесконечного повторения эти слова и впрямь могли стать реальностью. Но с каждым разом эта безмолвная фраза становилась все менее похожей на правду и все более походила на мольбу, обращенную неизвестно к кому – ко всему миру, наверное.

Перед ним стояли Арья и прочие вардены; они кашляли и терли руками глаза. Многие согнулись и опустили плечи, словно ожидая удара, а другие, раскрыв рот, непонимающе смотрели на огромную зияющую брешь. Весь двор был усыпан мелкими каменными обломками, и под ними почти уже не виден был старательно выложенный мозаичный рисунок. Две с половиной комнаты на втором этаже замка и одна на третьем – из окна которой с такой злобой наводил свои чары тот самый маг – были теперь совершенно открыты любым ветрам. При ярком солнечном свете внутренность этих комнат и мебель в них казались на редкость грязными и обшарпанными. Было видно, как с полдюжины солдат, вооруженных большими луками, пытаются выбраться из этих помещений, карабкаясь через обломки и стараясь отойти как можно дальше от обрыва, перед которым неожиданно оказались. Грубо толкая друг друга, они просачивались в дверь в уцелевшей стене комнаты и исчезали где-то в глубинах замка.

Эрагон пытался определить, сколько примерно весит самый большой кусок в куче каменных обломков; должно быть, несколько сотен фунтов. Совместными усилиями он, Сапфира и эльфы смогли бы, конечно, с помощью магии сдвинуть этот обломок с места, однако это отняло бы у них столько сил, что и сами они стали бы слабыми и весьма уязвимыми. К тому же это заняло бы слишком много времени. На мгновение Эрагон подумал о Глаэдре. Да, золотистый дракон, безусловно, достаточно силен, чтобы с легкостью расшвырять всю эту грудку камней, но сейчас нужно было действовать как можно быстрее. Элдунари Глаэдра в данный момент извлечь было непросто, и Эрагон совсем не был уверен, что ему удастся убедить Глаэдра хотя бы в необходимости поговорить, не говоря уж о том, чтобы спасти Рорана и остальных варденов.

Эрагон представил себе Рорана в последний миг, когда тот за секунду до обвала стоял под аркой дверей... и вздрогнул, неожиданно поняв, как следует поступить.

– Сапфира, помоги им! – крикнул он и, отбросив в сторону щит, бросился вперед.

Эрагон успел услышать, как у него за спиной Арья что-то сказала на древнем языке – какую-то короткую фразу, вроде бы означавшую: «Спрячь это!» – затем нагнала его и побежала рядом с мечом в руке, готовая сражаться.

У подножия груды обломков Эрагон постарался подпрыгнуть как можно выше и, коснувшись одной ногой большого куска стены, снова подпрыгнул, перескочив с этой опоры на следующую, точно горный козел, взбирающийся по отвесной стене ущелья. Он с отвращением подумал, что, наверное, зря так сильно рискует, ибо и сам легко мог оказаться под потревожен-

ными им каменными обломками и погибнуть, но более быстрого способа достигнуть вершины этой жуткой груды он не видел.

Совершив последний мощный прыжок, Эрагон перепрыгнул в разрушенное помещение второго этажа и ринулся к двери в дальней стене. Он с такой силой распахнул ее, что выломал засов, а сама дверь, сорвавшись с петель, с грохотом выпала в коридор. От страшного удара даже крепкие дубовые планки во многих местах расщепились.

Эрагон вихрем промчался по коридору. Собственные шаги и дыхание казались ему какими-то странно приглушенными, словно в ушах у него было полно воды.

Потом он чуть замедлил бег и осторожно заглянул в открытую дверь. За ней он увидел кабинет и пятерых вооруженных мужчин, которые, сгрудившись вокруг рабочего стола, о чем-то спорили, тыча пальцами в карту. Никто из них Эрагона не заметил.

Он бросился дальше и, не снижая скорости, завернул за угол, где столкнулся с каким-то идущим ему навстречу солдатом, и врезался лбом прямо в его щит. Перед глазами у него вспыхнули красные и желтые огни, он обхватил воина руками, и они, шатаясь, закружились в коридоре, точно парочка пьяных танцоров.

Солдат буркнул какое-то ругательство, пытаясь вырваться и обрести равновесие.

– Да что с тобой такое, чтобы тебя трижды разорвало... – воскликнул он и только тут понял, *кто* перед ним. Глаза его невольно расширились. – Ты?!

Эрагон медлить не стал: с силой отведя назад правую руку, он ударил солдата прямо в солнечное сплетение. Тот подлетел вверх, ударился о низкий потолок и безжизненной грудой рухнул на пол.

– Я, – подтвердил Эрагон и бросился дальше.

Сердце у него бешено колотилось, и ему казалось, что оно стало биться еще в два раза быстрее с тех пор, как он проник в замок. Порой ему казалось, что сейчас сердце и вовсе выскочит у него из груди.

«Где же это?» – думал он лихорадочно, заглядывая в каждую дверь и не находя там ничего похожего на лестницу.

Наконец в самом конце какого-то грязного бокового коридорчика он обнаружил винтовую лестницу и, перепрыгивая разом через пять ступенек, поднялся в какое-то странное помещение с высоким сводчатым потолком, чем-то напоминавшее собор в Драс-Леоне. Быстро поворачиваясь вокруг своей оси, он успел разглядеть на стенах и щиты, и различное оружие, и красные знамена, и узкие окна почти под самым потолком, и факелы в держателях из кованого чугуна, и безжизненные каминные, и длинные, из темного дерева раскладные столы, составленные вдоль обеих стен, и возвышение в дальнем конце комнаты, где перед креслом с высокой спинкой, похожем на трон, стоял какой-то роскошно одетый бородатый человек. Итак, Эрагон находился в главном зале замка. Справа от него, между ним и дверями, которые вели к выходу, стоял отряд из пятидесяти с лишним человек. Золотая нить в их нарядных котах поблескивала в свете факелов. Увидев Эрагона, они зашевелились и удивленно загудели, а бородатый человек приказал:

– Убейте его! – Но Эрагону показалось, что голос этого лорда звучит не столько повелительно, сколько испуганно. – Тот, кто его убьет, получит треть моего состояния! Клянусь!

Ужасное ощущение того, что вот сейчас и рухнут все его планы, охватило душу Эрагона. Нет, он не даст им снова встать у него на пути! Выхватив из ножен меч, он поднял его над головой и крикнул:

– Брисингр!

Раздался легкий шелест, и от эльфийского клинка взметнулись языки синего пламени, пробегая по всему сверкающему лезвию до самого острия. Живительный жар этого огня согрел правую руку и щеку Эрагона, и он перевел взгляд на воинов:

– Убирайтесь! – прорычал он. Те несколько мгновений колебались, потом разом повернулись и исчезли в коридоре.

А Эрагон ринулся вперед, не обращая внимания на тех неповоротливых увальней, которые, впад в панику, оказались в пределах досягаемости для его пылающего меча. Один из них, споткнувшись, рухнул прямо под ноги Эрагону, который легко перепрыгнул через него, не коснувшись даже кисточки на шлеме.

Стремительные движения Эрагона раздували пламя, полыхавшее на Брисингре, и языки этого пламени летели за ним, точно грива несущейся галопом лошади.

Опустив плечи и по-бычьему нагнув голову, Эрагон выбежал в широкую дверь, за которой находился зал приемов. Он вихрем пронесся через это длинное и широкое помещение в коридор, куда выходили двери других комнат. Эрагон успел заметить, что там было полно солдат, оружия и всевозможных приспособлений для подъема и спуска главных ворот крепости. Затем он со всего размаха уперся в решетку, которая и преградила ему путь к тому месту, где стоял Роран, когда рухнула стена.

Железная решетка прогнулась, когда Эрагон со всей силы ударил в нее, но сил, чтобы проломить металл, у него не хватило.

И он, пошатываясь, отступил на шаг назад. А потом снова направил в свое тело и в Брисингр ту энергию, что была накоплена в алмазах, спрятанных в поясе Белотха Мудрого, лишив драгоценные камни их еще более драгоценного запаса магической энергии, но заставив пылавший на его клинке огонь вспыхнуть ослепительно-ярко. Беззвучный крик вырвался у него изо рта, когда он отвел руку назад и ударил мечом по металлической решетке. Вокруг так и посыпались оранжевые и желтые искры, прокусывая насквозь его перчатки и больно жала обнаженные участки тела. Капля расплавленного металла, шипя, упала на его сапог. Резко дернув ногой, он сбросил ее.

Оказалось, достаточно нанести всего три рубящих удара, и перед ним в решетке открылось отверстие высотой в человеческий рост, а вырубленный кусок решетки упал внутрь. Искоженные края прохода светились, раскаленные добела.

Эрагон позволил пламени над Брисингром слегка улечься и прошел в сделанный им проход.

Сперва налево, потом направо, потом снова налево – он бежал без остановки, следуя изгибам бесконечно длинного коридора, предназначенного для того, чтобы замедлить продвижение воинов противника, если бы им удалось пробиться внутрь крепости.

В последний раз свернув за угол, он увидел наконец вожака целю – вестибюль крепости, окутанный мраком и заваленный каменными осколками. Даже с помощью своего острого, почти эльфийского, зрения Эрагон мог различить во мраке лишь самые крупные предметы, поскольку осколки камней загасили все факелы, горевшие на стенах. В тишине отчетливо слышалось какое-то странное сопение и царапанье – словно какое-то большое и неуклюжее животное возилось под кучей каменных обломков, пытаясь выбраться.

– Найна, – сказал Эрагон, создавая магический световой шар.

Голубоватый, лишенный конкретной направленности свет озарил пространство перед ним, и Эрагон увидел, как из-под камней появляется Роран, потный, покрытый грязью, кровью и копотью, с угрожающе оскаленными зубами. Похоже, все это время он не переставал бороться с каким-то солдатом Империи, рядом лежали трупы еще двух людей.

Солдат испуганно заморгал, заметив неожиданно вспыхнувший свет, и Роран тут же воспользовался этим, скрутил его, поставил на колени и, выхватив у него из-за пояса кинжал, перерезал ему горло. Солдат раза два брыкнул ногами и затих.

Хватая ртом воздух, Роран отшвырнул мертвое тело и выпрямился; с пальцев у него капала кровь. Посмотрев на Эрагона каким-то странным остекленевшим взглядом, он промолвил: «Как ты вовремя...» – и потерял сознание.

Тени на горизонте

Чтобы Роран не грохнулся головой о каменный пол, Эрагон был вынужден бросить Брисингр, чего ему делать очень не хотелось, и подхватить брата. Его драгоценный меч зазвенел о каменные плиты в тот самый миг, когда тело Рорана упало ему на руки.

– Он сильно ранен? – слышался голос Арьи.

Эрагон вздрогнул и с удивлением увидел, что Арья и Блэдхгарм стоят с ним рядом.

– Не думаю, – сказал он и похлопал Рорана по щекам, невольно еще больше размазывая грязь у него по лицу. В ровном, льдисто-голубом свете магического шара Роран казался совершенно изможденным. Его запавшие глаза были окружены темными кругами, а губы, наоборот, казались ярко-красными, словно вымазанными ягодным соком. – Ну же, очнись! – звал его Эрагон.

Через некоторое время веки Рорана дрогнули, он открыл глаза и посмотрел на Эрагона, явно ничего не понимая. Чувство облегчения, охватившее Эрагона, было столь сильным, что он, казалось, чувствовал его вкус.

– Ты ненадолго потерял сознание, – сказал он Рорану.

– Ага...

«Он жив!» – мысленно сообщил Эрагон Сапфиге, рискнув ненадолго установить с нею мысленный контакт.

Дракониха явно осталась довольна этим известием:

«Прекрасно. Тогда я останусь здесь и помогу эльфам убрать камни от входа в здание. Если я тебе понадобится, позови, и я найду способ до тебя добраться».

Звеня кольчугой, Роран с помощью Эрагона поднялся на ноги, и Эрагон спросил:

– А что с остальными? – Он указал на груды каменных осколков.

Роран покачал головой.

– Ты уверен?

– Там никто не сумел бы выжить. Я-то спасся только потому, что меня отчасти закрыла арка.

– Как ты себя чувствуешь-то?

– Что? – Роран нахмурился, словно не понимая вопроса. Казалось, эта мысль ему в голову вообще не приходила. – Я в полном порядке... Кисть, похоже, сломана, но это ничего.

Эрагон выразительно посмотрел на Блэдхгарма. На лице эльфа отразилось явное, хотя и не ярко выраженное, неудовольствие, но он все же подошел к Рорану и вкрадчивым голосом спросил:

– Не могу ли я... – и протянул руку к поврежденной руке Рорана.

Пока Блэдхгарм трудился над увечьем Рорана, Эрагон подобрал с пола Брисингр и встал вместе с Арьей у входа на тот случай, если кто-то из защитников крепости окажется столь дерзким, что решится на них напасть.

– Ну вот и все, – сказал Блэдхгарм и отошел от Рорана, а тот покрутил в воздухе кистью, проверяя, хорошо ли работает сустав, и от души поблагодарил эльфа. Потом Роран порывлся в обломках, отыскал свой молот, поправил покосившуюся рукоять, сунул молот за пояс и посмотрел в сторону выхода.

– Я чуть было не добрался до этого лорда Брэдберна, – сказал он обманчиво-спокойным тоном. – Он, по-моему, засиделся на своем троне, пора бы его от этих обязанностей освободить. Ты разве со мной не согласна, Арья?

– Согласна, – сказала она.

– Ну, тогда давайте отыщем этого старого болвана с толстым мягким брюхом, и я его слегка пристукну своим молоточком – пусть вспомнит, скольких мы сегодня потеряли.

– Несколько минут назад он был в главном зале, – сказал Эрагон, – только вряд ли он стал дожидаться нашего возвращения.

Роран кивнул.

– Что ж, тогда придется за ним поохотиться. – И он рысцой ринулся вперед.

Эрагон, погасив магический шар, поспешил следом за Рораном, держа меч наготове. Арья и Блэдхгарм тоже старались от него не отставать, хотя этому и мешали бесконечные извилины и повороты коридора.

Зал, куда привел их коридор, оказался, разумеется, совершенно пуст, как и главный зал замка. Единственным свидетельством того, что там только что находилось не менее пятидесяти воинов, был кем-то забытый шлем, валявшийся на полу.

Эрагон и Роран промчались мимо мраморного тронного возвышения, и Эрагон старательно соизмерял свою скорость со скоростью брата, чтобы случайно не оставить его далеко позади. Пинками они вышибли дверцу слева от возвышения и ринулись вверх по находившейся за дверцей лестнице.

На каждом этаже они ненадолго останавливались, чтобы Блэдхгарм мог мысленно обследовать пространство, пытаясь обнаружить какие-то следы лорда Брэдберна и его свиты, но эльф так ничего и не обнаружил.

На верхнем этаже Эрагон услышал грохот сапог, а потом увидел целый лес оцетинившихся копий. И почти сразу же Роран получил резаную рану в лицо и в правое бедро. Из раны в ногу кровь полилась ручьем, и Роран, взревев, точно раненый медведь, ринулся на копья, выставив перед собой щит и пытаясь силой преодолеть сопротивление солдат, выталкивая их с лестницы. Солдаты истерически орали.

Эрагон, переложив Брисингр в левую руку, вытянул правую руку из-за спины Рорана и, схватив одно из копий за древко, выдернул его из рук воина. Мгновенно перевернув копье, он метнул его в самую середину толпы людей, загораживавших проход. Кто-то пронзительно вскрикнул, кто-то упал, и почти сразу в стене тел образовался узкий проем. Эрагон еще раз повторил тот же прием, и это привело к тому, что через пару минут количество солдат уменьшилось настолько, что Роран шаг за шагом сумел-таки оттеснить их назад.

Как только им удалось выбраться с лестницы на просторную площадку, окаймленную балюстрадами, оставшиеся человек десять – двенадцать солдат попросту разбежались, однако каждый постарался занять такую позицию, чтобы в случае чего было удобно метнуть в противника свое копье. Роран снова дико взревел и набросился на ближайшего к нему солдата. Ловко отразив удар меча, он решительно шагнул к воину и с такой силой ударил его молотом по шлему, что тот зазвенел, точно пустая кастрюля.

Эрагон быстро пересек площадку и, схватив двоих солдат, стоявших рядом, разом швырнул их на пол, а потом расправился с ними, нанеся каждому по одному лишь удару Брисингра. Прямо у него над головой, чуть не попав в него, пронесся брошенный кем-то боевой топор. Увернувшись от страшного удара, Эрагон присел, потом резко прыгнул вбок и швырнул того, кто метнул топор, через балюстраду на землю. А затем, успев развернуться, отразил нападение еще двоих, пытавшихся выпустить ему кишки пиками с острыми зазубренными наконечниками.

Тут подоспели и Арья с Блэдхгармом. Эльфы двигались безмолвно, с присущим им изяществом, словно исполняя некий смертельно опасный танец, что делало эту жуткую сцену насилия похожей на искусно поставленное представление, а не на схватку, которую противники ведут не на жизнь, а на смерть.

В этой стремительной схватке, полной звона металла, хруста сломанных костей, глухого стука отрубленных конечностей и душераздирающих стонов и криков, они вчетвером перебили всех оставшихся солдат.

Как и всегда, сражение вдохнуло в Эрагона новые силы, подняв его боевой дух. У него было такое ощущение, словно его окатили ведром холодной воды. Ясность мыслей у него была теперь просто необыкновенная.

А вот Роран, согнувшись и упершись руками в колени, хватал ртом воздух, словно только что остановился после долгого бега.

– Поправить? – спросил Эрагон, указывая на порезы на лице брата и на его окровавленную ногу.

Роран несколько раз с силой оперся на эту ногу, пробуя, выдержит ли она его вес, и сказал:

– Ничего, это может и подождать. Давай сперва отыщем Брэдберна.

Эрагон пошел впереди, а остальные гуськом за ним – сперва вниз по той же винтовой лестнице, затем снова вверх. Наконец, потратив на поиски еще минут пять, они нашли лорда Брэдберна. Он забаррикадировался в самом верхнем помещении западной башни, но с помощью нескольких несложных заклятий Эрагону, Арье и Блэдхгарму удалось не только отворить двери, но и разбросать груды мебели, которую к этим дверям придвинули. Когда они вместе с Рораном вошли внутрь, придворные и охрана лорда, заслонявшие его собой, не только побледнели, но и задрожали. Надо сказать, Эрагон испытал большое облегчение, когда ему пришлось прикончить всего лишь троих стражников, прежде чем все остальные побросали свое оружие и щиты на пол и сдались.

Затем Арья подошла к лорду Брэдберну, который все это время хранил молчание, и сказала:

– А теперь прикажи всем своим воинам сложить оружие. Их, в общем, осталось немного, но оставшимся ты еще можешь спасти жизнь.

– И не подумаю! – с издевкой заявил Брэдберн, и в голосе его прозвучала такая ненависть, что Эрагон чуть не ударил его. – Ты от меня не дождешься никаких уступок, эльфийка. Я никогда не сдам своих людей на милость таких нечестивых, *неестественных* существ, как вы! Лучше умереть. И не надейся, что сумеешь ввести меня в заблуждение своими сладкими речами. Мне известно о вашем союзе с ургалами, так что я скорее поверю змее, чем существу, которое способно преломить хлеб с этими рогатыми чудовищами!

Арья молча кивнула, положила руку Брэдберну на лицо и закрыла глаза. Некоторое время оба они стояли совершенно неподвижно, но Эрагон мысленно чувствовал, какая бешеная схватка разумов происходит между этими двумя соперниками. Впрочем, Арья вполне успешно преодолевала все мысленные барьеры, поставленные Брэдберном, и в итоге полностью завладела его душой и разумом. Она тут же принялась изучать его воспоминания и вскоре обнаружила то, что искала: природу его хранителей.

Тогда она произнесла что-то на древнем языке и наложила сложное заклятие, которое должно было обмануть этих магических стражей и погрузить Брэдберна в сон. Когда она умолкла, глаза лорда закрылись, и он, вздохнув, бессильно обвис у нее на руках.

– Она его убила! – вскричал один из стражников, и отовсюду понеслись испуганные и гневные крики слуг и приближенных лорда.

Эрагон попытался было убедить их, что это не так, но услышал, как где-то вдалеке протрубила труба варденов. Ей вскоре ответила вторая труба, гораздо ближе, затем еще одна, и вдруг Эрагон услышал обрывки радостных – да, радостных, он мог бы в этом поклясться! – возгласов, доносившихся со двора.

Озадаченный, он переглянулся с Арьей, и они, собравшись в кружок, стали выглядывать изо всех окон зала по очереди.

На запад и юг от крепости простиралась Белатона. Это был крупный процветающий город, один из самых больших в Империи. Ближе к замку лорда Брэдберна здания имели весьма внушительные размеры и были сложены из камня. У них были хорошо просмоленные крыши и красивые балконы. А дальше вдоль улиц тянулись в основном деревянные или глинобитные дома, и некоторые из деревянных строений во время битвы оказались охвачены пожаром. Над городом висела едкая коричневая пелена дыма, от которого першило в горле и щипало глаза.

Дальше к юго-западу, примерно в миле от города, находился лагерь варденов: длинные ряды серых войлочных палаток, окруженные траншеями и частоколом; на немногочисленных и более ярко окрашенных шатрах развевались боевые флаги; земля была буквально устлана сотнями раненых. Палатки целителей были явно переполнены.

К северу, за доками, причалами и пакгаузами, раскинулось огромное озеро Леона, на темной поверхности которого изредка мелькали белые гребешки волн.

А с запада на город надвигалась стена черных туч, грозившая залить все вокруг струями дождя, которые, похоже, уже повисли у нее по краям, точно неровный подол женской юбки. Где-то в недрах этой черной стены время от времени вспыхивали синие молнии и глухо ворчал, точно рассерженный зверь, гром.

Но нигде не мог Эрагон найти объяснение тому радостному шуму толпы, который привлек их внимание.

Они с Арьей поспешили к окну, выходившему прямо во двор крепости. Сапфира вместе с помогавшими ей людьми и эльфами только что закончила расчищать путь от груды камней перед дверями крепости. Эрагон свистнул и, когда Сапфира, подняв голову, посмотрела на него, помахал ей рукой. Ее длинные челюсти раздвинулись словно в улыбке, обнажая острые зубы, и она выпустила в его сторону облачко дыма.

– Эй! Что там нового? – крикнул Эрагон.

Один из варденов, стоявших на крепостной стене, указал рукой на восток.

– Смотри, Губитель Шейдов! Сюда идут коты-оборотни! Коты-оборотни, надо же!

Струйка холодного пота потекла у Эрагона по спине. Он посмотрел в ту сторону, куда указывал варден, и увидел целую армию этих загадочных тварей. Их темные фигурки выныривали, казалось, из каждой складки холмистой местности на том берегу реки Джиет, всего в нескольких милях от крепости. Некоторые коты-оборотни, как оказалось, передвигались на четырех лапах, а некоторые – на двух, но пока что они были слишком далеко, чтобы Эрагон мог с уверенностью сказать: да, это действительно они.

– Возможно ли это? – спросила Арья, и в голосе ее также слышалось глубочайшее изумление и недоверие.

– Не знаю... Впрочем, мы так или иначе скоро все узнаем: они явно направляются сюда.

Король котов-оборотней

Эрагон стоял в парадном зале замка справа от трона, на котором некогда восседал лорд Брэдберн; его левая рука лежала на рукояти Брисингра, убранного в ножны. Слева от трона стоял Джормундур – главнокомандующий войском варденов, сняв с головы шлем и держа его на сгибе руки. Его волосы были темно-каштановыми, но на висках уже успели поседеть. Джормундур, как всегда, зачесал их назад и заплел в длинную косу. Его худощавое гладкое лицо имело выражение сосредоточенно-равнодушного спокойствия, свойственное тем, кто привык подолгу ждать других. Эрагон заметил тонкую струйку крови, вытекавшую из-под правого наручного доспеха Джормундура, но сам он, похоже, этого вовсе не замечал и никакой боли не чувствовал.

Между ними восседала на троне предводительница варденов Насуада. В своем новом желто-зеленом платье она выглядела великолепно. Насуада нарядилась всего несколько минут назад, выменяв платье на военные трофеи и сочтя подходящим для столь официального момента, связанного с решением государственных вопросов. Но и для нее это сражение не прошло бесследно, об этом свидетельствовала льняная повязка на левой руке.

Очень тихо, так, чтобы только Эрагон и Джормундур могли ее слышать, Насуада сказала:

– Если бы мы могли заручиться их поддержкой...

– А что они захотят взамен? – тут же спросил Джормундур. – Наша казна почти пуста, а будущее весьма неопределенно.

Губы Насуады почти не двигались, когда она еще тише промолвила:

– Возможно, они от нас ничего и не захотят, кроме возможности нанести Гальбаториксу ответный удар. – Она помолчала и прибавила: – Но если это не так, нам придется изыскать иные возможности, а не только золото, и постараться убедить их присоединиться к нам.

– Может быть, тебе пообещать каждому бочонок сливок? – шепотом предложил Эрагон, и Джормундур хрюкнул, давась от смеха. Насуада тоже тихонько засмеялась, но вскоре им пришлось прекратить все разговоры.

У дверей парадного зала прозвучали голоса трех труб. Паж с льняными кудрями и вышитым на рубаше знаменем варденов – белым драконом, держащим розу над мечом, повернутым острием вниз, на пурпурное поле, – вошел в открытую дверь, проследовал на середину зала, три раза ударил посохом об пол и тонким, срывающимся детским голоском провозгласил:

– Его благороднейшее королевское величество Гримрр Полулапа, король котов-оборотней, хозяин Безлюдных Мест, правитель ночных просторов и Тот, Кто Ходит Сам По Себе.

«Какой странный титул: Тот, Кто Ходит Сам По Себе», – подумал Эрагон и мысленно сказал это Сапфире.

«Зато вполне заслуженный, как мне кажется», – ответила она, и Эрагон почувствовал в ее словах явное удовлетворение, хотя увидеть ее, свернувшуюся клубком, со своего места и не мог.

Паж отошел в сторону, и в дверях показался Гримрр Полулапа в человеческом облике. За ним следовала свита из четырех котов-оборотней, мягко ступавших своими мохнатыми лапами. Поводкой все четверо очень напоминали Эрагону кота Солебума, с которым он был знаком. У них были такие же мощные плечи и стройные лапы, как и у Солебума (когда тот пребывал в зверином облике, разумеется), и такая же короткая темная гривка, спускавшаяся с шеи на холку, и такие же кисточки на ушах, и такой же темный кончик хвоста, которым они весьма изящно покачивали.

А вот Гримрр Полулапа не был похож ни на одно существо, каких Эрагону до сих пор доводилось видеть. С виду, особенно издали, его действительно можно было принять за человека, однако росту в нем было не более четырех футов, то есть он был чуть меньше обычного

гнома, но за гнома его никто никогда бы не принял. Как, впрочем, и за человека, особенно при ближайшем рассмотрении. В лице его, пожалуй, было что-то эльфийское: маленький остренький подбородок, широкие скулы, густые, даже лохматые, брови и раскосые зеленые глаза, окаймленные длинными ресницами. Его густая черная челка закрывала лоб до самых глаз, а по бокам и сзади волосы были до плеч, прямые, гладкие, блестящие и тяжелые, чем-то напоминая гривки котов-оборотней в их истинном обличье. Что касается возраста Гримрра, то тут Эрагон даже предположить ничего не пытался.

Одет Гримрр Полулапа тоже был довольно необычно: в грубую кожаную куртку и набедренную повязку из кроличьих шкурок. К полам куртки были привязаны черепа примерно полудюжины различных зверьков – птиц и прочей мелкой дичи, – которые при движении неприятно позвякивали. За пояс набедренной повязки был заткнут кинжал в ножнах. Орехово-смуглую кожу короля котов украшало множество тонких белых шрамов, похожих на царапины, покрывающие обычно старую, много лет используемую столешницу. У Гримрра, как на то и указывало его имя, на левой руке не хватало двух пальцев: похоже, кто-то их ему откусил.

Несмотря на всю его хрупкость, даже изящество, не возникало ни малейших сомнений в том, что Гримрр мужского пола. Особенно впечатляли мощные мышцы его рук и плеч, широкая грудь, узкие бедра и пружинистая, хотя и несколько ленивая походка.

Казалось, что коты-оборотни вовсе не замечают людей, выстроившихся по обе стороны прохода к трону, и лишь когда Гримрр Полулапа поравнялся с травницей Анжелой, которая стояла рядом с Рораном и, как всегда, вязала очередной длиннющий полосатый чулок на шести спицах, глаза короля котов сузились, а по его шерсти словно волна прошла, и вся она встала дыбом. Точно так же отреагировали на Анжелу и четверо охранников Гримрра. А сам он, приподняв верхнюю губу и обнажив пару слегка изогнутых белых клыков, к удивлению Эрагона, издал короткое, громкое шипение.

Анжела подняла на него глаза, но лицо ее осталось спокойным и равнодушным, когда она сказала:

– А, здравствуй, киска. Кис-кис-кис.

На мгновение Эрагону показалось, что кот-оборотень бросится на нее. Словно черная волна прошла по его шее и странному нечеловеческому лицу, ноздри его раздулись, и он тихо зарычал, глядя на травницу. Остальные коты приняли боевую позицию – низко присели, готовясь прыгнуть, и прижали уши к голове.

Послышался шелест стали – многие явно вытаскивали из ножен мечи. Гримрр снова зашипел, потом отвернулся от Анжелы и неторопливо двинулся дальше. Когда мимо нее проходил последний из его свиты кот-оборотень, он тайком ударил лапой по клубку шерсти, точно обыкновенный домашний кот-озорник.

Сапфира была изумлена этой сценой не меньше Эрагона.

– «Киска?» – переспросила она.

Эрагон пожал плечами, забыв, что она его видеть не может, и мысленно ответил:

«Понятия не имею, почему она его так назвала. Да и кто может знать, что и почему делает или говорит Анжела?»

Наконец Гримрр добрался до Насуады, спокойно восседавшей на троне, и слегка поклонился ей, демонстрируя этим дерзким полупоклоном не только чрезвычайную самоуверенность, но и явную спесь, свойственную, пожалуй, только кошкам, драконам и некоторым знатым дамам.

– Госпожа Насуада, – сказал Гримрр в качестве приветствия. Голос у него оказался на удивление глубоким и низким, куда более похожим на хриплое рычание дикого кота, хотя его внешний вид, более всего напоминавший юношу, даже мальчика, предполагал, что он заговорит пронзительным дискантом или тенором.

Насуада также поклонилась довольно небрежно и ответила:

– Король Полулапа, мы очень рады видеть вас среди варденов – и лично вас, и других представителей вашего народа. Я сразу же должна извиниться за отсутствие здесь нашего общего союзника, короля Сурды Оррина. Он не смог быть здесь и приветствовать вас, как очень того хотел, но в данный момент он со своей кавалерией защищает наш западный фланг от значительного контингента имперских войск.

– Прекрасно вас понимаю, госпожа Насуада, – сказал Гримрр, и острые зубы его блеснули. – Никогда не следует поворачиваться к врагам спиной.

– Да, вы правы... Но все же чему мы обязаны столь неожиданным удовольствием видеть вас в нашем кругу, ваше высочество? Коты-оборотни всегда славятся приверженностью к уединению и всевозможным тайнам и загадкам. Кроме того, известно их стремление оставаться в стороне от любых конфликтов между народами Алагейзии, особенно со времен падения ордена Всадников. Можно, пожалуй, даже сказать, что ваш народ в течение последнего столетия воспринимается многими скорее как миф, чем как реальность. Ответьте же мне, почему вы именно сейчас решили все же явить себя свету?

И Гримрр, кот в человеческом облике, поднял правую руку и указал на Эрагона кривоватым, похожим на коготь пальцем, украшенным длинным острым ногтем.

– Из-за него! – недовольно буркнул, почти прорычал он. – Один охотник никогда не нападет на другого, пока тот не покажет свою слабину. Гальбаторикс свою слабину показал: он ни за что не станет убивать Эрагона Губителя Шейдов или Сапфиру Бьяртскулар. Долго же мы этого ждали! И уж теперь ни за что такой возможности не упустим. И Гальбаторикс научится бояться и ненавидеть нас и поймет наконец, сколь велика была его давнишняя ошибка! Поймет, что именно мы участвовали в его разгроме. Ах, как сладка будет наша месть! Сладка, как костный мозг нежного молодого кабанчика! Пришло время представителям всех рас и народов, в том числе и котов-оборотней, объединиться и доказать Гальбаториксу, что ему так и не удалось уничтожить наше стремление к борьбе и свободе. Мы присоединимся к твоей армии, госпожа Насуада! Но как свободные союзники. Мы поможем вам уничтожить власть Гальбаторикса.

Что именно думала Насуада, слушая Гримрра, Эрагон бы сказать не взялся, но и на него, и на Сапфиру речь кота-оборотня произвела довольно сильное впечатление.

Немного помолчав, Насуада сказала:

– Ваши слова чрезвычайно приятно слышать, ваше величество, но, прежде чем принять ваше великодушное предложение, мне необходимо получить от вас ответы на некоторые вопросы. Вы не возражаете?

С видом полнейшего равнодушия Гримрр махнул рукой:

– Не возражаю. Извольте, я отвечу.

– Ваш народ всегда был *столь* таинственным и *столь* неуловимым, что, должна признаться, я до сегодняшнего дня даже никогда не слышала о вашем величестве. Честно говоря, я не знала даже, что у вашего народа есть *правитель*.

– Но я вовсе не такой правитель, как ваши короли, – сказал Гримрр. – Коты-оборотни предпочитают существовать независимо, но даже мы вынуждены бываем выбрать себе вожака, когда собираемся воевать.

– Понятно. В таком случае выступаете ли вы от лица всей вашей расы или же только от лица тех, с кем прибыли сюда?

Гримрр гордо выпятил грудь, и на лице его отразилось еще большее, если такое вообще возможно, самодовольство.

– Разумеется, я говорю от лица всех моих сородичей, госпожа Насуада, – сообщил он так ласково, словно промурлыкал. – Каждый дееспособный кот-оборотень из обитающих в Алагейзии, за исключением тех, что нянчат новорожденных, прибыл сюда и намерен драться. Нас не так уж много, но никто не может сравниться с нами в бою, ибо мы невероятно жестоки

и свирепы. Кроме того, я могу также командовать теми, у кого лишь одно обличье, однако выступать от их лица я не могу, ибо они безмолвны, как и все прочие животные. И тем не менее они поступят так, как мы попросим.

– Те, у кого лишь одно обличье? – переспросила Насуада.

– Вы их прекрасно знаете и обычно называете «кошками». Они не способны менять свое обличье, в отличие от нас.

– И обычные кошки тоже вам подчиняются? Но верны ли они вам?

– О да! Они нами восхищаются... и это совершенно естественно.

«Если то, что он говорит, правда, – мысленно сказал Эрагон Сапфире, – то коты-оборотни действительно могли бы оказаться чрезвычайно ценны для нас».

А Насуада тем временем продолжала задавать Гримрру свои вопросы.

– А что именно, король, вы хотели бы получить от нас в обмен на вашу помощь? – Она быстро глянула на Эрагона, улыбнулась и прибавила: – Мы, разумеется, могли бы предложить вам сколько угодно сливок, но, помимо этого, признаюсь, наши ресурсы весьма бедны. Если ваши воины рассчитывают, что им заплатят за труды, то, боюсь, они будут сильно разочарованы.

– Сливки – лакомство только для котят. Ну, а золото для нас интереса не представляет, – ответил Гримрр и, поднеся к самому носу правую руку, стал внимательно изучать свои острые ногти, чуть прикрыв глаза веками. – Наши условия таковы: каждый из нас должен непременно быть вооружен кинжалом, если, разумеется, у него до сих пор еще нет кинжала. Кроме того, каждый должен получить по два комплекта доспехов, в точности соответствующих его росту, – один на тот случай, когда мы пребываем в обличье двуногих, другой – когда мы остаемся в зверином обличье. Никакой другой экипировки нам не нужно – нам не нужны ни палатки, ни одеяла, ни тарелки, ни ложки. Но каждому из нас должен быть обещан в день один гусь, или утка, или курица, или еще какая-то птица, а через день каждый должен получать миску свежей рубленой печени. Даже если нам не захочется сразу все это съесть, указанная пища должна быть непременно для нас оставлена. Кроме того, если вам удастся победить в этой войне, то ваш следующий правитель – король или королева, не важно, а также все последующие претенденты на этот титул, – должен держать возле своего трона мягкую подушку, положив ее на самое почетное место, чтобы избранный представитель нашего народа мог с удобством на ней устроиться.

– Вы, ваше величество, торгуетесь, как гном во время принятия нового закона, – сухо заметила Насуада и, наклонившись к Джормундуру, шепотом спросила: – А у нас хватит печенки, чтобы накормить их всех?

– Надеюсь, – тоже шепотом ответил Джормундур. – В зависимости от размеров миски, естественно.

Насуада выпрямилась и снова повернулась к Гримрру; тон у нее стал довольно прохладным:

– Два набора доспехов – это слишком много, король Полулапа. Вашим воинам придется решать, то ли они будут сражаться в обличье кошек, то ли людей, и как-то придерживаться принятого решения. В данный момент я не могу себе позволить двойную экипировку для каждого.

Если бы сейчас у Гримрра был хвост, то при словах Насуады он наверняка недовольно задергал бы им. Но, пребывая в человеческом обличье, кот-оборотень просто переступил с ноги на ногу и с деланным равнодушием кивнул:

– Хорошо, госпожа Насуада.

– И еще одно. У Гальбаторикса повсюду имеются шпионы и убийцы. А потому – и это одно из неперемennых условий *для любого* из тех, кто хочет присоединиться к варденам, – вы

должны согласиться на то, чтобы наши заклинатели заглянули в вашу память и прочли ваши мысли, ибо мы должны быть уверены, что Гальбаторикс не имеет над вами власти.

Гримрр фыркнул:

– Если бы вы этого не сделали, то поступили бы очень глупо. И если у вас есть кто-то достаточно смелый, чтобы прочесть наши мысли, пусть читает. Но только не она! – И он, скривившись, указал на Анжелу. – Она никогда не заглянет в наши мысли!

Насуада колебалась. Эрагон видел, что ей ужасно хочется спросить, почему кошачий король так относится к Анжеле. Но она сдержала себя, кивнула и сказала:

– Хорошо. Значит, решено. Я сразу же пошлю за нашими магами, чтобы решить этот вопрос без отлагательств. И после этого – но в зависимости от того, что маги обнаружат в вашей памяти, хотя я уверена, что ничего неблагоприятного для нас там не будет, – я почту за честь подписать между вашим народом и варденами союзническое соглашение.

Слова Насуады были встречены радостными криками и аплодисментами. Анжела захлопала в ладоши. Даже эльфы, похоже, были весьма довольны.

А вот коты-оборотни никак на эту устную договоренность не прореагировали, разве что раздраженно дернули ушами и прижали их к голове: им этот шум явно действовал на нервы.

Последствия

Все еще сидя в седле, Эрагон застонал и устало откинулся назад. Потом, обхватив колени руками, скользнул вниз по колючей чешуе Сапфиры на землю, где с удовольствием уселся и вытянул перед собой ноги.

– До чего же есть хочется! – снова простонал он.

Они с Сапфирой устроились во дворе крепости подальше от людей. Вардены были заняты расчисткой – старательно складывали камни в груды, а трупы на повозки. Из полуразрушенного замка непрерывным потоком выходили люди. Большая их часть ранее присутствовала на встрече Насуады с королем Гримрром, а теперь расходились, чтобы заняться насущными делами. Блэдхгарм и четверо эльфов, как всегда, стояли поблизости, посматривая, не грозит ли откуда опасность. Вдруг кто-то из них предостерегающе крикнул, и Эрагон, подняв голову, увидел, что к нему со стороны крепости направляется Роран, а за ним, всего в нескольких шагах, тащится Анжела. Ее чулок и пряжа развевались на ветру, а ей самой приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отстать от широко шагавшего Рорана.

– Ты куда это направляешься? – спросил Эрагон, когда Роран наконец до него добрался.

– Хочу попытаться навести порядок в городе. Да и пленных нужно как-то устроить.

– Да-да... – Эрагон рассеянно оглядел крепостной двор, где кипела работа, и снова посмотрел на израненное лицо Рорана. – А ты, между прочим, здорово сражался!

– Ты тоже.

За это время Анжела успела нагнать Рорана, остановилась рядом и вновь занялась вязанием. Пальцы ее двигались так быстро, что Эрагон не успевал за ними следить.

– Значит, «кис-кис»? – спросил он.

На лице Анжелы появилось проказливое выражение, и она, тряхнув своими пышными кудрями, пообещала:

– Ладно, как-нибудь расскажу тебе эту историю.

Эрагон настаивать не стал. Он, собственно, и не ожидал, что Анжела станет объяснять свой поступок. Она редко это делала.

– А ты? – спросил Роран. – Ты теперь куда собираешься?

«Мы собираемся раздобыть себе еды», – мысленно сообщила ему Сапфира и слегка подтолкнула Эрагона мордой.

Роран кивнул.

– Да уж, поесть было бы неплохо. Ладно, вечером увидимся в лагере. – И, уже повернувшись, чтобы уйти, он прибавил: – Скажите Катрине, что я ее люблю.

Анжела засунула свое вязанье в тряпочную сумку, болтавшуюся у нее на поясе, и сказала:

– Пожалуй, мне тоже пора. У меня там зелье варится – надо бы присмотреть. Кроме того, я хочу выследить одного кота-оборотня...

– Гримрра?

– Нет, нет... одну мою старую знакомую – мать Солебума. Если, конечно, она еще жива. Впрочем, я надеюсь, что она в добром здравии. А вот насчет твердой памяти... – Анжела покрутила пальцами у виска, каким-то чересчур веселым голосом воскликнула: – Ладно, увидимся позже! – и исчезла.

«Садись ко мне на спину», – велела Сапфира и встала, так что Эрагон, оставшись без опоры, рухнул на землю.

Потом он уселся в седло, и Сапфира с тихим шелестом развернула свои огромные крылья. От этого движения по поверхности озера пробежала рябь, и многие из варденов бросили работу, чтобы посмотреть, как взлетает дракониха.

На нижней стороне крыльев Сапфиры видна была настоящая паутина багровых и фиолетовых вен, в которых с такой силой пульсировала кровь, что вены, содрогаясь в такт биению мощного сердца, становились похожи на живых червей.

Затем дракониха слегка разбежалась, подпрыгнула, мир вокруг Эрагона качнулся, и Сапфира разом оказалась на крепостной стене, балансируя на зубцах и кроша камень своими острыми когтями. Эрагон крепче ухватился за шип у нее на шее, и мир снова качнулся у него перед глазами, ибо теперь Сапфира ринулась со стены ввысь. Эрагон почувствовал кислый вкус и запах окалины, глаза у него защипало – это дракониха нырнула в густое облако дыма, висевшее над Белатоной, точно символ боли, гнева и печали.

Сапфира дважды с силой взмахнула крыльями, и они вылетели из дымового облака, кружа высоко над улицами города, где всюду виднелись светящиеся точки костров и пожарищ. Неподвижно раскинув крылья, дракониха парила в мощном восходящем потоке теплого воздуха, позволяя ему поднимать ее все выше и выше.

Несмотря на усталость, Эрагон все же наслаждался полетом и потрясающим видом, открывшимся с высоты. Ворчливая грозовая туча, готовая вот-вот накрыть собой всю Белатону, посверкивала бело-голубыми яркими молниями, а дальше и вовсе сгущалась прямо-таки чернильная чернота, в которой невозможно было ничего разглядеть, если не считать зигзагов молний, время от времени ее пронзавших. Хороша была и блестящая поверхность озера, и сотни крошечных зеленых ферм, разбросанных по равнине, но ничто из этих прекрасных видов не могло впечатлить сильнее этой грозной черной массы клубящихся туч.

Эрагон в который раз подумал о том, какая великая ему дарована привилегия – видеть мир с такой высоты, не говоря уж о том, чтобы иметь возможность летать верхом на драконе. Легким движением крыльев Сапфира начала скользящий спуск к бесконечным рядам серых палаток – лагерю варденов. Сильный порывистый ветер подул с запада, предвещая неизбежную бурю. Эрагон пригнулся к шее Сапфиры, еще крепче ухватившись за шип у нее на шее. Сверху было видно, как по поверхности полей будто пробегают шелковистые волны – это зреющие колосья гнулись под порывами все усиливающегося ветра, чем-то напоминая густую шерсть огромного зеленого зверя.

Пронзительно заржала лошадь, заметив мчавшуюся низко над рядами палаток Сапфиру. Дракониха приземлилась точно на той поляне, которую оставили специально для нее. Эрагон уже наполовину стоял в седле, когда Сапфира сложила крылья и медленно опустилась на взрытую когтями землю. И все же приземлилась она довольно резко – Эрагон не удержался и вылетел из седла.

«Извини, – сказала она, – я пыталась сделать это как можно аккуратней».

«Не сомневаюсь».

Почти сразу же Эрагон увидел бегущую к нему Катрину. Ее длинные золотистые волосы развевались на ветру, одежда не скрывала уже довольно сильно выпирающего живота.

– Что нового? – крикнула она. В каждой черточке ее лица сквозила тревога.

– Ты о котах-оборотнях слышала?

– Ага.

– А кроме этого никаких особых новостей нет. У Рорана все хорошо, он велел мне сказать, что любит тебя.

Лицо ее сразу просияло, но тревога из глаз так и не ушла.

– Значит, с ним все в порядке? – Она показала Эрагону кольцо на среднем пальце левой руки. Это было одно из тех двух колец, которые Эрагон специально для нее и Рорана особым образом заколдовал, чтобы оба могли сразу узнать, если кто-то из них попадет в беду. – Мне показалось, примерно час назад кое-что случилось, и я испугалась, что это...

Эрагон покачал головой:

– Роран сам тебе обо всем расскажет. У него, конечно, есть несколько синяков и царапин, но, клянусь, он цел и невредим. Хоть и перепугал меня до смерти.

Тревога в глазах Катрины усилилась, но она все же заставила себя улыбнуться и сказала:

– Ну что ж, по крайней мере, хоть это меня утешает.

Расставшись с нею, Эрагон и Сапфира двинулись в сторону тех палаток, где вардены хранили припасы и готовили пищу. Там они до отвала наелись мяса, запивая его медовым напитком и слушая, как за стенами палатки все сильнее завывает ветер. Вскоре по натянутому навесу забарабанили крупные капли дождя.

С удовлетворением глядя, как Эрагон вгрызается в кусок свиной грудинки, Сапфира спросила:

«Ну что, вкусно? Правда, замечательно?»

Эрагон только замычал в ответ с набитым ртом, утирая стекавший на подбородок мясной сок.

Воспоминания об ушедших навсегда

«Гальбаторикс безумен, а потому непредсказуем. Кроме того, в его умозаключениях есть некие пробелы, но обычным людям их не обнаружить. Если ты сумеешь найти эти слабые места, то вы с Сапфирой, возможно, и сможете одержать над ним победу. – Бром опустил трубку, лицо его казалось на редкость мрачным. – Надеюсь, ты сумеешь это сделать, Эрагон. Мое самое большое желание – чтобы вы с Сапфирой прожили долгую и плодотворную жизнь, свободную от страха перед Гальбаториксом и Империей. Жаль, что я не могу защитить вас от тех опасностей, что будут вам грозить! Увы, это не в моих силах. Я могу лишь дать вам совет, чему-то научить, пока я еще здесь... Сын мой, что бы с тобой ни случилось, знай: я люблю тебя, и мать твоя тоже тебя любила. Пусть же звезды всегда освещают твой путь, Эрагон, сын Брома».

Эрагон проснулся и открыл глаза. Сон прервался, образ Брома растаял. Над ним снова был провисший полог палатки, похожий на пустой бурдюк для воды. Палатке пришлось нелегко – очередная буря только что миновала. Из брюха провисшей складки на правую ногу Эрагона капала вода, и успевшая промокнуть штанина противно холодила кожу. Понимая, что нужно встать и подтянуть крепеж, Эрагон все еще медлил, так сильно ему не хотелось вылезать из постели.

«А тебе Бром никогда не рассказывал о Муртаге? Он не говорил тебе, что мы с Муртагом – сводные братья?» – мысленно обратился он к Сапфире.

Сапфира, клубком свернувшаяся снаружи под стеной палатки, проворчала:

«Сколько ни спрашивай, а ответ будет один и тот же».

«Интересно, почему все-таки? Почему он тебе не рассказывал? Ведь уж он-то наверняка знал о Муртаге. Не мог не знать».

Сапфира ответила далеко не сразу:

«У Брома всегда имелись какие-то свои соображения, но если уж строить догадки, то я бы предположила, что он считал так: важнее сказать тебе, как *он* тебя любит, и дать тебе какой-то полезный совет, чем тратить время на разговоры о Муртаге».

«И все же он мог бы предупредить меня! Мне бы и пары намеков хватило».

«Я не могу ручаться, что понимаю, какие именно соображения им руководили, но ты, Эрагон, должен наконец понять, что существуют такие вопросы, касающиеся Брома, на которые ты никогда не получишь ответа. Верь в то, что он по-настоящему любил тебя, и не позволяй никаким прочим сомнениям тревожить твою душу».

Эрагон, продолжая лежать, принялся изучать свои большие пальцы, поворачивая их так и сяк. Левый палец показался ему более морщинистым, а на правом виднелся небольшой извилистый шрам. Эрагон да же не помнил, когда заполучил этот шрам, хотя, должно быть, это произошло уже после Агэти Блэдхрен, праздника Клятвы Крови.

«Спасибо тебе», – сказал он Сапфире, именно благодаря ей он уже три раза смог увидеть и услышать Брома с тех пор, как пал Финстер, и каждый раз ему удавалось заметить какие-то новые подробности в речах Брома или в его движениях, которые прежде ускользали от его внимания. Эти встречи успокаивали его и приносили ему радость, наполняли душу ощущением исполненного желания – того желания, которое терзало его всю жизнь: желания узнать имя своего отца и понять, любил ли он его, Эрагона.

Сапфира ответила на его благодарные слова слабым теплым свечением.

Хотя Эрагон хорошо поел и отдохнул – он проспал, наверное, целый час, – усталость в теле чувствовалась по-прежнему. Собственно, ничего иного он и не ожидал. По опыту он знал, что порой требуются недели, чтобы полностью оправиться от иссушающего тело и душу воздействия затяжных сражений. Чем ближе вардены будут подходить к Урубаену, тем меньше и у него, и у всех прочих варденов будет оставаться времени, чтобы прийти в себя после очередного столкновения с противником. Эта война будет бесконечно изматывать их, и все они не раз будут ранены в боях, и потом, измученные и обессиленные, должны будут лицом к лицу встретиться с Гальбаториксом, который как ни в чем не бывало поджидает их в своем дворце.

Эрагон старался не думать об этом.

Очередная капля воды с потолка палатки, крупная и холодная, окончательно привела его в дурное расположение духа, и он резко сел, спустив ноги на пол, потом встал и подошел к тому уголку палатки, где виднелась полоска ничем не прикрытой, насквозь промокшей земли. Там он опустился на колени и прошептал, глядя на этот клочок земли:

– Делои шарьялви! (Сдвинься, земля!) – И прибавил еще несколько фраз на древнем языке, необходимых для того, чтобы уничтожить ловушки, поставленные им накануне.

Земля закипела, точно вода в котелке, и из возникшего фонтанчика камешков, насекомых и червяков появился кованый сундучок примерно фута в полтора длиной. Протянув руку, Эрагон взял сундучок и освободил его от заклятия. Земля тут же перестала шевелиться и успокоилась.

Эрагон поставил сундучок на успокоившуюся землю и прошептал: «Ладрин (откройся)!», а потом махнул рукой возле замка, в котором даже скважины для ключа не было. Замок, щелкнув, открылся.

Слабое золотистое сияние разлилось по палатке, когда Эрагон приподнял крышку сундучка.

Там, надежно укрепленное в гнезде с бархатной подложкой, покоилось сердце сердец Глаэдра, его Элдунари. Крупный, похожий на самоцвет камень мрачно-поблескивал, точно угасающий уголек. Эрагон бережно взял Элдунари обеими руками, его острые неправильной формы грани были теплыми на ощупь. Он заглянул в глубины камня и увидел там целую вселенную крошечных звездочек, которые быстро вращались. Но движение их стало замедляться, да и самих звездочек, похоже, стало значительно меньше, чем в тот раз, когда Эрагон впервые взял Элдунари в руки – это было еще в Эллесмере, когда Глаэдр исторг его из своего тела и доверил заботам Эрагона и Сапфиры.

Как и всегда, это зрелище завораживало. Эрагон мог бы, наверное, целый день следить за постоянно менявшимся рисунком крошечных звезд.

«Мы должны попытаться еще раз», – мысленно сказала ему Сапфира, и он был с нею согласен.

Они вместе направили свою мысленную энергию к этим далеким огням, к безбрежному морю звезд, воплощавшему сознание Глаэдра, его разум и душу. Они словно летели сквозь холод и мрак, затем – сквозь жар и отчаяние, а затем – сквозь равнодушие, столь всеобъемлющее, что оно, казалось, иссушает их души, парализует волю, не позволяет действовать, заставляя остановиться и плакать.

«Глаэдр... Элда!...» – звали они снова и снова, но ответа не получали, и окутывавшее их равнодушие становилось все сильнее.

Наконец они вынырнули из глубин души старого дракона, не в силах более противостоять сокрушительной мощи его горя и его нынешнего жалкого состояния.

Придя в себя, Эрагон услышал, что кто-то стучит по шесту у входа в его палатку, затем раздался голос Арьи:

– Эрагон, можно мне войти?

– Конечно! – Он вздрогнул, протирая глаза.

Сумрачный серый свет, исходящий от покрытого тучами неба, мелькнул у него перед глазами, когда Арья приподняла полог палатки. И острая боль внезапно пронзила душу Эрагона, ибо прямо перед ним оказались ее глаза – ярко-зеленые, раскосые, совершенно невыносимые!

– Ну что, есть какие-то перемены? – спросила Арья и опустилась рядом с ним на колени. Доспехи она сняла, и на ней была та же черная кожаная рубаха, штаны и мягкие сапожки, как и в тот день, когда он спас ее из тюрьмы в Гилиде. Только что вымытые волосы ее еще не успели толком высохнуть и спускались по спине длинными тяжелыми прядями. Как и всегда, ее окутывал аромат раздавленных сосновых игл, и Эрагону вдруг пришло в голову, что она, наверное, пользуется специальным заклинанием, чтобы вызывать этот аромат. А может, это ее естественный запах? Ему хотелось спросить ее об этом, но он не осмеливался.

На заданный ею вопрос он лишь молча покачал головой, и она, указав на Элдунари Глаэдра, спросила:

– Можно мне?

Эрагон подвинулся, пропуская ее:

– Пожалуйста.

Арья взяла Элдунари в ладони и закрыла глаза. Пока она сидела с закрытыми глазами, у Эрагона была возможность, не скрываясь, смотреть на нее так пристально, что в иное время это показалось бы оскорбительным. С его точки зрения, Арья во всех отношениях была воплощением красоты, хотя он, конечно, отдавал себе отчет в том, что кому-то ее нос может показаться слишком длинным, а лицо – угловатым, уши – чересчур заостренными, а плечи и руки – избыточно мускулистыми.

Арья вдруг резко затаила дыхание, словно безмолвно охнула, быстро убрала руки от Элдунари, словно обжегшись, и опустила голову. Эрагон заметил, что подбородок ее едва заметно дрожит.

– Это самое несчастное существо, какое мне доводилось встречать в жизни! – вырвалось у нее. – Мне бы так хотелось ему помочь! Не думаю, что он сам сумеет отыскать выход из той тьмы, что окружает его душу.

– Ты думаешь... – Эрагон колебался, не желая озвучивать собственные подозрения, потом все же договорил: – Ты думаешь, он может сойти с ума?

– Возможно, уже сошел. А если нет, то балансирует на самом краешке безумия.

Глубокая печаль охватила Эрагона; они оба не сводили глаз с золотистого камня.

Когда же наконец он сумел взять себя в руки, то спросил:

– Где сейчас Даутхдаэрт?

– Копье спрятано в моей палатке точно так же, как ты прячешь Элдунари Глаэдра. Если хочешь, я могу принести его сюда. Или же буду прятать его до тех пор, пока оно тебе не понадобится.

– Оставь его там. Я же не могу постоянно носить его при себе – так, чего доброго, еще Гальбаторикс о его существовании узнает. И потом, глупо хранить такие сокровища в одном месте.

Арья согласно кивнула.

Боль в душе Эрагона от этого только усилилась.

– Арья, мне нужно... – Он не договорил: Сапфира мысленно сообщила ему, что видит одного из сыновей кузнеца Хорста – Олбриха, скорее всего, ибо Сапфира не в силах была отличить Олбриха от его брата Балдора, – который бежит напрямик к их палатке. Эрагон отчасти даже испытал облегчение: он и сам толком не знал, что именно ему так нужно сказать Арье.

– Сюда идет кто-то из сыновей Хорста, – сообщил он и закрыл крышку сундучка.

Возле палатки по мокрой земле громко зашлепали чьи-то босые ноги, и Олбрих, ибо это был именно он, закричал:

– Эрагон! Эрагон!

– Что ты так кричишь?

– У матери роды начались! Отец послал меня к тебе и велел спросить, не посидишь ли ты вместе с ним – вдруг что-нибудь пойдет не так и понадобится твое магическое искусство? Прошу тебя, если можешь...

Что он там еще говорил, Эрагон уже не слышал; он поспешно запер сундучок и вновь погрузил его в недра земли. Затем набросил на плечи плащ и уже застегивал его, когда Арья коснулась его плеча и спросила:

– Можно и мне с тобой? У меня в этих делах имеется кое-какой опыт. Если ваши люди мне позволят, я могу существенно облегчить ее роды.

Эрагон, ни секунды не раздумывая, отступил в сторону, пропуская Арию вперед.

Настоящий мужчина

Грязь так и липла к сапогам, и Роран с трудом вытаскивал из нее ноги, усталые мышцы как огнем жгло от напряжения. Казалось, земля решила во что бы то ни стало стащить с него сапоги. К тому же было ужасно скользко. Грязь расплзалась под ногами в самый неподходящий момент, а лужи были отвратительно глубоки. Бесконечное движение по улицам лагеря людей, лошадей и повозок привело к тому, что верхние дюймов шесть мокрой земли превратились в почти непролазную трясику. Всего несколько кустиков уцелевшей, но сильно помятой травы торчали вдоль размешанной ногами и колесами дороги, ведущей в лагерь варденов, но Роран подозревал, что и эта жалкая трава вскоре исчезнет, поскольку люди старались все же не ступать в чудовищную жижу посередине дороги.

Сам Роран даже не пытался отходить в сторону; ему было уже все равно, останется ли чистой его одежда. Кроме того, он страшно устал, и ему было проще брести по жидкой грязи, чем выискивать относительно безопасный путь, перепрыгивая с одного травянистого клочка суши на другой.

Он, спотыкаясь, брел вперед и думал о Белатоне. После встречи Насуады с котами-оборотнями он принял командование варденами в северо-западной части города и делал все, что в его силах, чтобы установить контроль над этой территорией, заставляя своих людей тушить пожары, строить баррикады на улицах, подыскивать жилье для воинов и конфисковывать оружие. Дел было невпроворот, и Роран с отчаянием спешил сделать самое необходимое, опасаясь, что в городе вновь начнутся сражения.

«Надеюсь, эти идиоты как-то переживут эту ночь и постараются не убить друг друга», – мрачно думал Роран.

Левый бок так сильно болел, что он порой скрипел зубами, затаивая дыхание.

«Проклятый трус!»

Кто-то выстрелил в него из большого лука с крыши дома. Лишь везение спасло его от неминуемой гибели; один из его людей, Мортенсон, успел закрыть его собой, когда лучник выстрелил с крыши. Тяжелая арбалетная стрела пронзила Мортенсона насквозь и все-таки сумела довольно сильно задеть Рорана. Мортенсон умер на месте, а тот, кто стрелял, успел уйти. Проклятие!

А через пять минут какой-то взрыв, возможно магического происхождения, убил еще двоих из его отряда, хотя эти люди успели только войти в какую-то конюшню, чтобы проверить, что там за шум.

Насколько Роран понимал, подобные «случайности» в этом городе – дело самое обычное. Нет сомнения, в большей их части повинны агенты Гальбаторикса, но и жителей Белатоны тоже невинными назвать было нельзя – да и кто смог бы стоять, сложа руки, и смотреть, как вторгшаяся в их родной город армия захватывает их дома и имущество, какие бы благородные цели вардены ни преследовали. Роран вполне способен был посочувствовать жителям Белатоны – ведь эти люди и впрямь считали, что должны защитить свои дома и семьи, – но в то же время он проклинал их за полное тупоумие, ибо они оказались не в силах понять, что сейчас вардены пытаются им помочь, а не причинить еще больший вред.

Он поскреб подбородок, пережидая, пока какой-то гном вытянет из лужи тяжело нагруженного коня, застрявшего в жидкой грязи, и продолжил свой путь.

Подойдя к своей палатке, он увидел Катрину; она склонилась над тазом с горячей мыльной водой, пытаясь с помощью стиральной доски отстирать пропитанные кровью бинты. Рукава у нее были засучены выше локтя, волосы собраны в растрепанный пучок, щеки покраснели от усилий, и все же она никогда прежде не казалась Рорану такой прекрасной. Она

служила ему утешением – утешением и убежищем – и уже одно то, что он ее видит, облегчило тяжкое напряжение, сковавшее его душу, и непреходящее ощущение беспомощности.

Заметив мужа, Катрина перестала стирать и бегом бросилась ему навстречу, вытирая розовые от воды руки передником. Роран раскрыл ей объятия, и она повисла у него на шее, прижимаясь к нему всем телом. Раненый бок тут же вспыхнул острой болью, и он, не выдержав, коротко застонал.

Катрина, разумеется, тут же разжала объятия и отпрянула от него.

– Ой, я сделала тебе больно? – нахмурившись, спросила она с тревогой.

– Нет... нет... Просто царапина.

Она не стала больше его расспрашивать, просто поцеловала, теперь уже очень осторожно, и лишь смотрела на него полными слез глазами. Обнимая ее за талию, Роран наклонился и нежно поцеловал ее; у него не хватало слов, чтобы выразить, как он ей благодарен, как счастлив просто потому, что она с ним рядом.

Катрина переложила его левую руку себе на плечи, чтобы служить ему опорой, и повела к палатке. Там Роран со вздохом облегчения опустился на пень, служивший им табуретом и заботливо придвинутый Катриной поближе к костерку, на котором она грела воду для стирки, а теперь разогревала горшок с рагу, над которым уже поднимался аппетитно пахнувший парок.

Наполнив миску, Катрина подала ее мужу, затем принесла из палатки кружку эля и тарелку, на которой лежали полкаравая хлеба и кусок сыра.

– Тебе еще что-нибудь нужно? – спросила она каким-то странно хриплым голосом.

Роран не ответил – просто приложил ладонь к ее щеке и дважды провел по ней большим пальцем. Катрина робко улыбнулась, ласково погладила его по руке и вновь с удвоенной энергией принялась за стирку.

Роран долго смотрел на стоявшую перед ним миску с горячим рагу, но не мог проглотить ни кусочка – напряжение все никак не отпускало его. Впрочем, съев немного хлеба, он почувствовал, что аппетит к нему возвращается, и с воодушевлением принялся за вкусный ужин.

Покончив с едой, он поставил миску на землю и стал греть руки над огнем, наслаждаясь последними глотками пива.

– Мы слышали грохот, когда упали ворота, – сказала Катрина, досуха отжимая бинты. – Не больно-то долго они продержались.

– Это правда... Всегда неплохо иметь на своей стороне дракона.

Катрина принялась развешивать бинты, а Роран с тревогой смотрел на ее живот. Каждый раз, думая об этом ребенке, созданном ими в любви, он испытывал невероятную гордость, смешанную, однако, со страхом, ибо отнюдь не был уверен, что сумеет обеспечить безопасное убежище для своего малыша и его матери. Горькой была также и мысль о том, что если война не закончится к тому времени, как Катрина родит, то она уедет отсюда в Сурду – она не раз ему об этом говорила, – чтобы растить ребенка в относительной безопасности.

«Я не могу потерять ее снова! Ни за что!»

Катрина сунула в таз с водой новую порцию бинтов.

– А сражение в городе как прошло? – спросила она, подливая горячую воду.

– Пришлось за каждый фут земли сражаться. Даже Эрагону нелегко пришлось.

– Раненые все говорили о баллисте, установленной на колесной повозке.

– Да. – Роран промочил горло элем, затем быстро рассказал жене, как они пробивались по улицам Белатоны и какие помехи встречали на своем пути. – Сегодня мы очень много людей потеряли, но могло быть и хуже. Гораздо хуже. Джормундур и капитан Мартланд хорошо все рассчитали.

– И все-таки их план не сработал бы, если бы не вы с Эрагоном! Вы оба оказались такими храбрецами!

Роран хрипло рассмеялся:

– Ха! А знаешь почему? Я тебе скажу. Даже одному из десяти наших воинов никогда по-настоящему не хочется идти в атаку. Эрагон-то этого не видит: он всегда на самом переднем крае, ведет всех за собой. Но я-то все вижу! Большинство старается держаться подальше от передних рядов, они и в сражение не вступают, пока противник их в угол не загонит. Или возьмут и начнут руками размахивать да шуметь, а на самом деле и не думают сражаться!

Катрина была потрясена.

– Не может быть! Они что, трусы?

– Не знаю я... Знаешь, по-моему, они просто не могут заставить себя посмотреть в лицо тому, кого им придется убить, а вот убить солдата, который повернулся к ним спиной, для них сущий пустяк. Вот они и ждут, пока другие сделают то, чего сами они не могут. Ждут, когда другие, такие, например, как я, действовать начнут.

– А как ты думаешь, у Гальбаторикса люди тоже неохотно в бой идут?

Роран пожал плечами:

– Возможно. С другой стороны, у них и выбора-то нет. Разве могут они не подчиниться Гальбаториксу? Если он прикажет им сражаться, так они и будут сражаться.

– Насуада могла бы тоже приказать варденам! Взяла бы да заставила своих магов чары навести, чтобы никто из варденов не смел своим долгом пренебрегать!

– Тогда какая же разница будет между нею и Гальбаториксом? Нет уж, никто из варденов на это не согласится.

Катрина перестала стирать, подошла к мужу, поцеловала его в лоб и прошептала:

– Я так рада, что ты такой! Что ты... способен делать то, что делаешь!

И, вернувшись к своему корыту, она принялась отстирывать очередную порцию грязных, пропитавшихся кровью бинтов. Через некоторое время она сказала:

– А знаешь, я что-то нехорошее почувствовала – через кольцо... и подумала: с тобой, наверно, какая-то беда случилась.

– Я же был в самой гуще схватки – ничего удивительного. Ты каждую минуту могла нечто подобное почувствовать.

Катрина помолчала, не вынимая рук из воды и глядя на Рорана.

– Но раньше я почему-то ничего подобного не чувствовала...

Роран промолчал и допил пиво; ему хотелось оттянуть неизбежное объяснение, хотелось пощадить жену, не рассказывать ей о своих злоключениях в крепости, но было совершенно очевидно, что она не успокоится, пока не узнает правду. А попытки убедить ее, что все в порядке, лишь приведут к тому, что она станет воображать себе куда более страшные вещи, а не то, что было на самом деле. Да и бессмысленно скрывать что-либо от нее – все равно ведь подробности любого сражения вскоре становятся известны всему лагерю.

И Роран рассказал ей все. Правда, без особых подробностей и постаравшись описать обрушение стены, просто как некое незначительное препятствие, а не событие, чуть не закончившееся его смертью. И все же оказалось довольно сложно описывать это словами; Роран то и дело останавливался, сбивался, а когда наконец закончил, то еще долго молчал, взбудораженный воспоминаниями.

– По крайней мере, ты не ранен, – вздохнула Катрина.

Он поковырял трещинку на горлышке пивной кружки.

– Нет, не ранен.

Она вдруг перестала стирать и посмотрела на него в упор:

– Значит, ты раньше сталкивался с куда большей опасностью?

– Да... наверное.

И она мягко, точно ребенка, упрекнула его:

– Так что же ты теперь-то не договариваешь? Ты же знаешь: нет ничего настолько ужасного, о чем ты не мог бы рассказать мне.

Роран снова поковырял трещинку на горлышке кружки и так нажал ногтем, что расшатанный кусочек вылетел. Он несколько раз провел пальцем по острой зазубрине и признался:

– Знаешь, я думал, что мне конец, когда эта стена на нас рухнула.

– Любой на твоём месте так подумал бы.

– Да, но дело в том, что в тот момент я *ничуть и не возражал умереть*. – Он грустно посмотрел на нее. – Неужели ты не понимаешь? Я ведь *сдался*, Катрина! Когда я понял, что мне не спастись, я принял эту мысль, точно кроткий ягненок, которого ведут на заклание, и я... – Не в силах продолжать, он уронил кружку и закрыл руками лицо. В горле у него стоял тугой колючий ком, не давая нормально дышать. А потом плеча его легко коснулись пальцы Катрины. – Я сдался, сдался! – в ярости прорычал он, полный отвращения к самому себе. – Я просто перестал бороться... Бороться за тебя... за нашего ребенка...

– Он умолк, словно захлебнувшись словами.

– Ш-ш-ш, тише, – прошептала она.

– Я никогда раньше не сдавался. Ни разу... Даже когда тебя похитили раззак.

– Я знаю, что ты никогда не сдавался и не сдашься.

– Но этой войне должен быть положен конец! Невозможно, чтобы и дальше так продолжалось... Я не могу... Я... – Он поднял голову и в ужасе увидел, что Катрина вот-вот разрыдается. Он встал, обнял ее и крепко прижал к себе. – Прости меня, – прошептал он. – Прости. Прости. Прости... Этого больше не случится. Никогда. Обещаю.

– *Это* меня совершенно не волнует, – сказала она, и голос ее прозвучал глухо, потому что лицом она уткнулась ему в плечо.

Отчего-то эти слова больно укололи Рорана.

– Я понимаю, что проявил слабость, но мое обещание должно же что-то для тебя значить?

– Я совсем не это имела в виду! – воскликнула она, вырвалась из его объятий и укоризненно на него посмотрела. – Иногда ты бываешь удивительно глуп, Роран.

Он усмехнулся:

– Я знаю.

Она снова обняла его:

– Я бы все равно не стала хуже о тебе думать, что бы ты ни чувствовал, когда обрушилась та стена. Значение имеет только одно: ты по-прежнему жив... И потом, когда эта стена упала, ты ведь не мог сам ничего сделать, верно? – Он молча покачал головой. – Тогда тебе нечего стыдиться.

Вот если бы ты мог предотвратить ее падение, но не сделал бы этого или попросту сбежал бы – но ты ведь ничего такого не сделал! – вот тогда я, наверно, и впрямь перестала бы тебя уважать. Но ты сделал все, что в твоих силах, а когда ничего больше сделать не смог, то смирился со своей судьбой, а не стал бессмысленно восставать против нее. Это мудрость, Роран, а вовсе не слабость.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Спасибо тебе.

– Не за что. Насколько мне известно, мой муж – самый храбрый, самый сильный, самый добрый человек в Алагейзии.

На этот раз он поцеловал ее в губы. И она рассмеялась, точно разрешая этим коротким смешком внезапно возникшее напряжение, и они еще долго стояли в обнимку, чуть покачиваясь и будто танцуя в такт какой-то мелодии, которая была слышна лишь им одним.

Потом Катрина шутливо оттолкнула мужа и отправилась к своему корыту, а он снова уселся на тот же пенек, впервые после этой битвы чувствуя себя спокойным и счастливым, несмотря на все свои болезненные раны и ушибы.

Глядя, как мимо проходят люди, а изредка и гномы или ургалы и обсуждают свои ранения и состояние своего оружия и доспехов, Роран пытался понять, каково общее настроение варденов, но особых выводов ему сделать не удалось; было ясно одно: всем, кроме, пожалуй, ургалов, необходимо хорошенько выспаться и поесть, и все, включая ургалов – и особенно ургалы, – нуждаются в тщательном мытье с головы до ног и желательна с помощью жесткой щетки из свиной щетины и далеко не одного ведра горячей воды.

Посматривал Роран и на Катрину. Он видел, что, несмотря на постоянную занятость, ее веселый нрав словно погас, сменившись почти постоянным раздражением и тревогой. Она упорно старалась отстирать эти проклятые бинты, но особого успеха это не приносило, и она все сильнее хмурила брови, а потом стала вздыхать и даже порой вскрикивать от досады.

Наконец, когда она в очередной раз шлепнула мокрой тряпкой по стиральной доске, разбрызгивая во все стороны мыльную воду, а потом снова склонилась над корытом, недовольно поджав губы, Роран рывком поднялся со своего пня, подошел к ней и предложил:

– Давай лучше я.

– Нет, это уж совсем никуда не годится, – запротестовала Катрина.

– Ерунда. Иди хоть посиди немного, а я закончу... Ну же, ступай.

Она покачала головой:

– Нет. Это тебе нужно отдохнуть, а вовсе не мне. И потом, это не мужская работа.

Роран презрительно фыркнул:

– Это кем такой закон писан? Мужская работа, женская... Любая работа должна быть сделана, и точка. А теперь иди и сядь спокойно; ты сразу почувствуешь себя лучше, как только дашь отдых ногам.

– Роран, я же хорошо себя чувствую.

– Не глупи. – Он ласково пытался отодвинуть ее от корыта, но она не уходила.

– Это неправильно, – протестовала она. – Что люди подумают? – Она махнула рукой в сторону бредущих по грязной дороге варденов.

– Они могут думать все, что им угодно. Это ведь я на тебе женат, а не они. Если они считают, что, помогая тебе, я теряю свое мужское достоинство, значит, они просто дураки.

– Но ведь...

– Но ведь ничего. Ступай. Кыш! Убирайся отсюда.

– Но я...

– Я с тобой спорить не собираюсь. Если ты сама не сядешь, я отнесу тебя туда и к пню привяжу.

Хмурого выражения у нее на лице как не бывало.

– Так-таки и привяжешь? – весело спросила она.

– Так-таки и привяжу. А теперь уходи! – Когда Катрина неохотно отошла от своего драгоценного корыта ровно на один шаг, Роран в притворном отчаянии воскликнул: – Ну ты и упрямая!

– На себя посмотри. Ты даже мула кое-чему научить смог бы.

– Неправда, я ни капельки не упрямый. – Он расстегнул ремень, снял с себя кольчугу и повесил ее на шест у входа в палатку, потом снял латные нарукавники и закатал рукава рубахи. Воздух охлаждал кожу, а эти мокрые бинты были еще холоднее – они успели остыть, пока лежали на стиральной доске, – но это было ничего, вода-то была теплая, и руки в ней быстро согрелись. Разноцветные мыльные пузыри так и разлетались во все стороны, когда Роран с силой стал тереть ткань по стиральной доске.

Оглянувшись через плечо, он с удовлетворением отметил, что Катрина действительно отдыхает, впрочем, сидя на пенке, вряд ли можно было так уж хорошо отдохнуть.

– Хочешь чая с ромашкой? – спросила она. – Гертруда дала мне сегодня утром целую горсть свежих цветов. Я могу приготовить чай для нас обоих.

– Это было бы хорошо.

Дружеское молчание воцарилось между ними, пока Роран возился с этой бесконечной стиркой. Впрочем, работа даже как бы убаюкала его, привела в благостное настроение; ему нравилось делать что-то руками, а не только воевать и убивать, и потом, близость к Катрине давала ощущение удовлетворения и покоя.

Он уже выжимал последнюю порцию белья, и свежий чай был уже налит и ждал его рядом с Катриной, когда вдруг кто-то громко окликнул их с той стороны грязной, забитой пешими и конными дороги. Роран не сразу даже понял, что это Балдор. Он бежал к ним по грязи, не разбирая дороги и виляя между повозками. На нем был грязный кожаный фартук и толстые перчатки до локтя, тоже перепачканные грязью и такие изношенные и залоснившиеся, что пальцы на них были такими же твердыми и блестящими, как панцирь черепахи. Густые темные волосы Балдора были перехвачены сзади обрывком кожаной тесемки, а лоб пересекали сумрачные морщины. Балдор был немного меньше ростом, чем его отец, Хорст, и его старший брат, Олбрих, но в сравнении с другими людьми он все-таки был очень высоким, а его весьма развитая мускулатура свидетельствовала о том, что он с детства помогал своему отцу-кузнецу. Из них троих никто в тот день в битве не участвовал – умелые кузнецы обычно слишком ценились, чтобы рисковать ими в бою, – хотя Роран и советовал Насуаде позволить им сражаться, поскольку Хорст и его сыновья и воинами были умелыми, а уж силы им и вовсе не занимать было. К тому же Роран знал, что на них всегда можно положиться даже в самых трудных обстоятельствах.

Он перестал стирать и вытер руки, пытаясь понять, что случилось. Катрина тоже вскочила и подбежала к нему.

Когда Балдор наконец до них добрался, ему пришлось некоторое время постоять, чтобы перевести дыхание, а потом он выпалил:

– Идемте скорей! У матери недавно роды начались, и мы...

– Где она? – прервала его Катрина.

– В нашей палатке.

Катрина кивнула:

– Хорошо, мы постараемся прийти как можно скорее.

На лице Балдора отразилась глубокая благодарность, он тут же развернулся и помчался обратно.

Пока Катрина, согнувшись, что-то собирала в палатке, Роран выплеснул содержимое чайника в костер и затушил его. Горящие дрова зашипели, и над ними вместо дыма поднялось облако пара, наполнив воздух неприятным запахом.

Предчувствие чего-то ужасного и какое-то странное возбуждение заставляли Рорана спешить.

«Только бы она не умерла», – думал он, вспоминая те разговоры, которыми обменивались женщины, обсуждая возраст жены кузнеца и ее чрезмерно затянувшуюся беременность. Илейн всегда была добра к ним с Эрагоном, и они очень ее любили.

– Ты готов? – спросила Катрина, выныривая из палатки и прикрывая голову голубым шарфом.

Роран подхватил с земли свой пояс и молот:

– Готов. Пошли.

Цена власти

– Ну вот, госпожа моя, вам это больше не понадобится, и слава богу.

С тихим шелестом был снят с руки последний слой повязки, и Фарика унесла старые бинты. Бинтовать израненные предплечья Насуада была вынуждена с того дня, когда она и воинственный Фадавар, испытывая свое мужество и соревнуясь друг с другом, подвергли себя Испытанию Длинных Ножей.

Насуада стояла, изучая рисунок огромного старого ковра, а Фарика обмывала и умащивала мазями ее руки. Сама Насуада, с тех пор как победила во время Испытания Длинных Ножей, ни разу даже не посмотрела на свои шрамы; тогда эти, еще совсем свежие, раны показались ей столь ужасными, что ей не хотелось снова их видеть, пока они не заживут.

Шрамы располагались асимметрично: шесть поперек внутренней стороны ее левого предплечья, три – поперек правого. Каждый из шрамов был три-четыре дюйма длиной и совершенно прямой, лишь самый конец одного из них на правой руке чуть изогнулся; тогда она все-таки несколько утратила самообладание, и нож дрогнул в ее руке, нанеся слегка извилистый порез почти в два раза длиннее всех остальных. Кожа вокруг шрамов была нежно-розовой и морщинистой, а сами шрамы были лишь немного светлее остальной ее кожи, и она была очень благодарна за это судьбе: она боялась, что шрамы будут белыми, блестящими и куда более заметными. Впрочем, они и так выделялись довольно сильно, приподнимаясь над поверхностью кожи примерно на четверть дюйма; эти твердые складки выглядели так, словно под кожу Насуаде вставили гладкие стальные прутья.

Она рассматривала свои шрамы с двойственным чувством. С детства отец учил ее соблюдать обычаи родного народа, однако почти всю свою жизнь она провела среди варденов и гномов. Единственные ритуалы, которые она действительно соблюдала, да и то нерегулярно, были связаны с религиозными верованиями кочевников. Она, например, никогда не осмелилась бы руководить Танцем Барабанов или участвовать в энергичном Выклипании Имен, а также – и от этого Насуада особенно воздерживалась – соревноваться с кем бы то ни было во время Испытания Длинных Ножей. И все же ей пришлось это сделать! И в результате у нее, еще совсем молодой и прекрасной женщины, были предплечья, «украшенные» девятью длинными шрамами. Она могла бы, разумеется, приказать своим магам, и те удалили бы уродливые шрамы, но тогда исчезло бы драгоценное свидетельство ее неоспоримой победы в Испытании Длинных Ножей, и кочевые племена наверняка перестали бы ей подчиняться.

Но если Насуада и жалела, что руки уже не такие гладкие и округлые, как прежде, а потому больше не вызывают восхищенных взглядов мужчин, она все же гордилась своими шрамами. Они были свидетельством проявленного ею мужества, очевидным знаком ее преданности варденам. Теперь любому, кто их увидит, стало бы ясно, каков ее характер. А потому Насуада в итоге решила, что эти шрамы гораздо важнее, чем ее бывшая красота рук.

– А ты что думаешь? – спросила она и показала руки королю Оррину, который стоял у открытого окна и смотрел на город.

Оррин повернулся к ней, внимательно посмотрел на ее шрамы и нахмурился; глаза его под густыми ресницами потемнели. Свои доспехи он уже успел сменить на плотную красную тунику и длинный жилет, отделанный белым горностаем.

– Я думаю, что смотреть на них неприятно, – сказал он и вновь отвернулся, изучая город. – Прикрой свои руки, пожалуйста; в приличном обществе неприлично выставлять напоказ такое уродство.

Насуада еще некоторое время изучала свои шрамы, потом задумчиво, но твердо сказала:

– Да нет, я, пожалуй, не стану их прикрывать. – И она лишь поправила кружевные манжеты своих рукавов, доходивших до локтя. Затем она отпустила Фарику, прошла по старин-

ному, вытканному еще гномами ковру, лежавшему в центре комнаты, и присоединилась к Оррину, изучавшему разрушенный сражением город. И с удовлетворением увидела, что все пожары, за исключением двух, вдоль западной городской стены, уже потушены. И лишь после этого Насуада посмотрела на Оррина.

За тот короткий промежуток времени, во время которого вардены вместе с жителями Сурды успели несколько раз нанести армии Гальбаторикса серьезное поражение, Насуада не раз замечала, что Оррин становится все более серьезным и даже мрачным; свойственные ему энтузиазм и эксцентричность почти исчезли, на лице было написано почти недовольство. Сперва Насуада этому даже обрадовалась, решив, что молодой король просто повзрослел, но война все продолжалась, и до конца ее было еще далеко, и Насуада стала скучать по тем оживленным беседам, которые они прежде вели с Оррином о естественной философии, по его веселым каламбурам и даже по его причудам и чудачествам. Оглядываясь назад, она понимала, что именно мальчишеское поведение Оррина и делало порой ее жизнь светлее, хотя иногда его выходки и казались ей грубыми и неуместными. Мало того, в этих переменах она видела и некую опасность для себя, ибо теперь, видя настроение молодого короля, легко могла себе представить, что он может попытаться сместить ее с поста предводительницы варденов.

«А была бы я счастлива, если бы просто вышла за него замуж?» – думала она.

Оррин обладал весьма привлекательной внешностью: прямой изящный нос, но довольно тяжелая нижняя челюсть, волевой подбородок, рот красивой формы, губы выразительно изогнуты; годы военных упражнений обеспечили ему отличную осанку и осязаемую физическую силу. Он был, безусловно, умен, тут у нее не было ни малейших сомнений, да и в целом его характер был вполне приемлемым. И все же, если бы Оррин не был королем Сурды и если бы не представлял собой некой угрозы ее нынешнему положению среди варденов и самое главное самой независимости варденов, Насуаде явно даже в голову бы никогда не пришло размышлять о возможности брака с этим человеком.

«А хорошим ли он мог бы стать отцом для своих детей?»

Оррин на нее даже не смотрел. Опершись руками об узкий каменный подоконник, он вдруг заявил:

– Ты должна расторгнуть свой договор с ургалами.

Застигнутая врасплох, Насуада даже вздрогнула.

– Это почему же?

– Потому что они приносят нам только вред. Люди, которые в ином случае присоединились бы к нам, теперь проклинали нас за то, что мы вступили в союз с этими чудовищами, и отказываются сложить оружие, когда мы подступаем к их жилищам. Им кажется, что Гальбаторикс справедливо и разумно сопротивляется нашему натиску, а виной всему наш союз с ургалами. Простые люди не понимают, почему мы с ними объединились. Они не знают, что и Гальбаторикс всюду использовал ургалов, что он, обманом заманив их в свои войска, заставил их пойти в атаку на Тронжхайм, да еще и под командованием этого проклятого шейда. Все эти тонкости насмерть перепуганным крестьянам и фермерам не объяснишь. Все они понимают одно: существа, которых они всю жизнь ненавидели и боялись, направляются прямо к их домам, и ведет их огромный оскаленный дракон и никому не известный Всадник, с виду куда больше похожий на эльфа, а не на обычного человека.

– Но поддержка ургалов нам необходима, – возразила Насуада. – У нас на самом деле не такая уж большая армия.

– Ну, не настолько уж она нам необходима! Ты уже сама понимаешь, что я прав, а иначе почему ты не позволила ургалам участвовать в штурме Белатоны? Почему ты приказала им не входить в город? И все же недостаточно просто в некоторых случаях не допускать их на поле брани. Об ургалах по-прежнему распространяются по всему миру ужасные слухи. И един-

ственный способ исправить такое положение вещей – прервать свой договор с ними, пока этот злосчастный союз не принес нам еще больше вреда.

– Я не могу этого сделать.

Оррин резко повернулся к ней, лицо его исказилось от гнева.

– Люди *умирают*, потому что ты предпочла принять помощь Гарцвога. Мои люди, твои люди, жители Империи... они умерли и *похоронены*, Насуада! Этот союз не стоит такой жертвы, и, клянусь жизнью, я просто представить себе не могу, почему ты продолжаешь защищать его необходимость.

Насуада не выдержала его взгляда и потупилась; слишком сильно он напоминал ей о собственной вине, о тех соображениях, которые столь часто мучили и ее, когда она тщетно пыталась уснуть. Она отвернулась и стала смотреть на струйку дыма, поднимавшуюся над какой-то башней на окраине города. Затем очень медленно промолвила:

– Я защищаю этот союз, ибо надеюсь, что благодаря ему будет спасено гораздо больше жизней, чем было уплачено за его заключение. Если мы победим Гальбаторикса... – Оррин прервал ее возгласом полнейшего недоверия, но она продолжала: – Ты прав, в этом, разумеется, нельзя быть уверенными до конца, но в своих планах мы должны исходить прежде всего из этой возможности. Итак, если мы победим Гальбаторикса, то на нашу долю выпадет нелегкое бремя; мы будем вынуждены помочь нашему народу оправиться от этих бесконечных войн, а затем построить на обломках Империи новое, сильное государство. И самое главное – после сотен лет войны мы наконец будем действовать в условиях мира. И я никогда не согласилась бы с тем, что сперва нам нужно уничтожить Гальбаторикса, а потом вступить в новую войну, уже с ургалами, которые непременно нападут на нас, ибо тогда мы будем особенно слабы и уязвимы.

– И все-таки они вполне могут на нас напасть. Во всяком случае, раньше они всегда именно так и поступали.

– Ну и что? – раздраженно воскликнула Насуада. – Тем более тогда единственный способ избежать конфликта – это попытаться их приручить. Чем теснее они будут связаны с нами и нашим общим делом, тем менее вероятно, что они все-таки решат пойти против нас.

– А я предложу тебе иной план! – сердито воскликнул Оррин. – Прогони их. Нарушь свой договор с Нар Гарцвогом, отошли его прочь вместе с его «баранами»! А уж если мы действительно победим в этой войне, то сможем и возобновить переговоры с ними, и даже заключить новое соглашение, ведь тогда мы будем в более выигрышном положении, мы будем иметь полное право диктовать им те условия, которые выгодны нам. А вот и другой выход, еще лучше: пошли в Спайн Эрагона и Сапфиру с полком своих людей, и пусть они раз и навсегда сотрут этих рогатых уродов с лица земли, как это следовало бы сделать Всадникам много столетий назад!

Насуада смотрела на него, не веря собственным ушам.

– Если я сейчас нарушу наш договор с ургалами, то они неизбежно придут в такую ярость, что незамедлительно нападут на нас, а сражаться одновременно и с ними, и с Империей мы не в состоянии. Провоцировать их нападение было бы верхом безрассудства, сущим безумием. Если уж такие мудрые существа, как эльфы, драконы и Всадники, дружно решили терпеть существование ургалов – несмотря на то что довольно легко могли бы их уничтожить, – то и мы должны последовать их примеру. Они понимали, что уничтожать ургалов неправильно и несправедливо; и тебе тоже следовало бы это понять, Оррин.

– Мудрые существа! Ха! Много же добра принесла им их *мудрость*! Хорошо, оставь какое-то количество ургалов в живых, но убей большую их часть, чтобы они еще лет сто не осмеливались ни на кого нападать.

Явственно звучащие в его голосе боль и напряжение озадачили Насуаду. Она внимательно посмотрела на Оррина, пытаясь понять причину подобной мстительности, и вскоре, как ей показалось, отыскала наиболее очевидное объяснение этому.

– Кого из твоих близких убили ургалы? – напрямик спросила она.

Оррин поднял сжатую в кулак руку и медленно опустил ее на подоконник – казалось, он хотел с силой ударить по нему, но отчего-то передумал. Несколько раз постучав кулаком по подоконнику, словно выпуская злобу, он сказал:

– Моего близкого друга. Мы с ним вместе выросли в замке Борромео. Вряд ли ты с ним когда-либо встречалась. А потом он стал одним из лейтенантов в моей кавалерии.

– И как он погиб?

– Именно так, как ты и подумала! Мы с ним были на конюшенном дворе, ставили охрану у западных ворот, когда из конюшни вдруг выбежал какой-то конюх и насквозь проткнул моего друга вилами. А когда мы загнали этого конюха в угол, он все вопил какую-то чепуху насчет ургалов и того, что он никогда им не сдастся... Это, впрочем, все равно не спасло дурня. Я сам его заколол.

– Мне очень жаль, что так получилось, – сказала Насуада, и самоцветы на короне Оррина вспыхнули, когда он кивнул ей в знак признательности, – но все же нельзя, как бы тебе ни было больно, позволять своему горю диктовать тебе подобные решения. Нелегко терять друзей и близких, я это хорошо знаю, но ты должен пересилить себя – во имя своего народа.

– Пересилить себя? – насмешливо переспросил Оррин.

– Да, пересилить. Мы должны лучше других владеть собой. С нас и спрашивается больше, чем с других, и мы обязаны быть лучше своих подданных, если хотим доказать им, что достойны такой ответственности... Ургалы убили моего отца – помнишь? – но это не помешало мне заключить с ними союз, ибо это может помочь варденам. И я не позволю, чтобы хоть что-то помешало нам достигнуть поставленной цели, как бы больно при этом ни было мне самой. – И Насуада снова показала Оррину свои шрамы.

– Значит, таков твой ответ? Ты отказываешься разрывать союз с ургалами?

– Да, отказываюсь.

Странно, но Оррин выслушал ее ответ с таким хладнокровием, что она даже встревожилась. А он, еще крепче стиснув пальцами край подоконника, вернулся к прежнему занятию: стал смотреть на раскинувшийся перед ним город. Его изящные длинные пальцы украшали четыре крупных перстня, и на одном из них, с большим аметистом, была выгравирована королевская печать Сурды: украшенный ветвистыми рогами олень и побеги омелы, обвивающей его ноги, которыми он попирает лютию; напротив оленя виделся силуэт высокой крепостной башни.

– По крайней мере, – сказала Насуада, – мы пока не сталкивались с такими воинами Гальбаторикса, которые благодаря магическим чарам не чувствуют боли.

– А, ты имеешь в виду этих «смеющихся мертвецов»? – кивнул Оррин. Насуада знала, что это прозвище широко распространено среди варденов. – Да, пожалуй. Впрочем, мы и Муртага с Торном пока не видели, и это меня весьма беспокоит.

Некоторое время оба молчали. Потом Насуада сказала:

– Как прошел твой вчерашний опыт? Удачно?

– Я слишком устал, чтобы ставить опыты. Вместо этого я просто лег спать.

– Ясно...

Они еще немного помолчали, потом, словно по взаимному безмолвному согласию, подошли к столу, придвинутому к стене и заваленному листами бумаги, керамическими табличками и свитками. Насуада, взглянув на этот кошмарный натюрморт, только вздохнула. Всего полчаса назад этот стол был пуст и тщательно вытерт ее служанкой.

Она сосредоточилась на лежавшем сверху последнем донесении – общем количестве пленных, которых вардены взяли в течение осады Белатоны; имена наиболее важных особ были выделены красными чернилами. Они с Оррином принялись обсуждать это донесение, и Насуада призналась:

– Я просто не знаю, как изо всего этого теперь выпутаться!

– Можно попробовать привлечь на нашу сторону здешних стражников. Тогда нам не пришлось бы оставлять в Белатоне так много наших воинов.

Насуада снова взяла в руки донесение.

– Возможно. Но таких, кто не только пообещает нам верность, но и сохранит ее, не так-то легко найти, а наши заклинатели и без того уже перегружены работой сверх меры... Кто этих людей проверит?

– А эти, из Дю Врангр Гата, не умеют устранять последствия клятвы, сделанной на древнем языке? – спросил Оррин и, поскольку Насуада ответила отрицательно, раздраженно прибавил: – Значит, их работа пока что никаких результатов не дала?

– С практической точки зрения – никаких. Я даже эльфов спрашивала, но уничтожить действие клятвы верности, данной Гальбаториксу, не могут и они, хоть и трудятся над этим уже много десятков лет.

– Если мы не решим этой проблемы, причем достаточно скоро, здесь, у нас в тылу, неизбежно вспыхнет новая война, – сказал Оррин.

Насуада потеряла виски и поморщилась.

– Да знаю я! – Еще до того, как вардены покинули свое надежное убежище в Фартхен Дуре и Тронжхайме, она пыталась предусмотреть всевозможные осложнения, с которыми их армия впоследствии может столкнуться, но то, с чем они столкнулись сейчас, оказалось для нее полной неожиданностью.

Эта проблема впервые дала о себе знать после сражения на Пылающих Равнинах, когда стало очевидно, что все офицеры армии Гальбаторикса и большая часть рядовых солдат принесли своему правителю клятву верности на языке древних. Тогда-то Насуада и Оррин и поняли, что никогда уже не смогут доверять этим людям, несмотря на все их обещания – во всяком случае, пока существуют Гальбаторикс и Империя, а может быть, и после того, как они будут уничтожены. В результате они не могли позволить тем людям, которые вроде бы хотели дезертировать из войска Гальбаторикса, вступить в армию варденов, опасаясь того, к каким их действиям может привести данная ими клятва.

Хотя сперва, пожалуй, Насуаду это не слишком заботило. Пленные – это реальность любой войны, и она заранее договорилась с королем Оррином, что пленных пешим порядком отправят в Сурду и заставят работать – строить дороги, работать на каменоломнях, копать каналы или заниматься какой-то другой тяжелой работой.

И только после того, как вардены захватили город Финстер, Насуада осознала всю серьезность этой проблемы. Подручные Гальбаторикса заставили принести клятву верности не только солдат, но и всю знать Финстера, а также большую часть важных чиновников и многих простых обывателей, выбранных, похоже, наугад, так что вардены оказались не в состоянии сразу распознать, кто из них особенно тесно связан с Гальбаториксом. Тех же, о которых это уже стало известно, приходилось содержать под замком, чтобы они не могли даже пытаться обратить кого-то еще в свою веру, прежде всего самих варденов. Таким образом, найти людей, которым можно было бы доверять, даже если они и хотели сотрудничать с варденами, на деле оказалось гораздо труднее, чем предполагала Насуада.

Для того чтобы охранять всю эту массу пленных, ей, например, пришлось оставить в Финстере в два раза больше варденов, чем она намеревалась, и сделать с этим она ничего не могла. К тому же при таком количестве заключенных сам город оказался не в силах себя содержать, и Насуада была вынуждена выделять существенную долю из своих скудных запасов провизии, столь необходимой ее армии, чтобы спасти жителей города от голода. Слишком долго терпеть такое положение дел было, разумеется, невозможно, а теперь ситуация и еще усугубилась, поскольку вардены захватили Белатону.

– Жаль, что гномы все никак до нас не доберутся, – сказал Оррин. – Можно было бы воспользоваться их помощью.

С этим Насуада была вполне согласна. В армии варденов в настоящий момент было всего несколько сотен гномов; остальные вернулись в Фартхен Дур, дабы похоронить своего павшего в бою короля Хротгара и дожидаться выборов нового правителя, и Насуада тысячу раз уже проклинала столь неудачно сложившиеся обстоятельства. Она попыталась убедить гномов на время войны назначить регента, но они проявили поистине каменное упрямство и настояли на необходимости провести все свои многовековые предвыборные церемонии, хотя это и означало, что войско варденов останется без их поддержки в самый разгар военной кампании. Теперь, правда, гномы наконец выбрали нового короля – им стал племянник Хротгара Орик – и вышли в поход из далеких Беорских гор, стремясь поскорее присоединиться к армии варденов. Но путь был неблизкий, и в настоящий момент они все еще шли через бескрайние долины к северу от Сурды, раскинувшиеся между озером Тюдостен и рекой Джиет.

Насуада часто думала, будут ли гномы в состоянии сражаться с врагом, когда придут в расположение варденов. Как правило, гномы были крепче людей, но ведь большую часть последних двух месяцев они провели на пешем марше, а это способно лишить сил даже самых сильных и крепких существ.

«И потом, они, должно быть, просто устали от бесконечных переходов», – думала она.

– У нас уже очень много пленных, а уж когда мы захватим Драс-Леону... – Насуада только головой покачала.

Оррин, внезапно оживившись, предложил:

– А что, если мы вообще обойдем Драс-Леону стороной?

Он пошуршал бумагами на столе и вытащил из-под них большую нарисованную гномами карту Алагейзии, которую и расстелил поверх всего прочего. Неровные груды бумаг и свитков придавали местности, изображенной на карте, весьма необычный вид с точки зрения топографии: к западу от леса Дю Вельденварден появились горные вершины, на месте Беорских гор возникла округлая впадина, через пустыню Хадарак пролегли овраги и глубокие каньоны, а по северной части Спайна вдруг покатались морские волны.

– Смотри. – Средним пальцем Оррин проследил направление от Белатоны до столицы Империи, Урубаена. – Если мы пойдем прямо сюда, то к Драс-Леоне можно даже не приближаться. Это довольно сложно, конечно, расстояние огромное, но мы *вполне способны* его преодолеть.

Насуаде не требовалось слишком долго обдумывать его предложение; она и сама уже рассматривала подобную возможность.

– Риск в таком случае был бы слишком велик, – возразила она. – Гальбаторикс может атаковать нас с помощью того немалого войска, которое находится в Драс-Леоне – нам о нем известно от наших шпионов, – и тогда нам придется воевать на два фронта. А это, на мой взгляд, самый верный способ проиграть и сражение, и даже всю войну. Нет, мы должны взять Драс-Леону, Оррин.

И Оррин, словно ставя точку, коротко кивнул и сказал:

– В таком случае придется вернуть наших людей из Ароуза. На счету у нас будет каждый воин, если мы и впрямь намерены взять этот жуткий город.

– Это правда. Но сперва я бы хотела убедиться, что осада Драс-Леоны благополучно доведена до конца – и желательно еще до конца этой недели.

– Но, я надеюсь, ты не станешь отправлять туда Эрагона?

– Нет, у меня есть другой план.

– Хорошо. А что все-таки нам делать с этими пленными?

– То же, что и раньше: охрана, решетки, замки. Может быть, даже попросить магов наложить на них заклятие, чтобы ограничить их способность передвигаться, тогда не нужно было

бы постоянно за ними следить. Иного решения этой проблемы я не вижу, разве что всех их разом прирезать, но я бы предпочла... – и она попыталась представить себе, чего бы не сделала ради того, чтобы победить Гальбаторикса, – я бы все-таки предпочла не прибегать к таким... *чудовищным* мерам.

– О да! – Оррин склонился над картой, сторбившись, как хищная птица, и гневно сверкая глазами, вглядываясь в тонкие и неровные линии, которыми был обозначен пресловутый треугольник – Белатона, Драс-Леона, Урубаен.

Наконец Насуада сказала:

– Итак, каковы наши ближайшие планы? Джормундур ждет моих приказаний, а Совет Старейшин просил у меня аудиенции.

– Меня беспокоит...

– Что?

Оррин махнул рукой, словно сменяя изображенные на карте города.

– Меня *очень* беспокоит, что все это не слишком удачно было задумано с самого начала.

Что наши силы, как и силы наших союзников, опасным образом рассредоточены. Что, если Гальбаториксу придет в голову самому принять участие в сражении, он уничтожит нас с той же легкостью, как Сапфира – стадо коз. Вся наша стратегия зависит от того, ухитримся ли мы устроить встречу Гальбаторикса с Эрагоном и Сапфирой, а также с достаточным количеством верных нам заклинателей. Пока что в наших рядах пребывает лишь малая часть магов Алагейзии, а больше мы не сможем собрать, пока не доберемся до Урубаена и не встретимся там с королевой Имиладрис и ее армией. В общем, пока что мы остаемся прискорбно уязвимыми для любой атаки со стороны самого Гальбаторикса. Мы многим рискуем, допуская, что беспечная храбрость Гальбаторикса не позволит ему самому вмешаться в ход войны, пока наша ловушка вокруг Урубаена не захлопнется.

Честно говоря, Насуада разделяла опасения Оррина. Однако в данный момент ей казалось важнее поддержать его уверенность в собственных силах, а не соглашаться с ним. Если его решимость ослабеет, это помешает не только ему самому исполнять свои обязанности, но и подорвет моральный дух воинов Сурды.

– Мы же все-таки не совсем беззащитны, – сказала она. – Теперь уже нет. У нас есть Даутхдаэрт, с помощью которого можно, как мне кажется, убить дракона Гальбаторикса Шрюкна, если они вдруг вынырнут из недр своей цитадели в Урубаене.

– Может, и так, но...

– Излишние опасения тоже ни к чему хорошему не приводят. Находясь здесь, мы не можем ни поторопить гномов, ни ускорить свое продвижение к Урубаену, как не можем и, изменив своей цели, попросту сбежать с поля боя. Так что, на мой взгляд, наше положение не должно вызывать у тебя особую тревогу. Сейчас просто нужно следовать плану и постараться принять свою судьбу с достоинством, какой бы она ни оказалась. К тому же я допускаю и то, что Гальбаторикс, возможно, *специально* пытается вызвать у нас эту тревогу и это беспокойство, и ни в коем случае нельзя себе этого позволять. Я, например, отказываюсь признавать за ним такую власть!

Трудности появления на свет...

Вопли, нечеловечески громкие и пронзительные, проникали, казалось, в самую душу.

Эрагон весь напрягся. Большую часть дня он видел, как люди умирали в бою – и сам убил немало, – и все же не мог не испытывать мучительного сострадания, слушая душераздирающие крики Илейн. Она так ужасно кричала, что он уже начал сомневаться, переживет ли она эти роды.

Рядом с тем бочонком, на котором устроился Эрагон, сидели на корточках Олбрих и Балдор, растерянно, с какой-то задумчивой методичностью теребя стебельки пожухшей травы толстыми, загрубелыми от работы пальцами. Лбы у обоих были покрыты каплями пота, в глазах застыли гнев и отчаяние. Время от времени они переглядывались и посматривали через дорогу на ту палатку, где мучилась сейчас их мать, но в основном они сидели, потупившись и ни на что не обращая внимания.

В нескольких шагах от них, тоже на бочонке, устроился Роран, только его бочонок лежал на боку и каждый раз перекатывался с места на место, стоило Рорану привстать. На обочине грязной дороги собралась целая небольшая толпа бывших обитателей Карвахолла, несколько дюжин, пожалуй; в основном это были мужчины – друзья Хорста и его сыновей, а также те, чьи жены сейчас были на подхвате у целительницы Гертруды, принимавшей у Илейн роды. А позади всей этой компании возвышалась Сапфира, изогнув шею и нервно подергивая кончиком хвоста, словно она на кого-то охотилась; она то и дело пробовала воздух своим рубиново-красным языком, пытаясь по запахам определить, как там Илейн и ее не появившийся еще на свет младенец.

Эрагон машинально потирал ушибленное плечо. Они ждали здесь уже несколько часов. Сгущались сумерки. Длинные черные тени пролегли от палаток и людей на восток, словно пытаясь дотянуться до самого горизонта. Похолодало. Комары и прочая мошка отвратительно зудели, тучами налетая с находившейся неподалеку реки Джиет.

И снова тишину разорвал пронзительный вопль Илейн.

Мужчины задвигались; даже самые опытные чувствовали себя не в своей тарелке; многие скрещивали пальцы, отгоняя беду, и перешептывались друг с другом. К сожалению, даже самый тихий шепот Эрагон слышал с удивительной ясностью. Люди шептались о том, как тяжело протекала у Илейн эта поздняя беременность, а некоторые горестно твердили, что уж если она в самое ближайшее время так и не родит сама, то будет поздно спасать и ее, и ребенка. Им поддакивали и другие, говоря: «Тяжело жену-то терять. Это и в хорошие времена нелегко, а уж здесь, в лагере, и подавно» или «Стыд-то какой, вот уж стыд! Разве ж можно в таком возрасте детей рожать?». Кое-кто винил раззаков в том, как тяжело теперь приходится бедняжке Илейн, или долгое путешествие жителей Карвахолла к варденам. И очень многие были недовольны тем, что Арье разрешили присутствовать при родах и помогать Гертруде: «Ей бы своих следовало держаться, а не совать нос, куда ее не просят! Кто ее знает, что ей на самом-то деле нужно, а?»

Все это и еще очень многое Эрагон прекрасно слышал, но делал вид, что не слышит ничего, и продолжал спокойно сидеть, понимая, что односельчане почувствуют себя не в своей тарелке, если поймут, каким острым теперь стал его слух.

Бочонок под Рораном заскрипел, когда он наклонился к Эрагону.

– Тебе не кажется, что нам стоило бы...

– Нет, – сказал Олбрих.

Эрагон плотнее завернулся в плащ. Холод уже пробирал его до костей. Но уходить он и не собирался – во всяком случае пока не закончатся мучения Илейн.

– Смотри! – вдруг воскликнул Роран.

Олбрих и Балдор тут же одновременно вздернули вверх головы.

На той стороне дороги из палатки показалась Катрина с грудой окровавленных тряпок. И прежде чем вновь успел опуститься полог палатки, Эрагон мельком увидел Хорста и какую-то женщину из Карвахолла – он не сумел разглядеть, кто это, – стоявших в изножии кровати, на которой лежала Илейн.

Искоса глянув на ожидающих в сторонке мужчин, Катрина чуть ли не бегом устремилась к костру, где Нолла и Изольда, жена Фиска, кипятили уже использованные и выстиранные тряпки.

Бочонок Рорана еще два раза скрипнул, и Эрагон почти уже не сомневался, что сейчас его брат вскочит и бросится следом за Катриной, но Роран остался сидеть рядом с Олбрихом и Балдором. Они, как и все остальные, следили за каждым движением Катрины, почти не мигая.

Эрагон поморщился, когда очередной вопль Илейн разорвал вечернюю тишину, столько боли было в этом крике.

Затем полог палатки вновь приподнялся, и оттуда вихрем вылетела растрепанная Арья с обнаженными руками. Волосы, как крылья, летели за нею, когда она подбежала к троим эльфам из числа стражей Эрагона, стоявшим в тени за ближайшей палаткой. Несколько мгновений она что-то настойчиво втолковывала одному из них – точнее, одной, ибо это была эльфийка с тонким лицом по имени Инвидия, – а потом поспешила обратно в палатку, но Эрагон успел перехватить ее.

– Как там дела? – спросил он взволнованно.

– Плохо, – честно ответила Арья.

– Но почему это продолжается так долго? Ты не могла бы как-то помочь ей?

Лицо Арьи, и без того чрезвычайно напряженное, стало прямо-таки свирепым.

– Могла бы. Я могла бы сделать это еще в первые полчаса, но Гертруда и другие женщины грудью заслоняют роженицу от меня, не позволяя применить даже самые простейшие заклинания.

– Но это же глупо! Почему?

– Потому что магия их пугает. И я их пугаю.

– Так скажи им, что не желаешь ей ничего плохого. Скажи им это на древнем языке – они просто вынуждены будут тебе поверить.

Арья покачала головой:

– Так будет только хуже. Они подумают, что я пытаюсь применить магию помимо их воли, и вовсе меня оттуда отошлют.

– Но Катрина, конечно же...

– Только благодаря ей я и смогла кое-чем воспользоваться.

Илейн снова пронзительно закричала.

– Неужели они не позволяют тебе хотя бы немного облегчить ее страдания?

– Не больше, чем я уже сделала.

Эрагон, прорывав сквозь стиснутые зубы:

– Неужели это правда? Ну, я им покажу! – попытался было прорваться в палатку, но чья-то рука крепко схватила его за левое плечо.

Озадаченный, он оглянулся и вопросительно посмотрел на Арию, но она, качая головой, сказала:

– Нет. Не надо вмешиваться. Это их обычаи, и они, по-моему, древнее, чем само время. Не лезь туда, иначе рассердишь и смутишь Гертруду, а большую часть женщин и вовсе против себя настроишь.

– Да плевать мне на них!

– Я знаю, но поверь, сейчас самое мудрое – это просто ждать вместе со всеми остальными. – И, словно подчеркивая смысл сказанного, она отпустила его плечо.

– Но я не могу просто так ждать, если Илейн так мучается!

– *Послушай* меня. Будет лучше, если ты останешься здесь. А я постараюсь непременно как-нибудь помочь Илейн, обещаю тебе. Но сам туда не входи. Ты вызовешь только возмущение и гнев, а там ни то ни другое совершенно не требуется... Пожалуйста, Эрагон!

Эрагон колебался. Потом, всхрипнув от возмущения, резко воздел к небесам руки, потому что Илейн снова страшно закричала.

– Ладно, я тебя послушаюсь, – сказал он, придвинувшись к Арье почти вплотную, – но что бы там ни случилось, не дай ей или ребенку умереть. Прошу тебя! Мне все равно, что ты для этого сделаешь, только не дай им умереть!

Арья серьезно и внимательно на него посмотрела.

– Я никогда не позволю, чтобы с ребенком случилась беда, – сказала она и исчезла в палатке.

Эрагон вернулся к Рорану, Олбриху и Балдору и снова плюхнулся на свой бочонок.

– Ну? – спросил Роран.

Эрагон пожал плечами:

– Арья сказала, что они делают все, что в их силах. Нам просто нужно набраться терпения... Вот, собственно, и все.

– Похоже, она сказала намного больше, – заметил Балдор.

– Все равно смысл тот же.

На небе сменились краски заката, став оранжево-алыми, словно близился конец света. Немногочисленные рваные облачка, что еще оставались на западном краю неба после пролетевшей накануне бури, приобрели те же кровавые оттенки. Стаи ласточек летали над головой – ужинали, охотясь на ночных бабочек, мух и прочих насекомых, сновавших в воздухе.

Через некоторое время крики Илейн стали тише; теперь из ее груди все чаще вырывались лишь тихие, надломленные стоны, от которых у Эрагона по спине ползли мурашки. Более всего на свете ему хотелось избавить ее от мучений, но он не мог пренебречь просьбой Арьи и продолжал торчать на своем бочонке, безжалостно грызя и без того истерзанные ногти да время от времени обмениваясь короткими мыслями с Сапфирой.

Когда солнце коснулось края земли и как бы растеклось вдоль линии горизонта, точно огромный желток на сковороде, среди припозднившихся ласточек стали появляться и летучие мыши, легко и быстро шнырявшие в воздухе на широких кожистых крыльях; их пронзительные, почти недоступные восприятию обычных людей визги казались Эрагону болезненно невыносимыми.

И тут Илейн закричала так, что заглушила все прочие звуки. Господи, подумал Эрагон, хорошо бы никогда в жизни больше не слышать таких криков.

Но после этого неожиданно наступила мертвящая тишина.

И через минуту в этой тишине послышался громкий, дрожащий плач новорожденного. Он прозвучал, точно пение старинных фанфар, возвещающая прибытие в этот мир нового человека. Олбрих и Балдор сразу заулыбались, как, впрочем, и Эрагон с Рораном, а кое-кто из мужчин, не сдержавшись, даже громко заорал от радости.

Но ликовали они недолго. Едва затих последний радостный вопль, как из палатки донесся жалобный плач женщин, пронзительный, рвущий сердце, и Эрагон прямо-таки похолодел от ужаса. Он знал, что означает этот женский плач: случилось самое страшное, что только может случиться...

– Нет! – громко воскликнул Эрагон и даже подскочил на своем бочонке: «Она не может быть мертва! Не может!.. Арья обещала...»

И словно в ответ на его мысли Арья, вынырнув из палатки, бросилась к нему, пересекая грязную дорогу какими-то невероятно длинными и легкими прыжками.

– Что случилось? – тут же ринулся к ней Балдор.

Арья, словно не слыша его вопроса, сказала:

– Эрагон, идем скорей!

– Что случилось? – снова гневно воскликнул Балдор и попытался схватить Арию за плечо. Мимолетным движением, практически незаметным глазу, она поймала его за запястье и так завернула руку ему за спину, что он согнулся пополам, точно калека, с искаженным от боли лицом.

– Если ты хочешь, чтобы твоя новорожденная сестренка осталась жива, стой спокойно и не лезь не в свои дела! – Арья отпустила Балдора и слегка оттолкнула его от себя, отчего он упал прямо в объятия Олбриха; сама же эльфийка резко развернулась и помчалась обратно.

– Так *что же* все-таки случилось? – спросил Эрагон, нагоняя ее.

Арья повернулась к нему; глаза ее горели.

– Девочка здорова, но родилась с «волчьей пастью», кажется так у вас называют незаращение нёба?

Только тут Эрагон понял, почему женщины так горько рыдали. Дети, родившиеся с таким проклятием, редко получали возможность остаться в живых; их было трудно выкормить, и даже если родители ухитрились это сделать, судьба таких малышей все равно ждала незавидная: в детстве сверстники толкали бы их и высмеивали, а став взрослыми, они никогда не смогли бы найти себе пару и жениться или выйти замуж. Чаще всего про таких детей говорили, что лучше бы они родились мертвыми.

– Ты должен ее исцелить, Эрагон, – решительно заявила Арья.

– Я? Но я же никогда... А почему не ты? Ведь ты куда больше знаешь о целительстве, чем я.

– Если я изменю внешность этого ребенка, люди скажут, что я ее украла, а им оставила эльфа-подменыша. Я ведь прекрасно знаю, какие отвратительные истории рассказывают у вас о моем народе. Я знаю это даже слишком хорошо, Эрагон. Но я, конечно, сделаю это в случае крайней необходимости, только девочка потом всю жизнь будет из-за этого страдать. Только ты можешь спасти ее от такой незавидной судьбы.

Эрагона охватила паника. Ему не хотелось отвечать за жизнь новорожденной малышки; он уже и так невольно оказался ответственным за жизнь слишком многих. И об Эльве он тоже никогда не забывал.

– Ты должен исцелить ее! – снова потребовала Арья. Эрагон знал, как трепетно относятся эльфы к своим детям, ценя их выше любых драгоценностей и богатств на свете; так же они, впрочем, относились и к детям всех прочих рас и народов.

– А ты мне поможешь, если что?

– Конечно помогу.

«И я помогу, – услышал он голос Сапфиры. – Зачем ты об этом спрашиваешь?»

– Вы обе правы, – сказал Эрагон, стискивая рукоять Брисингра. – Хорошо, я попробую это сделать.

Вместе с Арией, державшейся чуть позади, он прошел напрямик к палатке роженицы и решительно нырнул внутрь, отодвинув входной полог. Дым от свечей щипал глаза. Пять женщин из Карвахолла, сгорбившись, притулились у стенки и тихо причитали. Этот тихий похоронный плач ударил Эрагона в самое сердце. Женщины покачивались, точно в каком-то трансе, и методично рвали на себе одежду и волосы. Хорст стоял в изножии постели и спорил с Гертрудой, лицо его покраснело, но выглядел он совершенно измученным. Целительница прижимала к груди какой-то ворох тряпья. Эрагон догадался, что это пеленки, в которые завернут новорожденный младенец. Личика ребенка ему так и не удалось разглядеть, но тот шевелился и попискивал, внося свою долю в общий шум. Румяные круглые щеки Гертруды лоснились от пота, пряди волос прилипли к влажному лбу, ее обнаженные до локтей руки покрывали непри-

ятного цвета потеки. В изголовье кровати на круглой подушечке стояла на коленях Катрина и обтирала лоб Илейн влажной тряпицей.

Эрагон еле узнал Илейн, таким измученным было ее осунувшееся лицо; под блуждающими, неспособными сосредоточиться на чем-то одним глазами пролегли темные тени, а из уголков глаз тянулись две дорожки слез, которые, скатываясь, исчезали в ее густых спутанных волосах. Время от времени она приоткрывала рот, и оттуда вместе с негромкими стонами доносились какие-то невнятные слова. Все простыни под нею были в крови.

Ни Хорст, ни Гертруда не замечали Эрагона, пока он не подошел к ним вплотную. Эрагон, разумеется, сильно вырос с тех пор, как покинул Карвахолл, и все же Хорст оказался по-прежнему выше его по крайней мере на голову. Оба изумленно посмотрели на юношу, и в потухших глазах кузнеца блеснула искра надежды.

– Эрагон! – Он хлопнул Эрагона по плечу своей тяжелой рукой, обнял его и даже слегка к нему прислонился, словно после всех этих событий не в силах был стоять на ногах. – Ты слышал? – Это был даже не совсем вопрос, так что Эрагон просто кивнул. Хорст метнул на Гертруду острый, пронзительный взгляд, и его огромная борода лопатой заходила из стороны в сторону, так сильно он стискивал челюсти, пытаясь сдержаться. Потом, облизнув губы, спросил: – А ты не мог бы... не мог бы что-нибудь сделать для нее?

– Я попробую, – сказал Эрагон. – Может, и получится.

Он вытянул перед собой руки. Гертруда после минутного колебания положила ему на руки теплый сверток и отступила назад; лицо у нее было встревоженное и обиженное.

В складках простыни Эрагон разглядел крошечное морщинистое личико девочки. Кожа у нее была темно-красная, припухшие глазки закрыты, и казалось, что она строит неприятные гримасы, словно сердится на тех, кто только что так плохо с нею обошелся. Эрагон решил, что ей действительно есть на что сердиться. На крошечном личике от левой ноздри до середины верхней губы зиял глубокий провал, в котором виднелся крошечный розовый язычок, похожий на влажную улитку; язычок слегка шевелился.

– Пожалуйста, – взмолился Хорст, – если только возможно, попытайся...

Эрагон поморщился, потому что женщины у стены взвыли как-то особенно пронзительно, и сказал:

– Я не могу здесь работать!

Он уже повернулся, чтобы вместе с новорожденной выйти из палатки, когда за спиной у него послышался голос Гертруды:

– Я пойду с тобой. Кто-то из женщин, умеющих обращаться с новорожденными, должен быть при девочке.

Эрагону вовсе не хотелось, чтобы Гертруда суежилась возле него, пока он будет пытаться составить исцеляющее заклятие, и он уже готов был сказать ей об этом, но вспомнил, что Арья говорила ему насчет подменышей. Ладно, пусть кто-то из жителей Карвахолла – а Гертруде многие в деревне доверяют – будет свидетелем тех перемен, которые произойдут в облике девочки, чтобы впоследствии подтвердить, что это тот же самый ребенок.

– Как хочешь, – бросил он Гертруде, подавив желание отправить ее обратно.

Малышка завозилась у него на руках и жалобно заплакала. Стоявшие по ту сторону дороги жители деревни указывали на них пальцами, а Олбрих и Балдор уже направились к Эрагону, но он покачал головой, и братья послушно замерли на месте, беспомощно глядя ему вслед.

Арья и Гертруда шли по обе стороны от него, и все то время, пока они добирались до его палатки, земля под ними дрожала от поступи тащившейся следом Сапфиры. Вардены спешно расступались, пропуская эту странную процессию. Эрагон очень старался идти плавно, чтобы не тревожить девочку. От нее исходил сильный мускусный запах, похожий на запах лесной земли в теплый летний день.

Возле своей палатки Эрагон увидел Эльву. Девочка-ведьма не пряталась и стояла в проходе между двумя рядами палаток с торжественно-строгим выражением лица; огромные ярко-синие глаза ее так и сияли. На ней было мрачноватое платье черно-пурпурных оттенков, голова прикрыта длинным кружевным шарфом, но на лбу был отчетливо виден тот серебристый знак в форме звезды, который так походил на его, Эрагона, *гёдвей игнасия*.

Эльва не сказала ему ни слова, не сделала ни малейшей попытки остановить его или хотя бы замедлить его ход. И тем не менее Эрагон понял ее предупреждение, ибо уже одно ее присутствие всегда служило ему упреком. Лишь однажды он попытался изменить судьбу младенца к лучшему, и последствия этого оказались поистине ужасны. И теперь ему ни в коем случае нельзя было снова совершить подобную ошибку, и не только из-за того, какие это принесет беды новорожденной девочке, но и потому, что тогда Эльва наверняка станет его заклятым врагом. А Эрагон, несмотря на все свое могущество, боялся Эльвы. Ее способность заглядывать в глубины человеческих душ и узнавать все то, что этих людей тревожит и причиняет им боль, а также предвидеть их будущие несчастья и знать их причины – все это делало ее, девочку-ведьму, одним из самых опасных существ в Алагейзии.

«Что бы ни случилось, – думал Эрагон, – я не хочу вредить этой девочке, я хочу дать ей шанс выжить».

И он ощутил новый прилив решимости, надеясь, что сумеет помочь малышке прожить хорошую жизнь, хотя обстоятельства ее рождения уже отказали ей в этом.

Колыбельная

Слабый свет закатного солнца просачивался в палатку, и в этом свете все казалось каким-то серым, словно было высечено из гранита. Своим эльфийским зрением Эрагон довольно легко различал очертания любого предмета, но он знал, что старой Гертруде это не под силу, и ради нее произнес короткое заклинание: «Найна хвигтр ун бёллр», что означало: «Маленький светящийся шар, возникни!», и над головой у них тут же повис волшебный огонек. Исходивший от него белый свет не давал ни малейшего жара, но в комнате стало достаточно светло, словно там зажгли фонарь. Но, произнося это заклинание, Эрагон воздержался от слова «бри-сингр», чтобы заодно не воспламенился и его магический клинок.

Услышав, что шедшая следом за ним Гертруда остановилась и замерла, он оглянулся и увидел, что она не сводит глаз с волшебного огонька, испуганно прижимая к себе сумку, которую принесла с собой. Знакомое лицо старой целительницы напомнило Эрагону о доме, о Карвахолле, и душу его вдруг охватила неожиданно сильная тоска по родным местам.

Гертруда медленно отвела глаза от магического шара и внимательно на него посмотрела.

– До чего же сильно ты переменялся, мальчик! – сказала она. – Хотя нет, я не права: тот мальчик, над которым я когда-то ночи напролет просиживала, пока он с лихорадкой сражался, давным-давно исчез.

– И все-таки ты меня хорошо знаешь! – откликнулся Эрагон.

– Да нет, по-моему, я совсем тебя не узнаю.

Слова целительницы как-то странно встревожили Эрагона, но сейчас было не время думать об этом, и он постарался выбросить эти мысли из головы. Подойдя к своей лежанке, он нежно и аккуратно положил крошечную девочку на одеяло, обращаясь с ней, как со стеклянной, а она вдруг помахала в воздухе сжатым кулачком – точно погрозила ему. Он улыбнулся и коснулся ее ручонки кончиком указательного пальца. Девочка что-то тихонько пискнула и затихла.

– Что ты собираешься делать? – спросила Гертруда, усевшись в стороне, на единственную табуретку. – Как ты думаешь ее лечить?

– Я пока еще и сам толком не знаю...

Только тут Эрагон заметил, что Арья вместе с ними в палатку не зашла. Он окликнул ее, и она не сразу, но ответила откуда-то из-за войлочной стенки палатки; голос ее звучал несколько приглушенно.

– Я здесь, – сказала она. – И буду ждать. Если я вдруг тебе понадобится, ты только подумай, и я сразу же приду.

Эрагон слегка нахмурился. Он-то рассчитывал, что Арья все время будет рядом, под рукой, и вмешается, если он чего-то не будет знать или совершит какую-то ошибку.

«Ну ладно, не имеет значения. Я и мысленно могу задавать ей вопросы, если понадобится. К тому же, если ее не будет рядом, у Гертруды не будет и причин подозревать, что Арья имела к девочке хоть какое-то отношение». Эрагона поразило то, с какой серьезностью Арья отнеслась к подобным мерам предосторожности, желая избежать каких бы то ни было подозрений в подмене ребенка; а еще он подумал, что ее, наверное, уже когда-то обвиняли в том, что она, эльфийка, украла чье-то дитя.

Лежанка слегка скрипнула, когда он медленно опустился на нее лицом к девочке, сосредоточенно наморщив лоб. Он чувствовал, что и Сапфира его глазами смотрит на малютку, лежащую поверх одеял. Девочка уснула; похоже, окружающий мир был ей пока совершенно безразличен. Крошечный розовый ее язычок по-прежнему поблескивал в ужасной разверстой щели на месте верхней губы.

«Что ты об этом думаешь?» – мысленно спросил Эрагон у Сапфиры.

«Действуй медленно и осторожно, чтобы потом в случае чего локти себе не кусать».

В общем, он был с нею согласен, но все же в шутку спросил:

«А тебе когда-нибудь приходилось это делать – локти себе кусать?»

Сапфира не ответила, но он уловил череду ярких образов, промелькнувших в ее душе: деревья, трава, солнечный свет, горы Спайна, удушающий аромат красных орхидей и внезапно болезненное, щемящее ощущение – словно ее ударили захлопнувшейся прямо перед носом дверью.

Эрагон усмехнулся про себя и сосредоточился на составлении заклинаний, которые, как ему казалось, понадобятся для исцеления девочки. Это заняло, по крайней мере, полчаса, и потом еще они с Сапфирой проверили каждое слово и каждый «извив» прихотливо составленных фраз, мысленно споря чуть ли не из-за каждого звука; оба хотели непременно быть уверенными, что эти заклинания совершат только то, чего от них хочет Эрагон, без каких бы то ни было иных последствий.

Посреди их безмолвной дискуссии Гертруда, которой, видимо, надоело это «молчание» Эрагона, вдруг задвигалась на своем табурете и сказала:

– Что ж ты молчишь? Девочка выглядит точно так же, как и прежде! У тебя что, ничего не получается, да? Нет необходимости скрывать от меня правду, Эрагон; в свое время мне приходилось иметь дело со случаями и похуже этого.

Эрагон удивленно поднял бровь и мягко заметил:

– Но работа еще даже не начиналась.

Гертруда тут же притихла и снова скорчилась на своем табурете; потом извлекла из своей сумки клубок желтой шерсти, недовязанный свитер и две блестящие вязальные спицы. Ее пальцы двигались с невероятной быстротой умелой вязальщицы. Ровное, ритмичное позвякивание спиц успокоило Эрагона; этот звук он часто слышал в детстве, он ассоциировался у него с сидением вокруг очага, с холодными осенними вечерами, с рассказами взрослых, которые покуривали трубку или пили темное пиво после сытного ужина.

Наконец, когда они с Сапфирой решили, что составленные заклинания полностью безопасны, Эрагон почувствовал некую уверенность в себе и надежду, что не споткнется, произнося тот или иной непривычный звук древнего языка. Сапфира всячески его поддерживала, и он уже приготовился произнести первую магическую фразу, как вдруг снова заколебался.

Он вспомнил, что эльфы, с помощью магии «уговаривая» дерево или цветок приобрести ту или иную форму или желая как-то изменить собственное тело или же тело другого существа, всегда исполняли задуманное заклинание в виде некой песни. И теперь ему казалось, что и он в данном случае должен поступить примерно так же. Однако он был весьма плохо знаком с эльфийскими песнями, хоть их и существовало великое множество, и, пожалуй, ни одну из известных ему эльфийских мелодий не смог бы воспроизвести достаточно чисто, не говоря уж о том, чтобы учесть всю ее красоту и сложность.

И вместо эльфийских мелодий он решил воспользоваться незатейливой песенкой, которую помнил с раннего детства – это была колыбельная, которую в раннем детстве пела ему тетя Мериэн еще до того, как ее унесла болезнь; этой колыбельной женщины Карвахолла с незапамятных времен убаюкивали своих малышей, уложив их в кроватку или колыбельку. Мелодия ее была проста, легко запоминалась и звучала так ласково и спокойно, что, как надеялся Эрагон, она непременно успокоит и усыпит и эту малышку.

И он запел нежно и негромко, позволяя словам как бы самим неторопливо катиться вперед, и голос его разлился по палатке, точно тепло от горящего очага. Но прежде, наклонившись к девочке, он сказал ей на древнем языке, что он ее друг и хочет ей добра, а потому она должна непременно ему доверять.

Малышка чуть шевельнулась во сне, словно отвечая ему, и ее крепко стиснутые кулачки немного расправились.

Затем Эрагон спел первое из своих заклинаний: довольно простое, состоявшее из двух коротких предложений, которые он повторял много раз, точно молитву.

И маленькая розовая впадина в том месте, где соединялись края разорванной губы девочки, слегка задрожала, задвигалась, словно недоразвитое нёбо под ее поверхностью шевельнулось, как некое живое существо.

Попытка, которую предпринял Эрагон, была далеко не проста. Косточки новорожденного младенца очень хрупкие, а суставы снабжены большим количеством хрящей, в отличие от взрослого человека, тогда как Эрагону до сих пор доводилось сращивать кости только взрослых людей, воинов. И теперь он старался быть особенно осторожным, чтобы не заполнить прореху во рту малышки такой костью, плотью и кожей, которые свойственны взрослым, ибо тогда эта часть ее лица уже никогда не выросла бы, как полагается, вместе со всем остальным телом. Кроме того, занимаясь починкой прорехи в ее верхнем нёбе и челюсти, он был вынужден передвинуть и разместить симметрично корни ее будущих передних зубов, а уж этого он точно никогда прежде не делал. Еще более усложняло работу то, что Эрагон понятия не имел, как должна будет выглядеть эта девочка без своего уродства в будущем, какими станут ее рот и лицо в целом, когда она лишится своей «волчьей пасти». В остальном-то она выглядела в точности, как любой другой младенец, каких он видел немало: кругленькая, мяконецкая, неопределенная. И он вдруг забеспокоился, ибо мог сделать ей такое лицо, которое в данный момент показалось бы ему вполне привлекательным, но с течением лет вполне могло стать странным и даже неприятным.

Так что он продолжал свою работу крайне осторожно и медленно, после каждого небольшого изменения делаая перерыв и пытаясь как-то оценить результат. Начал он с самых глубоких слоев ее лица, с костей, сухожилий и хрящей, и медленно как бы поднимался к поверхности, неумолчно при этом напевая заклинания на мотив старинной колыбельной.

В какой-то момент и Сапфира начала негромко ему подпевать, лежа снаружи под стеной палатки, и от ее мощного голоса завибрировал, казалось, даже сам воздух. Волшебный огонек то разгорался ярче, то несколько затухал в такт мелодичному мурлыканью драконихи, и это показалось Эрагону чрезвычайно любопытным. Он решил потом непременно спросить Сапфиру о природе данного явления.

Слово за слово, одно заклинание за другим, один час за другим – ночь постепенно подходила к концу, но Эрагон не обращал внимания на бег времени. Когда девочка начинала плакать от голода, он «подкармливал» ее порцией собственной энергии. Они оба с Сапфирой избегали проникновения в мысли малышки – они понятия не имели, как подобный контакт может сказаться на ее незрелом сознании, – однако же порой, случайно, они как бы касались ее мыслей, и Эрагону эти мысли казались весьма смутными и неопределенными; это было похоже на бурное море неконтролируемых эмоций, которые все остальное в мире низводят до не имеющих значения понятий.

А рядом с Эрагоном продолжали мерно позвякивать спицы Гертруды, и этот ритмичный стук нарушался только тогда, когда вязальщица начинала подсчитывать петли или распускала несколько петель или даже рядов, чтобы исправить допущенную ошибку.

Медленно, очень медленно ткань нёба и челюсти девочки становилась цельной, лишенной каких бы то ни было швов; края «заячьей губы» тоже сошлись; кожа ее текла, точно жидкость, морщилась, распрямлялась, и крошечная верхняя губа постепенно начала приобретать безупречную форму «лука любви».

Особенно долго Эрагон возился именно с формой ее губы, страшно волнуясь и без конца исправляя, пока Сапфира не сказала ему: «Все. Дело сделано. Так и оставь». Только тогда он

был вынужден признать, что больше, пожалуй, и не сможет ничего улучшить и дальнейшие исправления могут лишь повредить девочке.

И он позволил наконец себе умолкнуть. После этой бесконечной колыбельной рот у него совершенно пересох, язык, казалось, распух, горло саднило. Эрагон рывком встал с лежанки, но выпрямиться сразу не смог, и некоторое время ему пришлось постоять, согнувшись пополам, пока не отойдут затекшие мышцы.

Заметив, что в палатку, помимо зажженного им волшебного фонарика, проникает еще какой-то бледный свет, примерно такой же, как и тогда, когда он еще только начал работу, он даже несколько смутился, не понимая, в чем дело: ведь солнце, конечно, давно уже село! Но потом понял, что солнечное сияние исходит не с запада, а с востока.

«Ничего удивительного, что у меня все тело болит! – подумал он. – Я же просидел возле нее, скрючившись, всю ночь!»

«А я-то? – услышал он голос Сапфиры. – И у меня все тело болит!»

Ее признание удивило Эрагона; она редко признавалась, что у нее что-то болит, какой бы сильной эта боль ни была. Видно, их общее сражение с недугом отняло у Сапфиры куда больше сил, чем ей казалось сперва. Когда Эрагон это понял – а Сапфира сразу догадалась, что он это понял, – она тут же свернула свой с ним мысленный разговор, заметив напоследок:

«В общем, устала я или нет, но я по-прежнему могла бы сокрушить столько воинов Гальбаторикса, сколько он против нас пошлет».

«Уж это-то я знаю!» – откликнулся Эрагон.

Гертруда, сунув свое вязанье обратно в сумку, встала, наклонилась над лежанкой, потом выпрямилась и, совершенно потрясенная, воскликнула:

– Вот уж никогда не думала, что мне доведется увидеть такое! Особенно от тебя, Эрагон сын Брома. – Она пылливо на него посмотрела. – Ведь Бром-то и был твоим настоящим отцом, верно?

Эрагон кивнул и прохрипел:

– Верно. Моим отцом был именно Бром.

– Ну, мне-то это сразу ясно было.

Эрагон, отнюдь не имея желания развивать далее эту тему, проворчал в ответ нечто невразумительное и одним взглядом удалил волшебный огонек. Тут же все погрузилось в полумрак, если не считать проникавших в палатку ярких лучей зари. Глаза Эрагона быстрее приспособились к темноте, чем глаза Гертруды; та еще долго моргала и морщилась, качая головой, словно толком не видела даже, где он стоит.

Эрагон взял девочку на руки; она была тепленькая и показалась ему довольно тяжеленькой, так что он никак не мог понять – то ли он так устал, используя магию, то ли ювелирная работа, которой он занимался ночь напролет, до такой степени лишила его сил.

Он смотрел на девочку, чувствуя себя ее защитником, и шептал: «Се оно вайзе Илия», что означало: «Пусть ты будешь счастлива». Это было не заклинание, точнее, не совсем заклинание, но Эрагон надеялся, что оно, возможно, поможет малышке избежать некоторых бед, которые обрушиваются на голову столь многим людям. А еще он надеялся, что его слова заставят девочку ему улыбнуться.

И она ему улыбнулась! Широкая улыбка осветила крошечное личико, потом она чихнула и весело засмеялась.

Эрагон тоже просиял и вышел из палатки.

Он сразу увидел, что возле нее полукругом стоит небольшая толпа. Точнее, одни стояли, а другие сидели на земле или на корточках. По большей части это были жители Карвахолла, но среди них Эрагон заметил и Арию, и других эльфов, хоть они и стояли чуть в стороне от остальных, а также несколько воинов из лагеря варденов, имен которых Эрагон не знал. А за

ближайшей палаткой мелькнула и скрылась Эльва, пряча лицо под своей черной кружевной мантилей.

Все они, догадался Эрагон, ждали здесь, наверное, несколько часов или даже всю ночь, а он и не заметил их присутствия. Он, разумеется, чувствовал себя в полной безопасности, поскольку его стерегли Сапфира и эльфы, но все же корил себя за столь неоправданную беспечность.

«Надо научиться, наконец, вести себя более благоразумно!»

В передних рядах толпы стояли Хорст и его сыновья, вид у них был встревоженный. Брови Хорста поползли вверх, когда он увидел в руках у Эрагона сверток с младенцем, и он даже открыл было рот, чтобы что-то сказать, но так и не издал ни звука.

Без излишних церемоний Эрагон подошел к кузнецу и повернул девочку так, чтобы тот мог видеть ее личико. На мгновение Хорст застыл, точно каменное изваяние, потом глаза у него влажно заблестели, а лицо так исказилось от невероятной радости и облегчения, что это могло показаться проявлением великого горя.

Передавая Хорсту девочку, Эрагон сказал:

– Руки мои слишком обагрены кровью, чтобы выполнять такую тонкую работу, но я рад, что сумел помочь.

Хорст осторожно коснулся верхней губы девочки кончиком указательного пальца и покачал головой.

– Я просто поверить не могу... Нет, я не могу поверить! – Он посмотрел на Эрагона. – Отныне мы с Илейн вечно в долгу перед тобой. И если...

– Никаких долгов, – мягко возразил Эрагон. – Я сделал всего лишь то, что сделал бы каждый, имея он такую же возможность.

– Но ведь это именно ты исцелил ее! И именно тебе я так благодарен!

Эрагон поколебался, потом кивнул, как бы в знак того, что принимает благодарность кузнеца.

– Как вы ее назовете? – спросил он.

Кузнец, сияя улыбкой, смотрел на дочь.

– Если Илейн понравится, я бы хотел назвать ее Надеждой.

– Надежда... хорошее имя! – «И потом, разве нам в жизни не нужно хоть немного надежды?» – подумал он и спросил: – А Илейн-то как?

– Очень устала, но в целом неплохо.

Потом уже и Олбрих с Балдором сгрудились возле отца, рассматривая свою новорожденную сестренку, а к ним присоединилась и Гертруда, следом за Эрагоном вынырнувшая из палатки; и как только исчезли смущение и восторг на лицах кузнеца и его сыновей, все остальные принялись по очереди разглядывать девочку. Подошли даже те незнакомые вардены и, вытягивая шею, пытались увидеть это чудо.

Через некоторое время и эльфы, распрямив свои длинные ноги, двинулись к Эрагону, и люди быстро расступились, давая им дорогу. А вот кузнец весь напрягся и выпятил нижнюю челюсть, словно бульдог, пока эльфы один за другим подходили, наклонялись и внимательно рассматривали девочку, порой шепча ей одно-два слова на древнем языке. Они, похоже, не замечали подозрительных взглядов жителей Карвахолла; а может, эти взгляды попросту были им совершенно безразличны.

Когда лишь последние трое эльфов не успели еще взглянуть на новорожденную, из-за соседней палатки стремительно вылетела Эльва. Ей не пришлось долго ждать своей очереди. Она подошла к кузнецу, и тот, хотя и неохотно, чуть присел и даже руки с малышкой немного опустил, поскольку был уж очень намного выше крошечной Эльвы, которой и без того пришлось встать на цыпочки, чтобы увидеть младенца. Эрагон даже дыхание затаил, когда она

смотрела на исцеленное дитя, ибо не силах был предугадать, какова будет ее реакция, а лицо ее было скрыто вуалью.

Несколько секунд Эльва молча смотрела на младенца, а потом развернулась и решительной походкой пошла прочь по тропе мимо Эрагона. Но, сделав шагов тридцать, вдруг остановилась и повернулась к нему.

Он, склонив голову набок, удивленно поднял бровь.

Она коротко, резко ему кивнула – видимо, в знак признательности – и тут же продолжила свой путь.

Эрагон все еще смотрел ей вслед, когда к нему подошла Арья.

– Ты должен гордиться тем, что сделал, – очень тихо сказала она. – Ребенок совершенно здоров, и все у него в порядке. Даже самые искусные наши заклинатели не смогли бы ничего исправить в твоей работе. Ты подарил этой девочке великую вещь – лицо и будущее; и она этого никогда не забудет, я уверена... И никто из нас этого не забудет!

И Эрагон заметил, что Арья и все остальные эльфы смотрят на него с выражением какого-то нового уважения, однако для него именно восхищение и одобрение самой Арьи было дороже всего.

– У меня были самые лучшие на свете учителя, – шепотом ответил он. И Арья не стала оспаривать это утверждение. Они немного помолчали, глядя, как кружат деревенские жители возле кузнеца и его дочери и что-то возбужденно обсуждают. Не сводя с них глаз, Эрагон чуть наклонился к Арье и сказал: – Спасибо тебе, что помогла Илейн.

– Пожалуйста. Хороша бы я была, если б не сделала этого!

Затем Хорст развернулся и понес девочку в свою палатку, чтобы Илейн могла полюбоваться своей новорожденной дочкой, однако толпа и не думала расходиться, хотя Эрагон уже порядком устал от бесконечного пожатия рук и всевозможных вопросов. Так что, попрощавшись с Арьей, он незаметно улизнул к себе в палатку и поплотнее завязал полог.

«Если только на нас не нападут, я в течение ближайших десяти часов не желаю никого видеть, даже Насуаду, – сказал он Сапфире, бросаясь на постель. – Ты не могла бы сказать об этом Блэдхгарну?»

«Конечно, скажу, маленький брат, – ответила Сапфира. – У меня точно такие же намерения».

Эрагон вздохнул и прикрыл лицо рукой, заслоняя глаза от утреннего света. Затем дыхание его стало замедляться, мысли куда-то поплыли, и вскоре странные образы и звуки, всегда сопровождавшие его «сны наяву», окружили его со всех сторон – реальные и все же вымышленные; живые и все же странно прозрачные, словно сделанные из цветного стекла. Пусть ненадолго, но он наконец обрел возможность полностью забыть о своих обязанностях и об ошеломительных событиях последних суток. Но сквозь сон все время слышал ту колыбельную, едва различимую, словно шепот ветра, полузабытую, убаюкивавшую его воспоминаниями о доме и о том счастье и покое, какие бывают только в раннем детстве.

Не зная отдыха

Двое гномов, двое людей и двое ургалов – личная охрана Насуады, ее Ночные Ястребы, – стояли на страже у дверей того помещения, которое Насuada превратила в свой штаб, и смотрели на Рорана пустыми, ничего не выражающими глазами. Впрочем, он тоже старался, чтобы у него ни в глазах, ни на лице никаких чувств, когда он смотрит на них, не отражалось.

В эту игру они не раз играли и раньше.

Несмотря на то что физиономии Ночных Ястребов ничего не выражали, Роран знал, что сейчас они мысленно прикидывают, каким наиболее быстрым и эффективным способом его прикончить. Он знал об этом потому, что и сам прикидывал то же самое по отношению к ним, и это тоже было одним из условий привычной игры.

«Надо было бы немного вернуться назад, по своим следам... пусть бы они немного рассредоточились, – думал он. – Первыми на меня накинулись бы, конечно, люди; они действуют быстрее гномов, и тем более ургалов... А потом надо отнять у них алебарды. Это трудно, но я, наверное, смог бы... по крайней мере, одну-то уж точно отнял бы. Может быть, придется и молот в них метнуть. Как только я заполучу алебарду, то смогу остальных держать на расстоянии. Тогда у гномов надежды останется совсем мало, зато с ургалами придется повозиться. Мерзкие уроды... Но если использовать вон ту колонну в качестве прикрытия, то можно...»

Обитая железом дверь, по обе стороны от которой выстроились стражники, со скрипом отворилась. Оттуда вышел ярко одетый паж лет десяти-двенадцати и провозгласил несколько громче, чем было нужно:

– Госпожа Насuada ждет вас!

Некоторые из стражников сразу как-то вздрогнули, и взгляд их стал еще более рассеянным. Роран улыбнулся, метнувшись мимо них и понимая, что их мгновенная и не такая уж грубая ошибка вполне могла позволить ему прикончить по крайней мере двоих, прежде чем они успели бы снова прийти в себя. «Ну что ж, до следующего раза», – подумал он.

Комната, в которой он оказался, была просторной, почти квадратной и обставленной довольно убого: на полу какой-то совсем маленький коврик, на стене слева траченный молью гобелен, а стену справа украшает узкое, как щель, окно. В углу стоял плотно придвинутый к стене длинный деревянный стол, заваленный книгами, свитками и просто листками бумаги. Возле в беспорядке стояло несколько массивных кресел, обитых кожей и украшенных рядами бронзовых гвоздиков, однако ни Насuada, ни добрый десяток других людей, толпившихся возле нее, и не думали на эти кресла садиться. Джормундура, впрочем, там не было, но кое-кого из этих воинов Роран знал: под началом некоторых ему приходилось воевать, других он просто видел во время боевых действий или же слышал о них от своих приятелей.

– И мне совершенно безразлично, если из-за этого у него, видите ли, «горлышко болит»! – воскликнула Насuada, громко хлопнув по столу ладонью. – Если мы не получим этих подков и еще кое-чего, то с тем же успехом можем просто съесть своих лошадей, проку от них все равно никакого не будет. Я достаточно понятно объясняю?

Собравшиеся вокруг нее воины дружно закивали в знак того, что им все ясно. Они выглядели смущенными, даже растерянными. Рорану это показалось немного странным, однако на него произвело сильное впечатление то, как Насuada – женщина! – командует своими офицерами, и то, какое уважение она у них вызывает; впрочем, это уважение к ней он и сам полностью разделял. Он мало видел таких решительных и умных людей, как Насuada, и был совершенно убежден, что, где бы она ни родилась, она в любом случае добилась бы в жизни успеха.

– А теперь идите, – сказала Насuada, и все покорно направились к дверям, а она жестом велела Рорану подойти ближе. Он терпеливо ждал, глядя, как Насuada, обмакнув перо в чернильницу, что-то пишет на листке бумаги, затем сворачивает листок в трубку и подает одному

из своих пажей со словами: – Передашь гному Нархайму. И на этот раз обязательно дождись ответа, прежде чем бежать назад, иначе я пошлю тебя убирать те помещения, где разместились ургалы.

– Да, госпожа моя, – сказал мальчик и помчался прочь, явно перепуганный этим обещанием насмерть.

А Насуада принялась рыться в груде документов, лежавших на столе. Потом, не глядя на Рорана, спросила:

– Хорошо ли ты отдохнул?

Он удивился тому, что ее это интересует, но ответил:

– Нет, не особенно.

– Жаль. Ты что же, всю ночь спать не ложишься?

– Не всю. Илейн, жена нашего кузнеца, вчера рожала, вот я и...

– Да, мне уже сообщили. И я так понимаю, что ты бодрствовал, пока Эрагон не исцелил этого ребенка?

– Нет, я слишком устал.

– Ну что ж, хоть на это у тебя ума хватило. – Насуада отыскала на дальнем конце стола какой-то листок, внимательно его просмотрела и присоединила к аккуратной стопке других таких же листков. Потом как бы между прочим заметила: – А ведь у меня есть для тебя поручение, Молотобоец. Наши войска столкнулись в Ароузе с ожесточенным сопротивлением противника – куда более ожесточенным, чем мы рассчитывали. Капитан Бригман не смог самостоятельно разрешить эту ситуацию, и теперь нам нужно вернуть эти войска. А потому я посылаю тебя в Ароуз Бригману на замену. Возле южных ворот тебя ждет оседланный конь. Поскачешь во весь опор – сперва до Финстера, а оттуда в Ароуз. Через каждые десять миль на всем пути отсюда до Финстера тебя будут ждать свежие лошади. А уж потом придется тебе самому искать возможность сменить коня. Я рассчитываю, что ты доберешься до Ароуза дня за четыре. Как только немного передохнешь, у тебя будет еще примерно... трое суток, чтобы положить этой осаде конец. – Она быстро глянула на Рорана. – Я хочу, чтобы через неделю, начиная с сегодняшнего дня, над Ароузом развевалось наше знамя. Мне все равно, как ты этого добьешься, Молотобоец; я просто очень хочу, чтобы это было сделано. Если ты не сможешь, тогда у меня выбора не будет: придется послать туда Эрагона и Сапфиру, а это оставит нас практически без поддержки; самостоятельно мы вряд ли сможем противостоять атаке Муртага или Гальбаторикса.

«И Катрина тогда тоже окажется в опасности», – подумал Роран, испытывая неприятный холодок под ложечкой и понимая, что одна только скачка в Ароуз в течение четырех дней будет для него достаточно жестоким испытанием – ведь он весь избит и изранен после недавнего сражения. А то, что ему приказывают в такой короткий срок еще и *взять* этот город – это, похоже, и вовсе сочетание жестокости с безумием. В целом поручение Насуады казалось ему столь же невыполнимым, как если бы она предложила ему бороться с медведем, при этом связав ему руки за спиной.

Он поскреб бородатую щеку.

– У меня насчет всяких осад опыта никакого, – сказал он. – И уж во всяком случае, насчет таких серьезных осад. Неужели среди варденов нет никого, кто лучше меня в таких делах разбирается? Как насчет Мартланда Рыжебородого? Он лучше меня выполнит бы твое поручение.

Насуада только отмахнулась.

– Он не способен скакать достаточно быстро – у него ведь только одна рука. А тебе стоит быть более уверенным в себе, Молотобоец. Ты прав, конечно, среди варденов есть люди, которые гораздо лучше тебя разбираются в искусстве войны – они куда больше времени провели на полях сражений, они учились и набирались опыта у самых лучших воинов, современников

своих отцов, – но когда клинки вынуты из ножен и начат бой, более всего оказываются важны даже не знания и не опыт, а *воля к победе*. А в таких делах ты у нас настоящий мастер. Но еще важнее то, что тебе везет. – Насуада положила в стопку еще несколько листов и села, подперев голову руками. – Свое умение сражаться ты доказал. И доказал, что способен в точности следовать приказу... ну, правда, когда этот приказ тебя устраивает. – Роран едва удержался, чтобы невольно не опустить плечи, как во время того обжигающего удара хлыстом, который обрушился ему на спину, когда капитан Эдрик решил проучить за то, что он не подчинился его требованиям. – Кроме того, ты, безусловно, доказал, что вполне можешь вести за собой людей. В общем, Роран Молотобоец, давай посмотрим, не способен ли ты на что-либо большее. Ну что?

Роран судорожно сглотнул и ответил:

– Хорошо, госпожа моя, посмотрим.

– Вот и отлично. А пока я повышаю твое звание до капитана. И если ты успешно выполнишь свою задачу, то можешь считать это звание постоянным – по крайней мере до тех пор, пока не покажешь всем, что достоин либо куда более высокого звания, либо куда более низкого. – Насуада снова уставилась в стол, потом принялась перебирать свитки, явно пытаясь обнаружить нечто важное.

– Благодарю, – кратко ответил Роран.

Насуада буркнула в ответ нечто неразборчивое. И он спросил:

– А сколько человек будет у меня под началом в Ароузе?

– Я отправила с Бригманом тысячу воинов и велела взять этот город. Но он его не взял. А из этого отряда уцелело не более восьмисот, еще пригодных к военной службе.

Роран чуть не выругался вслух: «Так мало!»

Словно прочитав его мысли, Насуада сухо заметила:

– Разведчики и шпионы внушили нам, что оборону Ароуза ничего не стоит сломить. Но на самом деле это оказалось совсем не так.

– Ясно. Могу ли я захватить с собой еще двух-трех человек из Карвахолла? Ты как-то сказала, что позволишь нам служить вместе, если мы...

– Да, да, – Насуада нетерпеливо махнула рукой, – я помню, что я сказала. – Поджав губы, она некоторое время размышляла, потом согласилась: – Ладно, бери с собой, кого хочешь, но только при том условии, что через час вы уже будете в пути. И дай мне знать, сколько человек отправится с тобой, а я позабочусь, чтобы в дороге вас ждало нужное количество свежих лошадей.

– Могу ли я взять с собой также Карна? – спросил Роран, называя того мага, с которым он уже не раз сражался плечом к плечу.

Насуада помолчала, уставившись в стену невидящим взглядом. Затем, к его облегчению, кивнула в знак согласия и снова принялась рыться в свитках.

– Ах, вот они где! – И она вытащила свернутый в трубку кусок пергамента, перевязанный кожаным шнурком. – Это карта Ароуза и его окрестностей, а это более подробная карта провинции Фенмарк. Предлагаю тебе тщательнейшим образом их изучить.

Она передала ему карты, и он сунул их за пазуху.

– И вот еще это. – Насуада протянула Рорану свернутый прямоугольником кусок пергамента, запечатанный красной восковой печатью. – Это твое вознаграждение, а это, – и она подала ему еще один прямоугольник, несколько толще первого, – мой приказ, который ты покажешь Бригману. Только не позволяй ему оставить его у себя. Если я правильно помню, ты ведь никогда не учился читать, верно?

Роран пожал плечами:

– А зачем? Считать-то я умею не хуже других. Мой отец говорил, что учить нас читать – это все равно что учить собаку ходить на задних лапах: забавно, но вряд ли стоит усилий.

– И я могла бы с тобой согласиться, если бы ты так и остался фермером. Но фермером ты не остался... – И она указала на пергамент у него в руках. – Ты ведь не смог бы даже узнать, если бы одно из этих писем содержало приказ о твоей казни. Мало же от тебя, такого неграмотного, толку! Я ведь даже известия тебе никакого не смогу послать, потому что ты будешь вынужден кого-то просить прочесть его для тебя; ну, а если тебе вдруг понадобится что-то срочно сообщить мне, тебе придется довериться кому-то из своих подчиненных и попросить в точности записать все, что ты ему скажешь. А ведь ты должен понимать, что при этом тобой можно запросто манипулировать, не так ли? Если ты надеешься занять более высокое положение в армии, я бы предложила тебе побыстрее найти того, кто мог бы обучить тебя грамоте. Ну все, теперь исчезни. У меня еще других дел полно.

Насуада щелкнула пальцами, и к ней подбежал один из пажей. Положив ему руку на плечо и наклонившись к самому его уху, она сказала:

– Я хочу, чтобы ты немедленно отыскал Джормундура и привел его сюда. Скорее всего, ты найдешь его на рыночной улице, где стоят те три дома... – И вдруг посреди своих наставлений она умолкла и изумленно подняла бровь, заметив, что Роран по-прежнему стоит на месте. – Что-нибудь еще, Молотобоец? – спросила она.

– Да. Перед отъездом я бы хотел повидать Эрагона.

– А это еще зачем?

– Магическая защита, которой он меня обеспечил перед тем сражением, почти перестала действовать.

Насуада нахмурилась и снова обратилась к пажу:

– Значит, на рыночной улице, где стоят три сгоревших дома. Ты знаешь, где это? Хорошо, тогда живо беги туда. – Она ласково потрепала мальчишку по спине, и он выбежал из комнаты. Насуада выпрямилась и сказала Рорану: – Лучше бы ты этого не делал.

Ее слова смутили Рорана, но он сохранял спокойствие, ожидая, что она как-то объяснит свое заявление. И она объяснила, но каким-то круглым путем:

– Ты заметил, каким усталым был Эрагон во время той встречи с котами-оборотнями?

– Да, он едва на ногах держался.

– Вот именно. Мы слишком сильно его используем, Роран. Он не может одновременно защитить тебя, меня, Сапфиру, Арю и неведомо кого еще, да еще и делать то, что ему полагается. Ему необходимо сохранить свои силы на случай возможного поединка с Муртагом или Гальбаториксом. И чем ближе мы подходим к Урубаену, тем важнее, чтобы он всегда, в любой момент дня или ночи, был готов встретиться с ними лицом к лицу. Мы не можем допустить, чтобы иные дела и тревоги отвлекали и ослабляли его. Это было очень благородно с его стороны исцелить у новорожденной девочки «волчью пасть», но этот его поступок вполне мог стоить нам поражения в войне! Ты же сражался, не имея никакой магической охраны, когда раззакки напали на твою деревню в горах Спайна. Если ты любишь своего двоюродного брата, если хочешь, чтобы мы победили Гальбаторикса, ты должен снова научиться сражаться без магической защиты.

Когда она умолкла, Роран опустил голову. Она была права.

– Я выеду немедленно, – сказал он.

– Вот и молодец.

– До скорого...

Роран повернулся и быстро пошел к двери, но, когда он был уже на пороге, Насуада окликнула его:

– Ах да! Вот еще что, Молотобоец!

Он с любопытством посмотрел на нее.

– Постарайся не сжигать Ароуз дотла, хорошо? Большие города трудно восстанавливать.

Танцы с мечами

Эрагон нетерпеливо постукивал каблуками по валуну, на котором сидел; ему было скучно и хотелось поскорее уйти отсюда.

Он, Сапфира и Арья, а также Блѣдхгарм и прочие эльфы расположились на обочине дороги, ведущей на восток от города Белатона через поля еще зеленой, но уже набравшей колос пшеницы, через большой и широкий каменный мост, дугой перекинутый через реку Джиет, и дальше, по самой южной оконечности озера Леона. Там эта дорога расходилась в разные стороны, и одна сворачивала вправо, к Пылающим Равнинам и Сурде, а вторая шла на север, мимо Драс-Леоны и напрямик к Урубаену.

Тысячи людей, гномов и ургалов кишели перед восточными воротами Белатоны и в самом городе, и все они спорили и кричали, пытаясь вновь создать некое единое целое. В придачу к этим разрозненным группам пеших воинов имела еще и кавалерия короля Оррина – немалое количество пляшущих на месте, фыркающих и ржущих лошадей. А в самом арьергарде, за боевыми отрядами, тащился хозяйственный обоз – вереница всевозможных повозок, фургонов и клеток, растянувшаяся мили на полторы. По бокам этой вереницы брели стада скота, прихваченного варденами еще из Сурды; эти стада, впрочем, они постоянно пополняли за счет тех животных, которых им удавалось «позаимствовать» у фермеров, попадавших им на пути. Над обозом и стадами висел неумолчный шум – мычание волов, пронзительные крики мулов и ослов, гогот гусей и громкое ржание рабочих лошадей.

Этого было вполне достаточно, чтобы Эрагон попросту заткнул уши.

«Можно подумать, что так нам будет лучше, хотя мы столько раз уже делали это», – сказал он Сапфире, продолжая молотить валун пятками.

Она фыркнула:

«Им следовало поручить это мне; я бы привела их в чувство; получаса бы хватило с избытком. И нам не нужно было бы тратить столько времени на ожидание».

Эта идея позабавила Эрагона.

«Да уж, ты бы точно это сумела... Но осторожней: не вздумай сказать это вслух! Не то Насуада и впрямь заставит тебя этим заниматься».

Затем мысли Эрагона переключились на Рорана, которого он не видел с той ночи, когда исцелил дочку Хорста и Илейн. Интересно, думал он, куда это Роран запропал? Его беспокоило, что брат так долго не появляется.

– Черт побери, до чего он глупо поступил! – пробормотал Эрагон, вспомнив, что Роран так и ушел из лагеря, не позволив Эрагону обновить его магическую защиту.

«Ничего, он – опытный охотник, – заметила Сапфира. – Он не станет вести себя глупо и не позволит собственной добыче его сцапать».

«Я знаю, но иногда так все же случается... Ему всего и нужно-то проявить побольше осторожности. Только я сомневаюсь, что он ее проявит. А мне совсем не хочется, чтобы он вернулся изуродованным, а то и вовсе завернутым в саван».

Эрагоном овладели мрачные мысли, но он заставил себя встряхнуться и даже немного попрыгал, разминаясь; он испытывал беспокойство, и ему очень хотелось заняться каким-то физическим трудом, прежде чем следующие несколько часов провести верхом на Сапфире. Он с радостью предвкушал их совместный полет, однако ему совсем не нравилась перспектива кружить, как привязанному, над одной и той же дюжиной миль в течение целого дня, точно

стервятнику над медленно ползущим войском. Сами по себе они с Сапфирой могли бы достигнуть Драс-Леоны уже сегодня к полудню.

Эрагон рысцой отбежал чуть в сторону от дороги, заметив там относительно ровную полоску земли, поросшую травой, и, не обращая внимания на предостерегающие взгляды Арьи и остальных эльфов, вытащил Брисингр, встал в оборонительную позицию, которой когда-то давно первым делом научил его Бром, медленно вдохнул и погрузился в некий транс, отчетливо ощущая сквозь подошвы башмаков каждый камешек, каждую песчинку.

Затем с коротким и мощным выкриком он взмахнул мечом и резким рубящим движением опустил его – такой удар легко мог бы разрубить пополам и человека, и эльфа, и ургала, какие бы доспехи его ни защищали. Эрагон остановил меч буквально в дюйме от поверхности земли и удерживал его в такой позиции, чувствуя, как напряженно дрожит в его руках клинок. В густой траве синий металл Брисингра казался очень живым, но каким-то нереальным.

Эрагон снова набрал в легкие воздуха и сделал выпад вперед, пронзив воздух, как своего смертельного врага. Так одно за другим он повторил все основные приемы фехтовального искусства, сосредоточившись не столько на скорости движений или на их мощи, сколько на точности.

Он согрелся и был вполне удовлетворен тем, что не утратил мастерства; оглянувшись на своих стражей, которые полукругом стояли в стороне, он спросил:

– Не угодно ли одному из вас скрестить со мною меч? Хотя бы на несколько минут, а?

Эльфы переглянулись, но по их лицам ничего прочесть было нельзя; затем вперед вышел эльф Вирден.

– Я могу, Губитель Шейдов, если это доставит тебе удовольствие. Однако же я попросил бы тебя сперва надеть свой шлем. Во время разминки всякое случается.

– Ладно.

Эрагон сунул Брисингр в ножны, сбегал к Сапфире и быстро взобрался ей на спину, как обычно порезав при этом палец об одну из ее чешуй. Кольчуга, как и все прочие доспехи, была на нем, а вот шлем он засунул в одну из седельных сумок, чтобы не скатился у Сапфиры со спины и не затерялся в траве.

Вытаскивая шлем, он заметил сосуд, в котором содержалось Элдунари Глаэдра; сосуд был тщательно завернут в одеяло и уложен на самое дно сумки. Эрагон быстро сунул туда руку, коснулся узла с Элдунари и молча вознес молитву тому, что осталось от великолепного золотистого дракона. Затем он закрыл сумку, скатился со спины Сапфиры и двинулся к Вирдену, на ходу надевая мягкий подшлемник и шлем.

Облизнув окровавленный палец, он натянул латные перчатки, надеясь, что кровь скоро течь перестанет и не слишком сильно намочит перчатки изнутри. Воспользовавшись одним и тем же заклинанием, хоть и с незначительными вариациями, они с Вирденом окутали свои клинки невидимой и тонкой защитой, заметной разве что по легкому дрожанию воздуха, дабы никого не поранить во время поединка. Себя они также окутали магической защитой.

Затем оба встали в исходную позицию, поклонились друг другу и подняли клинки. Эрагон смотрел прямо в немигающие черные глаза эльфа; Вирден отвечал ему столь же пристальным взглядом. Не сводя глаз с противника, Эрагон первым сделал выпад и попытался атаковать Вирдена справа, где праворукому эльфу было труднее себя защитить.

Вирден медленно поворачивался вокруг собственной оси, топча сапогами траву, и глаз с Эрагона тоже не сводил. И Эрагон, сделав еще несколько шагов, остановился. Вирден явно был опытным фехтовальщиком, чтобы на него можно было напасть с фланга. А застать его врасплох было совершенно невозможно.

«Если, конечно, не удастся чем-то его отвлечь», – думал Эрагон.

Но завершить эту мысль он не успел. Вирден сделал слабый выпад, словно намереваясь поразить его в колено, и вдруг, прямо посреди движения, изменил направление удара, вывернул кисть и нанес Эрагону рубящий удар поперек груди, слегка задев шею.

Но как бы ни был быстр Вирден, Эрагон все же оказался проворнее. Уловив ту особенность в движениях эльфа, которая выдавала его намерения, Эрагон моментально отступил на полшага, согнул руку в локте и резким движением разрубил воздух в нескольких миллиметрах от собственного лица.

– Ха! – выдохнул он, перехватив своим Брисингром меч Вирдена. Столкнувшиеся в воздухе мечи пронзительно взвизгнули.

С некоторым усилием отеснив Вирдена на прежнюю позицию, Эрагон прыгнул на него, один за другим нанося яростные атакующие удары.

Так они рубились несколько минут, потом Эрагон нанес первый «укол» – слегка оцарапал бедро Вирдена, – а потом и второй, но после этого счет практически сравнялся, поскольку эльф понял его тактику и стал предвосхищать его действия, ловко орудуя мечом. Эрагону редко доводилось испытать свои силы на столь быстром и сильном противнике, как Вирден, и он прямо-таки наслаждался этим поединком.

Впрочем, от наслаждения вскоре не осталось и следа, ибо Вирден ухитрился нанести ему четыре «укола» подряд: один в правое плечо, два в ребра и один весьма ощутимый в низ живота. Удары, разумеется, оказались смазанными, но гордость Эрагона была задета. Его встревожило то, что эльф сумел так легко воспользоваться его невнимательностью. Если бы они сражались по-настоящему, он, конечно, мог бы победить Вирдена еще в первые несколько минут боя, но теперь даже мысль о возможности подобной победы приносила мало утешения.

«Ты позволил ему нанести слишком много ударов», – упрекнула его Сапфира.

«Да, я и сам это прекрасно понимаю», – сердясь на себя, буркнул Эрагон.

«Хочешь, он у меня полетит вверх тормашками?»

«Нет... не сегодня».

Настроение у Эрагона окончательно испортилось. Он опустил меч и поблагодарил Вирдена за возможность потренироваться. Эльф с поклоном сказал:

– Всегда к твоим услугам, Губитель Шейдов, – и вернулся к своим товарищам.

Эрагон воткнул Брисингр в землю между сапогами – ничего подобного он никогда бы не позволил себе сделать с мечом из обычной стали – и, опершись руками о рукоять, стал смотреть, как по дороге из города тянутся вереницы людей и животных. Правда, суeta несколько поутихла, и было ясно, что вскоре рога варденов протрубят сигнал к началу похода.

А пока приходилось ждать, и Эрагон по-прежнему не находил себе места.

Оглянувшись, он увидел, что Арья подошла к ним и стоит рядом с Сапфирой. Блаженная улыбка тут же расплзлась по лицу Эрагона, и он, положив Брисингр на плечо, в два прыжка подскочил к эльфийке и указал на ее меч.

– Не хочешь немного размяться? – спросил он. – Мы с тобой фехтовали только один раз в Фартхен Дуре, но с тех пор мои возможности в этом плане несколько возросли.

– Пожалуй что так.

– Ну, и каков будет твой ответ?

Арья бросила оценивающий взгляд в сторону варденов, потом пожала плечами:

– Что ж, почему бы и не размяться?

И они направились к той же ровной, поросшей травой полоске земли.

– Надеюсь, теперь тебе будет уже труднее со мной справиться, – сказал Эрагон.

– Не сомневаюсь.

Арья вынула меч из ножен, и они заняли позицию шагах в двадцати пяти друг от друга. Эрагон чувствовал себя уверенно и сразу стал наступать, намереваясь нанести первый удар в левое плечо Арьи.

Эльфийка не отступала и не пыталась уклониться от ударов. Когда Эрагон был от нее шагах в четырех, она вдруг улыбнулась ему такой теплой, светлой улыбкой, очень ее красивой, что он моментально отвлекся, мысли беспорядочно заметались у него в голове, а перед носом у него вдруг блеснула полоска стали.

Он запоздало попытался парировать удар, и рука его загудела, когда клинок ударился обо что-то твердое – может, о рукоять ее меча или еще обо что-то, а может, и о тело, – но что бы это ни было, он уже понимал, что неправильно оценил расстояние и, нанеся ответный удар, сам остался незащищенным.

И прежде чем он сумел хоть немного замедлить движение вперед, новый удар Арьи заставил его резко отвести правую руку в сторону; и почти сразу же под ложечкой возник тугой узел боли, поскольку она нанесла ему туда колющий удар, заставив упасть.

Хлопнувшись на спину, Эрагон что-то сердито проворчал, хватая ртом воздух и тщетно пытаясь вдохнуть. Он смотрел в небо, и перед глазами у него плясали красные пятна; в течение нескольких малоприятных секунд он никак не мог наполнить легкие воздухом и опасался, что потеряет сознание. Затем сведенные судорогой мышцы расслабились, нормальное дыхание возобновилось, и в голове у него постепенно прояснилось.

Медленно поднявшись на ноги, он стоял, сгорбившись и опираясь на Брисингр, и ждал, когда утихнет боль под ложечкой.

– Здорово ты меня провела, – с трудом выговорил он сквозь стиснутые зубы.

– Нет, всего лишь воспользовалась твоей слабостью. Тут есть разница.

– Значит, ты считаешь... что это *слабость*?

– Когда идет сражение – безусловно. Ну что, хочешь продолжить?

Эрагон молча выдернул Брисингр из земли, отошел на прежнюю позицию и вновь поднял меч, готовясь к поединку.

– Хорошо, – одобрила Арья и приняла точно такую же позу.

На этот раз Эрагон вел себя куда осторожней, да и Арья, когда они начали сходитьсь, уже не стояла на месте, а тоже осторожно двигалась ему навстречу, не сводя с него своих зеленых глаз.

Потом она сделала легкий выпад, и Эрагон вздрогнул. И сразу понял, что невольно затаил дыхание; пришлось заставить себя расслабиться.

Он сделал еще один неторопливый шаг вперед, а потом вдруг резко бросился вперед, мощно атакуя.

Арья успешно блокировала его удар и ответила ему колющим ударом в область незащищенной подмышки.

Острый, но почти обезвреженный с помощью магии конец ее меча скользнул по тыльной стороне левой руки Эрагона, оставив царапину на металлической пластине доспеха. Но ему удалось все же успешно отбить этот удар, и он заметил, что вся верхняя часть тела Арьи оказалась незащищенной. Но нанести действенный удар он не мог: они стояли слишком близко друг к другу.

Вместо этого он просто прыгнул вперед и ударил ее в грудь рукоятью меча, желая сбить ее с ног, уронить на землю, как только что поступила с ним она.

Однако Арья сумела вывернуться, и его удар рукоятью пришелся... в воздух, а Эрагон, не удержавшись на ногах, шагнул вперед и, сам не понимая, как это произошло, обнаружил, что не может пошевелиться, ибо Арья одной рукой обхватила его за шею, а другой прижала холодное лезвие своего клинка к его нижней челюсти.

И откуда-то снизу, чуть ли не у него из подмышки, донесся шепот Арьи:

– Мне сейчас ничего не стоило бы голову тебе отсечь – все равно что яблоко с дерева сорвать.

Затем она ослабила хватку и даже слегка оттолкнула Эрагона. Разозленный, он резко обернулся и увидел, что она уже готова и ждет: меч в руке, лицо сосредоточено.

И Эрагон, дав волю своему гневу, ринулся на нее.

Они обменялись четырьмя ударами, и каждый последующий был более яростным, чем предыдущий. Арья первой нанесла рубящий удар ему по ногам. Эрагон парировал и попытался рубануть ее по талии, но она ускользнула от блеснувшего в солнечных лучах Брисингра. Не давая ей возможности опомниться, он продолжал атаковать и нанес ей весьма хитрый, как ему казалось, удар из-под согнутой в локте руки, который Арья блокировала с обманчивой легкостью, а затем, шагнув вперед, легким, как прикосновение птичьего крыла, туше приставила меч к его животу.

В этой позиции она и застыла, как бы завершая удар; ее лицо находилось в нескольких дюймах от лица Эрагона. На лбу у нее блеснули капельки пота, щеки разругались.

С несколько преувеличенной осторожностью они разошлись в разные стороны и решили передохнуть.

Эрагон оправил одежду и присел на корточки рядом с Арьей, чувствуя, что пыл схватки совершенно перегорел. Теперь он был полностью сосредоточен, однако чувствовал себя с нею гораздо свободней.

– Я не понимаю... – тихо сказал он.

– Ты успел слишком привыкнуть к тому, что все время сражаешься с воинами Гальбаторикса, которым нечего и надеяться стать тебе равными. Вот ты этим и пользуешься, не замечая, что в определенных обстоятельствах демонстрируешь явную слабость и невнимательность. Твои атаки слишком очевидны – тебе не следует полагаться лишь на грубую силу. И потом, ты стал как-то слишком вяло защищаться.

– А ты мне поможешь? – спросил он. – Будешь со мной фехтовать, когда у тебя найдется свободная минутка?

Арья кивнула:

– Конечно помогу. А если у меня не будет такой возможности, обратиться к Блэдхгарму – он не хуже меня владеет мечом. Практика – вот единственное, что тебе сейчас нужно. Практика с достойными партнерами.

Эрагон уже открыл было рот, чтобы ее поблагодарить, но вдруг ощутил, что в его мысли пытается пробиться кто-то другой, но не Сапфира; этот другой был поистине огромен, пугающе огромен и полон некой чрезвычайно глубокой меланхолии и такой великой печали, что у Эрагона перехватило дыхание. На мгновение ему показалось даже, что померкли все краски окружающего мира. А потом он услышал, как медленно, глубоким голосом, словно говорить ему было трудно из-за собственной невероятной величины, золотистый дракон Глаэдр мысленно говорит ему:

«Прежде всего... ты должен научиться... видеть то, что у тебя перед глазами».

И голос тут же умолк, оставив после себя черную пустоту.

Эрагон изумленно посмотрел на Арию. Она, похоже, была потрясена случившимся не меньше, чем он; она ведь тоже слышала сказанные Глаэдром слова. У нее за спиной зашевелились и зашептались Блэдхгарм и другие эльфы, а на обочине дороги Сапфира вытянула шею, словно пытаясь разглядеть что-то в седельных сумках, привязанных у нее на спине.

Все они *слышали*, понял Эрагон.

Вместе с Арьей они вскочили и бегом бросились к Сапфире, но она сказала им:

«Он мне сейчас не ответит. Где бы он ни был, он оттуда вернулся, но, увы, пока что он не станет слушать ничего, кроме голоса собственной великой печали. Вот, попробуй сам...»

Эрагон, Сапфира и Арья, соединив свои мысленные усилия, попытались снова установить мысленную связь с Элдунари Глаэдра, спрятанным в одной из седельных сумок. Сердце сердец огромного дракона стало, похоже, еще крепче, но разум его был по-прежнему закрыт для проникновения извне, а душа казалась безжизненной и равнодушной, как и в тот день, когда Гальбаторикс убил его Всадника, Оромиса.

Эрагон, Сапфира и Арья пробовали взбодрить Глаэдра, вывести его из ступора, однако он обращал на них не больше внимания, чем пещерный медведь на жалких мушек, жужжащих у него над головой.

И все же Эрагона не покидало упорное ощущение, что равнодушие Глаэдра уже не столь всеобъемлюще, как прежде, особенно если учесть то замечание, которое дракон только что ему сделал.

Наконец все трое признали свое поражение и прервали мысленный контакт со старым драконом. Но Арья почти сразу сказала Эрагону:

– А может, нам все-таки удастся поговорить с его Элдунари?..

Эрагон моментально сунул Брисингр в ножны, влез по правой передней лапе Сапфиры к ней на спину и, устроившись в седле задом наперед, принялся развязывать седельную сумку.

Он уже перерыл все в одной сумке и принялся за вторую, когда прозвучал резкий сигнал горна и передние ряды варденов сразу пришли в движение. Длинная вереница людей и животных поползла по дороге – сперва несколько неуверенно, но все время набирая скорость и силу.

Эрагон с глубоким разочарованием посмотрел на Арию, стоявшую внизу, но она тут же разрешила его сомнения и, махнув рукой, сказала:

– Ничего страшного. Вечером мы обязательно с ним поговорим. Скорей! Летите на крыльях ветра!

Эрагон быстро затянул седельные сумки, сунул ноги в ременные петли по обе стороны седла и туго затянул ремни, чтобы нечаянно не свалиться со спины Сапфиры, когда она будет реять в воздушном пространстве.

Дракониха присела и, с радостным ревом подпрыгнув, полетела над дорогой. Завидев ее, летящую так низко, люди в ужасе приседали и закрывали голову руками, а лошади ржали и взвизгивали на дыбы. И тогда Сапфира, развернув крылья, легко взмыла ввысь, подальше от этой недружественной земли, в чудесную, лишенную каких бы то ни было препятствий голубизну небес.

Эрагон закрыл глаза и запрокинул голову; он был рад наконец-то покинуть Белатону. После того как он целую неделю проторчал в этом городе и не делал ничего, только ел да спал – ибо на этом настояла Насуада, – он был особенно рад возобновить поход на Урубаен.

Когда Сапфира выровняла полет, поднявшись на несколько сотен футов выше любых горных вершин, и городские башни остались далеко внизу, Эрагон мысленно спросил у нее:

«Как ты думаешь, Глаэдр поправится?»

«Он никогда не будет таким, как прежде».

«Не будет, это я понимаю, но все же надеюсь, что он сумеет как-то преодолеть свое горе. Мне очень нужна его помощь, Сапфира! И мне еще так много нужно узнать. У кого мне еще спрашивать, как не у него?»

Сапфира некоторое время молчала, слышно было лишь, как шелестят ее могучие крылья.

«Мы не можем его торопить, – сказала она. – Он получил самый тяжкий удар, какой только может постигнуть дракона или Всадника. Прежде чем он сможет помочь тебе, мне или

кому бы то ни было еще, он должен решить, хочет ли он продолжать жить. А до этих пор никакие слова не смогут его достигнуть».

Ни чести, ни славы, одни синяки, причем в самых неподходящих местах

Яростный лай гончих псов у них за спиной стал громче, стоя явно жаждала крови.

Роран крепче сжал поводья и ниже пригнулся к шее коня, мчавшегося галопом. Грохот конских копыт громом отдавался в ушах.

Он и пятеро его спутников – Карн, Мандель, Балдор, Делвин и Хаммунд – украли свежих лошадей на конюшне одного поместья, находившегося неподалеку. Надо сказать, тамошние конюхи были от этого отнюдь не в восторге, однако примолкли, едва сверкнули мечи грабителей. Впрочем, теперь конюхи наверняка подняли на ноги людей, потому что не успел маленький отряд Рорана отъехать от конюшни и на полмили, как вслед за ними ринулись человек десять вооруженных всадников и стая охотничьих собак.

– Туда! – крикнул Роран, указывая на узкую полоску берез между двумя холмами, явно росших по берегам какого-то ручья.

Все тут же свернули с хорошо укатанной дороги и помчались к березовой рощице. Неровности почвы заставили их несколько сбавить бешеный галоп, но совсем немного, хотя они, безусловно, рисковали. Лошадь запросто могла угодить в какую-нибудь ямку или норку и сломать себе ногу или сбросить седока. Однако угодить в пасть гончим псам было еще опаснее.

Роран, вонзив шпоры в бока коня, орал на него во всю свою забитую пылью глотку. Конь рванулся вперед и мало-помалу начал нагонять Карна, однако было ясно, что таких рывков больше ему не выдержать, как бы сильно ездок ни хлестал его концом повода. Вообще-то Роран терпеть не мог жестокого обращения с животными и не имел ни малейшего намерения загонять этого мерина до смерти, но, разумеется, не пощадил бы его, если б под угрозой оказалось порученное им задание.

Поравнявшись с Карном, Роран крикнул:

– Ты не мог бы скрыть наши следы с помощью каких-нибудь чар?

– Не знаю, как это делается! – ответил Карн, и голос его был едва слышен за топотом лошадей и свистом ветра. – Для меня это слишком сложно!

Роран выругался и оглянулся через плечо. Гончие уже вылетели из-за последнего поворота дороги. Они так и стлались над землей; длинные, гладкие, мускулистые тела их то вытягивались, то сокращались в мощных прыжках. Даже на таком расстоянии были видны их вываленные из пасти красные языки и оскаленные белые клыки.

Добравшись до березовой рощицы, Роран развернулся и поскакал назад, в холмы, стараясь оставаться как можно ближе к березам, но не задевать их низко растущих ветвей и не спотыкаться об упавшие стволы. Остальные последовали его примеру, покрикивая на лошадей и не давая им замедлить бег.

Когда они уже взбирались по склону холма, справа от себя Роран заметил Манделя, сгорбившегося на пятнистой кобыле. На лице Манделя застыло какое-то совершенно зверское выражение. В последние три дня этот молодой парень прямо-таки удивлял Рорана своей выносливостью и крепостью. С тех пор как отец Катрины, мясник Слоан, предал жителей Карвахолла и убил отца Манделя Бирда, этот парнишка, похоже, изо всех сил старался доказать, что может сражаться не хуже любого взрослого мужчины. Он отлично проявил себя в двух последних сражениях с воинами Империи.

Толстенная ветка пронеслась у Рорана над головой. Он пригнулся и услышал, как концы сучков с силой цапапнули по верхушке его шлема. Оторвавшийся листок упал ему на лицо, на мгновение закрыв правый глаз, и тут же улетел с ветром.

Его мерин явно начинал уставать, дыхание его становилось все более затрудненным, но подъем все продолжался. Глянув из-под руки, Роран увидел, что гончие уже совсем близко. Еще несколько минут, и они наверняка их нагонят.

Черт побери! Он рыскал взглядом по окрестным холмам в поисках убежища или того, что могло бы сбить преследователей с их следа. Слева виднелись густые заросли деревьев, справа травянистые склоны. От усталости Роран так плохо соображал, что чуть не пропустил то, что так долго высматривал.

Ярдах в двадцати от них по склону холма тянулась еле заметная извилистая оленья тропа, исчезающая в зарослях.

– Стоять!.. Стоять!.. – заорал Роран, откидываясь назад и натягивая поводья. Мерин сбавил ход и пошел рысцой, но протестующе похрапывал и мотал башкой, пытаясь прихватить Рорана зубами. – Эй, не балуй! – прорычал Роран и снова натянул поводья. – Скорей! – крикнул он товарищам, поворачивая коня и ныряя в заросли.

Там, в тени деревьев, воздух был прохладный, почти промозглый, и это сразу принесло огромное облегчение. Все были до предела разогреты скачкой. Но насладиться прохладой Роран толком не успел. Мерин почти сразу устремился вперед и начал, оскальзываясь, спускаться по берегу ручья к воде. Сухие ветки хрустели под стальными подковами. Чтобы не перелететь через голову коня, Рорану пришлось лечь ему на шею почти плашмя и крепче сжать коленями и пятками бока.

Спустившись на дно оврага, мерин, бухая копытами, протопал через каменистый ручей, разбрызгивая воду, и штаны на коленях у Рорана мгновенно промокли. На другом берегу он немного подождал, чтобы убедиться, что никто не отстал. Его спутники вереницей спускались к ручью сквозь деревья.

А наверху, в том месте, где они только что нырнули в заросли, уже слышался лай собак.

«Придется нам, видно, разворачиваться и принимать бой», – подумал Роран.

Он снова выругался и, прищипорив несчастного коня, погнал его прочь от ручья, поднимаясь по мягкому, поросшему мхом склону и продолжая следовать той же еле заметной оленьей тропой.

Неподалеку от ручья виднелись заросли папоротников, а за ними – впадина. Роран высмотрел ствол упавшего дерева, оно могло бы послужить неким прикрытием, если его подтащить в нужное место.

«Только бы у них не было с собой луков!» – думал он.

– Сюда! – махнул Роран рукой и, дернув за повод, направил коня сквозь заросли папоротников в эту низину. Там он спрыгнул с седла, но поводья не отпускал. Коснувшись земли, Роран почувствовал, что колени под ним попросту подгибаются, и, наверно, упал бы, если бы не держался за коня. Досадливо поморщившись, Роран прислонился лбом к конскому плечу и стал, тяжело дыша, дожидаться, когда перестанут дрожать колени.

Остальные конники сгрудились вокруг него, и воздух сразу наполнился запахом конского пота и звоном упряжи. Лошади дрожали от усталости, грудь у них тяжело вздымалась, изо рта падала желтая пена.

– Помоги мне, – сказал Роран Балдору и указал на упавшее дерево.

Подхватив ствол за толстый конец, они оттащили его в сторону, и Роран даже зубами скрипнул – такая боль пронзила при этом его спину и раненое бедро. Скакать полным галопом в течение трех дней – да еще и спать меньше трех часов после каждых двенадцати, проведенных в седле, – оказалось тяжким испытанием.

«Лучше уж вступать в битву пьяным, или больным, или избитым до полусмерти!»

Он опустил конец бревна и выпрямился. Мысль о собственной беспомощности несколько нервировала его.

Роран и пятеро его спутников спрятали лошадей за бревно и повернулись лицом к стене изрядно помятых папоротников. Вытащили оружие, приготовились. Громкий лай собак был слышен уже совсем близко, ему вторило жутковатое эхо.

Роран поднял свой молот повыше, чувствуя, что напряжен, как натянутая струна. И вдруг сквозь неумолкавший лай собак услышал какие-то странные напевные звуки, становившиеся все громче. Это Карн выпевал некую мелодию, повторяя одни и те же слова древнего языка. От той силы, что таилась в этих незнакомых словах, у Рорана по всему телу поползли мурашки. Затем Карн произнес еще несколько предложений как бы на одном дыхании и так быстро, что слова слились в некое неразличимое целое, а потом указал Рорану и остальным на землю и прошептал напряженно:

– Ложитесь!

Роран без лишних вопросов шлепнулся на живот и уже далеко не в первый раз выругал себя за то, что оказался не способным пользоваться хотя бы простейшими заклятиями. Из всех умений, какими мог владеть настоящий воин, владение магией казалось ему наиболее полезным. Однако же сам он такого умения был лишен, и это делало его порой совершенно беспомощным в руках тех, кто способен был изменять форму мира с помощью собственной воли и слов древнего языка.

Папоротники перед ними зашуршали, затряслись, и первый гончий пес просунул свой черный нос сквозь листья, принюхиваясь к той впадинке, где притаились конокрады. Кончик носа у пса нервно подергивался. Делвин зашипел и взмахнул мечом, словно собираясь отсечь псу голову, но Карн что-то действительно проворчал и махнул рукой, требуя опустить клинок.

Пес наморщил лоб, словно был чрезвычайно озадачен, и снова принюхался. Потом облизнулся, показывая розовый язык, и ушел.

Как только листья папоротника снова сомкнулись за ним, Роран медленно выдохнул, поскольку все это время невольно задерживал дыхание, и вопросительно посмотрел на Карна, но тот лишь покачал головой и приложил к губам палец, призывая молчать.

Через несколько секунд еще две собаки вынырнули из папоротников, осторожно обследовали низину, а затем, как и первый пес, убежали назад. Вскоре среди деревьев поднялся жуткий визг и лай: собаки растерянно метались, пытались понять, куда же делась добыча.

Роран вдруг заметил у себя на штанах с внутренней стороны бедер какие-то темные пятна. Он коснулся одного из них, и на пальцах осталась липкая пленка крови. Это означало, что ляжки его стерты до крови за три дня непрерывной скачки. И такие потертости были не только на бедрах, но на руках, между большим и указательным пальцем, где поводья натерли кожу, и на пятках, и в других, еще более неудобных местах.

Роран с отвращением вытер пальцы о траву и посмотрел на своих спутников. По выражению их лиц он понял, что им тоже больно и двигаться, и держать в руках оружие. В общем, им всем здорово досталось.

Роран решил, что на следующей стоянке он обязательно попросит Карна подлечить их раны, а если маг окажется слишком усталым, то от лечения придется воздержаться. Лучше уж потерпеть, чем позволить Карну израсходовать все силы еще до того, как они прибудут в Ароуз. Роран не без оснований полагал, что там умения Карна могут оказаться более чем полезными.

Мысли об Ароузе и его осаде заставили Рорана свободной рукой нащупать на груди пакет с приказами, которых он даже прочитать не мог, и пакет с деньгами, которые ему вряд ли удастся сохранить, но они пока тоже были надежно спрятаны за пазухой.

Прошло еще несколько долгих напряженных минут. Вдруг одна из гончих принялась возбужденно лаять где-то в гуще деревьев, выше по ручью, и остальные собаки ринулись на ее призыв, яростно лая и давая своим хозяевам понять, что добыча близко.

Когда их лай стал удаляться, Роран медленно поднялся и, осмотрев ближайшие деревья и кусты, тихо сказал:

– Все чисто, выходите.

Когда встали и все остальные, Хамунд – высокий, лохматый, с глубокими морщинами у рта, хоть и был всего на год старше Рорана, – напустился на Карна:

– Что ж ты раньше этого не сделал? Зачем мы чуть ли не вверх тормашками через все поле мчались, а потом, грозя сломать себе шею, по этому кособокому спускались?

Карн ответил Хамунду не менее сердито:

– Потому что раньше я об этом не подумал, только и всего! А если учесть, что я избавил вас от такой неприятности, как порванные собаками в клочья штаны и собственная шкура, мне, по-моему, следовало бы получить хоть слово благодарности!

– Да ну? А по-моему, ты мог бы и пораньше сообразить насчет своих заклинаний! *До того*, как нас загнали черт знает куда!

Опасаясь, что спор Карна и Хамунда перерастет в драку, Роран встал между ними.

– Довольно! – сказал он и спросил у Карна: – А ты сумеешь с помощью магии спрятать нас от стражи?

Карн покачал головой:

– Людей обмануть куда трудней, чем собак. – Он бросил уничтожающий взгляд на Хамунда. – Во всяком случае, большую часть людей. Нас самих я могу спрятать, но ведь следы-то наши останутся. – И он указал на сокрушенные папоротники и отпечатки копыт на влажной земле. – Люди все равно поймут, что мы где-то здесь. Но если мы поскорее уберемся отсюда, пока их отвлекают собаки, тогда...

– По коням! – тут же приказал Роран.

Бурча самые разнообразные проклятия и почти уже не сдерживая стонов, они вновь оседлали коней, и Роран в последний раз внимательно оглядел ложбину, желая убедиться, что они ничего не забыли, а потом двинулся вперед, возглавляя свой маленький отряд.

Через пару минут они галопом вылетели из-под деревьев и помчались прочь от оврага, возобновляя свое бесконечно долгое путешествие. А вот что им делать, когда доберутся до Ароуза, Роран пока и понятия не имел.

Пожирательница Луны

Эрагон, сгорбившись и опустив плечи, шел через лагерь варденов, пытаясь как-то избавиться от неприятного ощущения боли в шее, которое заработал, фехтуя утром с Арьей и Блэдхгармом.

Поднявшись на небольшой холм, казавшийся одиноким островом в этом море палаток, он уперся руками в бедра и огляделся. Перед ним расстилалась темная гладь озера Леона, посверкивая в сумерках гребнями невысоких волн. В озере отражались оранжевые огни факелов, горевших в лагере. Дорога, по которой двигались вардены, пролегала между лагерем и берегом. Эта широкая полоса тесаных камней, скрепленных известью, была создана – во всяком случае, по словам Джоада, – задолго до того, как Гальбаторикс уничтожил Всадников. В четверти мили к северу у самой воды виднелась маленькая рыбацкая деревушка, точно присевшая на корточки и затаившаяся. Эрагон прекрасно понимал, что ее жители отнюдь не в восторге от соседства целой армии довольно голодных людей.

«Ты должен научиться... видеть то, что у тебя перед глазами».

После того как они покинули Белатону, Эрагон много размышлял над этим советом Глаэдра. Он не был абсолютно уверен, что понял смысл этого высказывания, но Глаэдр не пожелал ничего более к этому прибавить. Так что Эрагон был волен интерпретировать его слова по своему усмотрению. Он действительно стремился *увидеть* все, что было перед ним – вне зависимости от того, малое оно или большое, важное или вроде бы не имеет значения, – и понять суть каждого предмета.

Но сколько он ни старался, его не оставляло ощущение того, что все подобные попытки самым жалким образом проваливаются. Эрагон смотрел, но видел лишь ошеломляюще огромное количество подробностей и при этом был убежден, что видит еще далеко не все, и просто недостаточно проницателен, чтобы охватить все разом. Еще хуже было то, что ему крайне редко удавалось понять смысл того, что он видит или чувствует. Вот, например, сейчас Эрагон никак не мог понять, почему из трех каминных труб в той деревушке не идет дым.

Но, несмотря на то что сам себе он казался совершенно бестолковым и слишком поверхностным, кое-какие плоды работа над собой все же дала: теперь, по крайней мере, Арья уже *не каждый раз* одерживала над ним победу во время их тренировочных боев. Эрагон следил за нею с удвоенным вниманием, изучал ее столь же придирчиво, как оленя, по следу которого некогда шел на охоте, и в результате выиграл несколько поединков. Однако он по-прежнему не только не способен был превзойти ее в искусстве фехтования, но даже и равным ей не мог считаться. Эрагон не знал, чему еще должен научиться – или кто мог бы его этому научить, – чтобы стать столь же искусным фехтовальщиком, как Арья.

«Возможно, Арья права, и опыт – это единственный наставник, который может мне помочь, – думал Эрагон. – Но опыт требует времени, а вот времени-то у меня как раз и нет. Вскоре мы достигнем Драс-Леоны, а там и Урубаена. Боюсь, самое большее через несколько месяцев мне придется лицом к лицу встретиться с Гальбаториксом и Шрюкном».

Эрагон горестно вздохнул и потер руками лицо, пытаясь переключить мысли на что-нибудь другое, не столь тревожное, но неизменно возвращался к одним и тем же сомнениям; они терзали его, как собака мозговую кость, и это ничего не давало, кроме постоянно усиливавшегося ощущения тревоги.

Погруженный в мрачные мысли, он спустился с холма и побрел меж темных палаток, направляясь к своему жилищу, однако не слишком обращая внимание на то, куда именно несут его ноги. Как обычно, ходьба помогла ему успокоиться. Люди, которые еще не спали, рассту-

пались, давая ему пройти, и стучали кулаком по груди, тихо приветствуя Губителя Шейдов. Эрагон отвечал им коротким, вежливым поклоном.

Он брел так, наверное, с четверть часа, то останавливая поток своих мыслей, то вновь в них погружаясь, когда размышления его прервал пронзительный женский голос. Женщина так громко и с таким энтузиазмом что-то рассказывала, что Эрагону стало интересно. Он подошел к палатке, стоявшей несколько в стороне от остальных у подножия огромной корявой ивы, единственного дерева на берегу озера, которое армия варденов еще не срубила на дрова. Там, под пологом ветвей, происходило нечто весьма странное.

Двенадцать ургалов, включая их командира Нар Гарцвога, сидели полукругом возле крошечного, едва мерцающего костерка. Тени плясали на их страшноватых физиономиях, подчеркивая мощные надбровные дуги, густые брови, широкие скулы, массивные челюсти; поблескивали их острые рога, торчавшие из лба и загибавшиеся назад, за уши. Ургалы были обнажены по пояс. Верхнюю часть их туловища украшали только кожаные браслеты на запястьях да плетеные ремешки, перекинутые через плечо и укрепленные на талии. Помимо Гарцвога, Эрагон разглядел среди присутствовавших еще троих куллов. Куллы были такими огромными и с виду неуклюжими, что прочие ургалы на их фоне выглядели, точно малые дети, хотя все они были ростом не меньше двух метров.

Среди ургалов устроились коты-оборотни в своем зверином обличье. Котов было, пожалуй, несколько дюжин. Многие сидели совершенно неподвижно и смотрели в костер. Они даже хвостом не шевелили, насторожив свои украшенные кисточками уши. А некоторые коты лениво распростерлись на земле, на коленях у ургалов или *даже у них на плечах*. Эрагон с удивлением заметил, что одна кошка-оборотень – гибкий белый зверек – свернулась клубочком прямо на широкой башке одного из куллов, и ее правая передняя лапка с острыми когтями небрежно свесилась с его черепа, собственническим жестом прижимая его бровь. Хотя коты-оборотни и казались по сравнению с ургалами совсем крошечными, выглядели они не менее свирепо. У Эрагона не было сомнений, с кем было бы проще встретиться в бою. Ургалов он, во всяком случае, понимал, а вот эти коты были... совершенно непредсказуемы!

По другую сторону костра перед входом в палатку сидела на свернутом одеяле, скрестив ноги, травница Анжела и пряла из чесаной шерсти тонкую нить. Она держала веретено прямо перед собой, словно с его помощью намереваясь погрузить в транс любого, кто вздумает наблюдать за нею. И коты-оборотни, и ургалы внимательно, не сводя глаз, смотрели на травницу, а она им что-то рассказывала, и Эрагон прислушался.

– Но он действовал слишком медленно, – говорила Анжела, – и разгневанный красноглазый кролик вырвал у Хорда горло, мгновенно лишив его жизни. А затем убежал в лес и навсегда исчез из нашей истории – я, разумеется, имею в виду ту историю, что записана учеными. Однако... – и тут Анжела наклонилась вперед и немного понизила голос, – если вам доведется странствовать в тех местах, где не раз странствовала я, то и в наши дни вы можете наткнуться на только что убитого оленя или фельдуноста, который выглядит так, словно его *обгрызли* со всех сторон, как клубень турнепса. И повсюду вокруг него непременно будут отпечатки лап *очень* крупного кролика. И потом, как известно, время от времени один из воинов Квотха загадочным образом исчезает, а потом его находят мертвым, с вырванным горлом... Да, всегда с вырванным горлом.

Анжела выпрямилась, уселась поудобнее и продолжила:

– Террин был, разумеется, ужасно огорчен гибелью друга и хотел устроить охоту на красноглазого кролика, но гномам по-прежнему требовалась его помощь, вот он и вернулся в крепость. Еще три дня и три ночи защитники крепости удерживали ее, но потом у них подошли к концу все съестные припасы, а воины – буквально каждый из них – были изранены с головы до ног.

И утром четвертого дня, когда всем уже казалось, что битва проиграна, тучи развеялись, и далеко на горизонте Террин с изумлением увидел летящего к крепости Мимринга во главе огромного *грома*. Вид приближавшихся драконов так напугал атакующих, что они побросали свое оружие и бежали в дикие края. – Губы Анжелы дрогнули в усмешке. – И это, как вы понимаете, привело в восторг гномов Квотха, и они не скрывали своего ликования.

Но когда Мимринг приземлился, Террин, к своему большому изумлению, увидел, что чешуи его стали совсем прозрачными, как алмазы. Говорят, это произошло потому, что Мимринг летел слишком близко к солнцу. Ведь для того, чтобы вовремя собрать столько драконов, ему пришлось лететь *выше* самых высоких вершин в Беорских горах, выше, чем когда-либо летали драконы и до него, и после него. И с тех пор Террин прославился как герой осажденного Квотха, а его дракона из-за алмазной чешуи стали называть Мимринг Сверкающий. И с тех пор они жили счастливо, но, если честно, Террин все же до самой старости немного побаивался кроликов. Вот что *на самом деле* произошло тогда в Квотхе.

Когда Анжела умолкла, коты-оборотни благодарно замурлыкали, а ургалы стали издавать негромкое утробное ворчание, означавшее, видимо, высшее одобрение.

– Ты рассказала хорошую историю, Улутхрек, Пожирательница Луны, – сказал Гарцвог, и голос его прозвучал гулко, точно эхо скатившегося с горы валуна.

– Спасибо.

– Но рассказывала ты не так, как я когда-то слышал у гномов, – заметил Эрагон, выходя в круг света.

Лицо Анжелы оживилось:

– Ну, вряд ли можно ожидать от гномов признания в том, что они были во власти какого-то кролика! А ты что же, все это время в тени прятался?

– Нет, только несколько последних минут, – признался Эрагон.

– В таком случае ты пропустил самую лучшую часть истории, а сегодня я более не расположена ее повторять. У меня и так уже горло пересохло – так долго я рассказывала.

И Эрагон подошвами ног ощутил, как задрожала земля, – это поднимались на ноги куллы и остальные ургалы, к величайшему неудовольствию котов-оборотней. Некоторые коты даже громко взвыли, протестуя против того, что их столь небрежно роняют на землю.

Глядя на жутковатые рогатые морды ургалов, склонившиеся над костром, Эрагон с трудом подавил желание схватиться за рукоять меча. Даже после того, как он столько раз сражался вместе с ургалами, столько путешествовал и охотился вместе с ними и даже не раз забирался к некоторым из них в мысли, пребывание в их обществе все еще вызывало у него некоторую оторопь. Где-то в душе он понимал, что теперь они союзники варденов, но тело его не могло забыть того цепящего ужаса, который охватывал его в былые времена, когда ему приходилось иметь дело с такими могучими противниками.

Гарцвог вытащил что-то из кожаного мешочка, который носил на поясе, и, протянув над огнем свою толстенную лапищу, передал эту вещь Анжеле. Та отложила свою пряжу и приняла подношение в сложенные лодочкой ладони. Это был довольно грубый стеклянный шар цвета морской волны, посверкивающий белыми искрами, точно сухой снежок. Анжела опустила шар в рукав своего одеяния и снова взяла руки веретено.

А Гарцвог сказал:

– Ты должна иногда приходить в наш лагерь, Улутхрек, и мы будем рассказывать тебе свои истории, много историй. У нас и сказитель свой есть. Хороший. Когда слушаешь, как он рассказывает легенду о победе Нар Тулхкка в сражении при Ставароске, просто кровь кипеть начинает и хочется завывать на луну и скрестить рога с самым сильным соперником.

– Ну, это еще зависит от того, есть ли у тебя рога, чтобы их с кем-то скрестить, – заметила Анжела. – Для меня было бы большой честью посидеть с вами и послушать ваши истории. Так, может, завтра вечером?

Великан кулл тут же согласился, а Эрагон спросил:

– Где это – Ставароск? Я о нем никогда прежде не слышал.

Ургалы беспокойно зашевелились, а Гарцвог нагнул голову и всхрипнул, точно разъяренный бык.

– Что это еще за шутки, Огненный Меч? – гневно спросил он. – Зачем ты нас оскорбляешь? Или, может, хочешь вызвать меня на поединок? – Он то сжимал, то разжимал кулаки с выражением несомненной угрозы.

И Эрагон поспешил осторожно оправдаться:

– Я не имел в виду ничего плохого, Нар Гарцвог. И никакого подвоха в моем вопросе не было. Я действительно никогда раньше не слышал такого названия, как Ставароск.

Ургалы удивленно загудели.

– Как это может быть? – спросил Гарцвог. – Разве не все люди знают о Ставароске? Разве наша величайшая победа не воспевается повсюду от северных пустошей до Беорских гор? И уж конечно, вардены, как никто другой, должны были бы знать об этом.

Анжела вздохнула и, не отрывая взгляда от вращающегося веретена, сказала:

– Ты лучше сразу им объясни.

Эрагон чувствовал, что Сапфира внимательно прислушивается к этому разговору и уже готова лететь ему на подмогу, если окажется, что схватки не избежать.

Тщательно подбирая слова, он сказал:

– Никто никогда не упоминал при мне об этом, но, с другой стороны, я ведь совсем недавно у варденов, и...

– Дражл! – выругался Гарцвог. – Этот безрогий предатель не имел мужества даже признать свое поражение! Он трус и лжец!

– Кто? Гальбаторикс? – осторожно спросил Эрагон.

Несколько котов зашипели, услышав это имя.

Гарцвог кивнул:

– Да. Когда он пришел к власти, то пытался стереть наш народ с лица земли и послал в Спайн огромную армию. Его воины крушили наши деревни, сжигали наших мертвых, оставляя наши поля черными и бесплодными. Мы сражались – сперва с радостью, потом с отчаянием, но все же продолжали сражаться. Это было единственное, что мы могли сделать. Нам было некуда бежать, негде спрятаться. Кто стал бы защищать народ ургалов, если даже Всадники были поставлены на колени? Но нам повезло. У нас был великий военачальник, который и возглавил нас, – Нар Тулкхка. Однажды он был захвачен людьми в плен, а потом много лет с ними сражался, так что хорошо знал, что и как думают люди. Благодаря этому он сумел собрать множество ургалов из разных племен под свои знамена. А потом он заманил армию Гальбаторикса в узкий проход в глубине гор, и наши славные бараны напали на них с обоих концов. Это была настоящая бойня, Огненный Меч. Земля насквозь пропиталась кровью, а груды тел были выше моего роста. Даже теперь в Ставароске под ногами похрустывают кости павших в той битве, а среди кустиков мха можно найти немало монет, сломанных мечей и доспехов.

– Значит, это были вы! – воскликнул Эрагон. – Всю жизнь я слышу истории о том, что однажды Гальбаторикс потерял в горах Спайна половину своей армии, но ни разу никто не мог сказать мне, как именно это произошло и по какой причине.

– *Больше половины*, Огненный Меч! – Гарцвог округлил плечи и издал какой-то жуткий горловой звук. – Теперь мне ясно: мы должны непременно сделать так, чтобы о нашей победе узнали все, кто еще не знает об этом. Мы выследим и выловим ваших сказителей и бардов, а потом научим их своим песням, в которых говорится о Нар Тулкхке, – пусть они хорошенько запомнят эти песни и исполняют их громко и часто. – Он один раз решительно кивнул, словно раз и навсегда принимая решение – весьма впечатляющий жест, учитывая размеры его вели-

колепной головы, – и сказал: – Прощай, Огненный Меч. Прощай, Пожирательница Луны. – И он вместе с другими ургалами, неуклюже ступая, исчез в темноте.

Анжела вдруг захихикала, чем весьма поразила Эрагона.

– Что такое? – повернулся он к ней.

Она улыбнулась:

– Да я просто представила себе, какое выражение лица будет через несколько минут у бедного музыканта, играющего на лютне, когда он выглянет из своей палатки и увидит, что целых двенадцать ургалов – особенно если учесть, что четверо из них куллы! – только и мечтают посвятить его в основы своей культуры. Ей-богу, я буду просто потрясена, если этот несчастный музыкант для начала не примется вопить во все горло. – Она снова засмеялась.

Эрагон тоже засмеялся и, присев у костра, поворошил угли концом какой-то ветки. Что-то теплое и тяжелое тут же плюхнулось ему на колени, и он увидел, что это та самая белая кошка-оборотень. Он хотел было ее погладить, но потом все же решил спросить:

– Можно?

Кошка дернула хвостом и проигнорировала его вопрос.

Надеясь, что не делает ничего предосудительного, Эрагон принялся осторожно почесывать ей шейку, и через несколько минут в ночной тиши послышалось громкое мурлыканье.

– Ты ей нравишься, – заметила Анжела.

И Эрагон неизвестно почему вдруг почувствовал себя чрезвычайно польщенным.

– А кто она? Ну, то есть я хотел спросить, кто ты? Как тебя зовут? – обратился он к кошке, опасаясь, что своим вопросом обидел ее.

Анжела тихо рассмеялась.

– Ее имя Охотница-За-Тенями. Или примерно так, на языке котов-оборотней. На самом деле она... – И тут травница издала какой-то странный звук – то ли кашель, то ли рычание, – от которого у Эрагона по спине поползли мурашки. – Охотница-За-Тенями, можно сказать – супруга Гримрра Полулапы, так что она настоящая королева этих котов.

Мурлыканье стало существенно громче.

– Ясно. – Эрагон оглянулся на остальных котов. – А где же Солеблум?

– Занят. Гоняется за одной длинноусой кошкой, в два раза его моложе. Ведет себя глупо, точно котенок... но ведь, с другой стороны, всем позволительно время от времени совершать глупости. – Поймав веретено левой рукой, Анжела остановила его и намотала только что спряденную нитку на нижний деревянный диск. Потом снова запустила веретено и принялась правой рукой выдергивать и накручивать на него клочки шерсти. – У тебя такой вид, Губитель Шейдов, будто ты переполнен вопросами и сейчас лопнешь.

– Каждый раз после встречи с тобой я отчего-то испытываю необычайное смятение, и вопросов у меня возникает великое множество.

– Каждый раз? Ну, это ты уж слишком. Ладно, я попытаюсь ответить на *некоторые* твои вопросы. Спрашивай.

Чувствуя некий подвох в ее чрезмерной готовности, Эрагон быстро прикинул, что бы ему хотелось узнать в первую очередь, и спросил:

– Что означало слово «гром», когда ты говорила о драконах? Что ты хотела...

– А это *правильное* слово для обозначения стаи драконов. Если бы ты когда-нибудь услышал, как летит такая стая, ты бы сразу понял, что значит *гром*. Когда десять, двенадцать или больше драконов пролетают у тебя над головой, вокруг тебя начинает дрожать даже сам воздух, и возникает такое ощущение, будто ты сидишь внутри огромного барабана. Кроме того, как еще можно назвать стаю драконов? Люди считают, что вороны каркают, орлы парят, гуси гогочут, утки крикают, сойки тархтят, совы заседают в парламенте, ну и так далее. Но что делают драконы? Вы знаете только выражение *голод дракона*. Но оно не слишком подходит. И, по-моему, не совсем точно было бы описывать драконов, как *пламенеющих или внушающих*

ужас, хотя последнее мне, пожалуй, даже нравится, если учесть все прочее: внушающие ужас драконы... Хм, неплохо. И все же стая драконов называется «гром». И ты знал бы это, если бы тебя учили не только мечом махать и соединять кое-какие слова древнего языка в простейшие заклинания!

– Не сомневаюсь, что ты совершенно права, – сказал Эрагон, желая к ней подольститься. Он чувствовал, что и Сапфире тоже нравится выражение «гром драконов». Да, ему казалось, что это вполне подходящее описание.

Он еще немного подумал и спросил:

– А почему Гарцвог называет тебя Улутхрек?

– Это титул, который ургалы давным-давно пожаловали мне, когда я еще странствовала с ними вместе.

– И что он означает?

– Пожирательница Луны. Он ведь так и сказал.

– Пожирательница Луны? Какое странное прозвище! Как это оно к тебе привязалось?

– Ну, конечно же, потому, что я съела луну! Почему же еще?

Эрагон нахмурился и некоторое время молчал, глядя кошку. Потом спросил:

– А почему Гарцвог дал тебе тот камень?

– Потому что я рассказала ему историю. По-моему, это совершенно очевидно.

– Но что это за камень? Он особенный?

– Просто камень. Кусок скалы. Ты разве не заметил? – Анжела неодобрительно поцокала языком. – Нет, тебе действительно нужно быть более внимательным к тому, что происходит вокруг. Иначе кто-нибудь возьмет и пырнет тебя ножом, пока ты будешь рот разевать. С кем же мне тогда обмениваться всякими замечаниями и загадками? – Она взлохматила свои и без того взъерошенные волосы и сказала: – Ну, давай, задавай следующий вопрос. Мне эта игра даже нравится.

Эрагон удивленно подняв бровь: он был почти уверен, что задавать такой вопрос бессмысленно, но все же спросил:

– А почему ты тогда сказала «кис-кис», и Гримрр так разозлился?

Травница даже покачнулась от смеха, и некоторые коты-оборотни приоткрыли пасти в некоем подобии зубастой улыбки. А вот Охотница-За-Теньями была, похоже, весьма недовольна и тут же вонзила когти Эрагону в ляжки, да так, что он вскрикнул.

– Ну, хорошо, – отсмеявшись, сказала Анжела, – если тебе уж так интересно, так эта история ничуть не хуже других. Посмотрим... Несколько лет назад, когда я странствовала по краю леса Дю Вельденварден, немного западнее тех мест, где до любой деревни, селения или города много-много миль пути, я случайно наткнулась на Гримрра. В те времена он был всего лишь вожаком небольшого племени котов-оборотней и обе его лапы были целы. А наткнулась я на него в тот момент, когда он забавлялся с неоперившимся еще птенцом малиновки, который, видимо, выпал из гнезда. Я бы ничего не сказала, если б он просто убил птичку и съел ее – собственно, именно это и следует делать котам, – но он мучил бедняжку: дергал за крылья, кусал за хвост, позволял птенчику немного отпрыгнуть в сторону, а потом прихлопывал лапой. – Анжела от отвращения даже нос наморщила. – Вот я и сказала ему, что это надо прекратить, но он только зарычал и не пожелал обратить внимание на мои слова. – Анжела строго посмотрела на Эрагона. – *А я не люблю*, когда меня игнорируют. В общем, я отняла у него птичку, щелкнула пальцами, и в течение всей следующей недели, стоило ему открыть рот, и он начинал чирикать, как певчая птичка.

– *Чирикать?*

Анжела кивнула, прямо-таки сияя от удовольствия.

– Я никогда в жизни так не смеялась! Ни один из его собратьев всю неделю даже близко к нему не подходил!

– Ничего удивительного, что он тебя ненавидит.

– Ну и что с того? Если у тебя время от времени не появляется несколько врагов, значит, ты трус или еще что похуже. И потом, оно того стоило – приятно было увидеть его реакцию. Ух, и разозлился же он!

Охотница-За-Тенями издала негромкое предупреждающее рычание и снова впилась когтями Эрагону в ногу. Он поморщился и сказал:

– Может, лучше сменим тему?

– Хм...

Но прежде чем он успел задать Анжеле новый вопрос, откуда-то из центральной части лагеря донесся пронзительный вопль. Он тройным эхом прокатился по рядам палаток и затих вдали.

Эрагон посмотрел на Анжелу, а она на него, и оба дружно расхохотались.

Слухи и дневник

«Уже поздно», – сказала Сапфира, когда Эрагон добрел наконец до своей палатки. Дракониша лежала возле нее, и чешуя ее поблескивала в свете горящих факелов, точно гора лазурных углей.

Сапфира посмотрела на него одним глазом, чуть приподняв тяжелое веко, а он присел возле нее на корточки и ненадолго прижался лбом к ее морде, поглаживая колючую челюсть.

«Да, уже поздно, – согласился он, – и тебе нужно отдохнуть, ведь ты целый день на ветру летала. Спи, увидимся утром».

Она лишь прикрыла глаза в знак согласия.

Войдя в палатку, Эрагон для уюта зажег единственную свечу, стащил с себя сапоги и сел на лежанку, скрестив ноги. Замедлив дыхание, он раскрыл душу и мысли, стараясь установить мысленную связь со всеми живыми существами в ближайшем окружении – от червей и насекомых в земле до Сапфиры и варденов. Эрагон старался мысленно «охватить» даже те немногочисленные растения, что еще остались возле лагеря, хотя их энергия и была слаба и почти незаметна по сравнению с ярким энергетическим фоном даже самых мелких животных.

Он сидел так довольно долго, ни о чем не думая, но ощущая тысячи самых различных чужих чувств, острых и слабых, но ни на чем конкретно внимание не сосредотачивал и слушал лишь собственное ровное дыхание.

Где-то вдали слышался разговор людей, стоявших вокруг сторожевого костра. В ночной тиши их голоса звучали громче, чем им хотелось, и поэтому Эрагон своим острым слухом различал даже отдельные слова. Он мог бы попросту прочесть их мысли, если бы захотел, но решил уважить их внутреннюю свободу и просто немного послушать.

Какой-то человек басом говорил:

– А как они дерут нос, как смотрят на тебя, точно ты ниже травы! По большей-то части они и ответом тебя не удостоят, если к ним просто по-дружески с каким-нибудь вопросом обратиться. Сделают вид, что тебя не слышат, отвернутся да прочь пойдут!

– Да уж, – сказал другой человек. – А уж женщины у них! Красивые, правда, как статуи, но, на мой взгляд, любой каменный истукан в два раза привлекательней.

– А все потому, что и сам ты изрядный уродина, Сверн! Только поэтому!

– Ну, так я ж не виноват, что мой папаша чуть ли не каждой молочнице под юбку лазил. И потом, не тебе в меня пальцем-то тыкать. Твою рожу даже детям показывать нельзя, не то им ночью кошмары сниться будут.

Басовитый парень что-то проворчал; потом кто-то закашлялся и сплюнул – Эрагону было слышно, как зашипел плевок, угодив на горящее полено.

В разговор вступил третий участник.

– Мне эльфы тоже не нравятся, да только без них нам эту войну не выиграть.

– А если они потом против нас пойдут? – спросил басовитый.

– Ой, а послушайте-ка что в Кевноне и Гилиде было! – снова заговорил Сверн. – При всем своем могуществе Гальбаторикс все-таки не сумел остановить их, когда они через стены лезли.

– Так, может, он и не пытался? – предположил третий участник беседы.

Последовало долгое молчание.

Затем басовитый сказал:

– А в связи с этим у меня вот какая неприятная мысль возникает... Пытался Гальбаторикс эльфов остановить или не пытался, а я все-таки не понимаю, как мы-то сможем их удержать, если они вдруг вздумают потребовать назад свои прежние земли? Они ведь куда быстрее и сильнее людей, и потом, они все поголовно магией пользоваться умеют.

– Зато у нас Эрагон есть! – возразил Сверн. – Он их запросто назад, в их леса, отгонит даже и в одиночку! Если захочет, конечно.

– Эрагон их отгонит? Ха! Да он и сам куда больше на эльфа смахивает! Так что я бы на его верность людям не особенно рассчитывал. Не больше, чем на верность ургалов, пожалуй.

Снова заговорил третий человек:

– А вы заметили, что он всегда свежевыбрит, в какую бы рань мы ни встали?

– Он, наверное, магией вместо бритвы пользуется.

– Это уж точно. Уж больно это неестественно и вообще... В последнее время много-много всяких чар да заклинаний вокруг развелось! Иной раз хочется спрятаться в какой-нибудь пещере да подождать, пока все эти маги друг друга не поубивают. Без нашего участия.

– Я что-то не помню, чтоб ты на наших целителей жаловался, когда они воспользовались заклинанием, а не парой щипцов, вытаскивая стрелу из твоего плеча!

– Не жаловался, да только эта стрела никогда бы в мое плечо не угодила, если бы не Гальбаторикс! Он во всем виноват, из-за него и его магии вся каша-то и заварилась.

Кто-то из них фыркнул и сказал:

– Тут ты прав, да только я последний медный грош готов поставить, что ты все равно бы эту стрелу в плечо заполучил. Уж больно ты злобен, только и думаешь, с кем бы подраться.

– А знаете, Эрагон ведь жизнь мне спас в Финстере, – сказал Сверн.

– Да, знаем мы, знаем! Так что не вздумай в очередной раз нам голову этой историей морочить, иначе я тебя целую неделю горшки драить заставлю.

– Ну, так ведь спас же...

Снова последовало длительное молчание, которое прервал басовитый. Вздыхнув, он сказал:

– Надо бы и нам научиться себя защищать. Вот корень-то в чем. А то мы все полагаемся на милость эльфов, магов и всяких странных существ, которые по нашей земле бродят. Для таких, как Эрагон, это, может, и неплохо, но нам-то, простым людям, повезло меньше, чем ему. Вот надо и нам...

– Нам надо одно! – прервал его Сверн. – Нам надо, чтобы снова Всадники появились! Уж они-то наведут здесь порядок.

– Пфф! Ага, Всадники и драконы. Без драконов ведь Всадников не бывает. Только мы и тогда себя защитить не сможем – вот ведь что меня беспокоит. Я ведь не ребенок, не могу все время у матери за юбкой прятаться. Ведь если вдруг снова какой-нибудь шейд объявится, не к ночи будь сказано, так мы ему ничем противостоять не сможем, вот он нам головы-то и поотрывает. А что, запросто!

– А я, кстати, вот что вспомнил, – сказал третий собеседник. – Вы о лорде Барсте слышали?

– Еще бы! – воскликнул Сверн, а потом сказал: – Говорят, он собственное сердце съел.

– Ну и что с того? – насмешливо спросил басовитый.

– Так ведь Барст...

– Что – Барст?

– Ну, Барст, тот самый, у которого поместье неподалеку от Гилида было...

– А разве не тот, что погнал своих коней прямо в Рамп – просто назло...

– Да, и это тоже. Он и есть. Так или иначе, а этот Барст велел всем мужчинам в своей деревне идти воевать за Гальбаторикса – ну, в общем, как и все эти лорды, – да только те мужчины взяли и отказались. А потом решили сами напасть на Барста и его солдат.

– Храбрецы! – презрительно сказал басовитый. – Глупые люди, хоть и храбрые.

– Но Барст был очень хитер. Оказывается, он заранее вокруг той деревни своих лучников расставил, а уж потом сам туда пошел. И когда эта заварушка началась, лучники половину мужчин в той деревне перестреляли, а остальных тяжело ранили. Ничего удивительного,

конечно. А потом Барст взял их жоака – ну, того, кто всю эту кашу и заварил, – схватил его за шею и прямо руками голову ему напрочь открутил!

– Не может быть!

– Ей-богу, открутил! Точно куренку! А потом и еще хуже: велел всю семью этого человека заживо сжечь.

– У этого Барста, должно быть, силища, как у кулла. Это ж надо – живому человеку голову оторвать!

– Небось тут тоже без какой-то хитрости не обошлось.

– А может, магии? – спросил басовитый.

– Говорят, этот Барст всегда был очень силен. Силен и хитер. Еще совсем молодым он, по слухам, одним ударом кулака разъяренного быка прикончил.

– А по мне, так тут без магии все же не обошлось! – сказал басовитый.

– И что тебе в каждом углу маги да волшебники мерещатся?

Басовитый в ответ проворчал нечто невразумительное, и разговор прервался: часовым поря было совершать обход.

В любое другое время этот разговор вполне мог бы встревожить Эрагона, но в данный момент он пребывал в состоянии медитации, а потому оставался спокоен и внешне, и внутренне. Но все же предпринял некое усилие, чтобы запомнить, о чем сплетничали эти вардены, чтобы впоследствии хорошенько над этим поразмыслить.

Прервав медитацию, он привел свои мысли в порядок и сразу почувствовал себя спокойным и отдохнувшим. Открыв глаза, он медленно распрямил затекшие ноги и сделал небольшую разминку, почти с наслаждением глядя на мирное желтоватое пламя свечи.

Затем, порывшись в том углу, куда несколько раньше бросил снятые с Сапфиры седельные сумки, он достал перо, кисточку, бутылку с чернилами и кусочки пергамента, выпрошенные им у Джоада несколько дней назад, а также копию книги «Власть Судьбы» – «Домиа абр Вирда», которую подарил ему старый ученый.

Вновь усевшись на лежанке, Эрагон положил тяжеленную книгу подальше, чтобы ни в коем случае не забрызгать ее чернилами, и пристроил на колени свой щит, разложив на его поверхности листки пергамента. Острый запах дубильного вещества наполнил его ноздри, когда он открыл бутылку и обмакнул перо в чернила, сделанные из дубовых «орешков».

Коснувшись кончиком заточенного пера краешка пузырька, чтобы снять избыток чернил, он осторожно провел первую линию. Перо слабо поскрипывало, а он одну за другой старательно выписывал руны своего родного языка. Закончив, он сравнил свои труды с результатами прошлой ночи и заметил, что почерк его существенно улучшился – ну, может, и не существенно, но все же заметно – с тех пор, как он взялся переписывать тексты из «Домиа абр Вирда», используя книгу в качестве учебника.

Он еще три раза дополнительно прошелся по всему алфавиту, обращая особое внимание на те руны, которые прежде ему не давались, и перешел к записям в своем дневнике. Эрагон взял в привычку каждый день записывать собственные мысли и наблюдения, связанные с только что минувшими событиями. Это упражнение было полезно не только тем, что давало ему хорошую возможность попрактиковаться в письме, но и помогало лучше разобраться в собственных делах и поступках.

Хоть это занятие и требовало немалых усилий, он им наслаждался, находя его весьма интересным. И потом, дневник каждый раз напоминал ему о Броне – ведь это он учил его понимать смысл каждой руны, каждого слова. Разговаривая со своим дневником, Эрагон словно говорил со своим покойным отцом, образ которого иначе постоянно от него ускользал.

Высказав в дневнике все, что хотел, он тщательно вымыл перо, сменил его на кисточку и выбрал кусочек пергамента, уже наполовину исписанный иероглифами древнего языка.

Письменность эльфов, Лидуэн Кваэдхи, воспроизвести было гораздо труднее, чем руны его родного языка, поскольку эльфийские иероглифы отличались особой прихотливостью и сложностью формы, но при этом казались Эрагону какими-то расплывчатыми. Однако он упорно тренировался, старательно их выписывая. Во-первых, он хотел как следует освоить эту древнюю письменность, а во-вторых, если уж он соберется впредь делать записи на древнем языке, то разумнее делать это так, чтобы большая часть людей или даже магов не смогла эти записи понять.

Память у Эрагона была хорошей, но даже при этом он обнаружил, что уже начинает забывать многие из заклинаний, которым научили его Бром и Оромис. А потому он решил составить себе словарь из тех слов древнего языка, которые уже знал. Эта идея была, разумеется, далеко не нова, однако Эрагон лишь недавно сумел убедиться, сколь ценным может оказаться такой словарь.

Еще пару часов он работал над словарем, а потом, убрав наконец письменные принадлежности в седельную сумку, он вытащил оттуда ларец с сердцем сердец Глаэдра и в очередной раз попытался вывести старого дракона из сковавшего его ступора. Он много раз и прежде предпринимал подобные попытки, но всегда неудачно. Однако сдаваться не собирался. Сидя рядом с открытым ларцом, он вслух стал читать Глаэдру главу из «Домиа абр Вирда», посвященную тем законам и ритуалам, которые существуют у гномов – сам он был знаком лишь с некоторыми из них, – и читал до тех пор, пока не наступил самый темный, самый холодный час ночи.

И только тогда Эрагон отложил книгу, задул свечу и прилег на кровать, чтобы немного отдохнуть. Но недолго бродил он по фантастическому миру своих снов – едва на востоке забрезжили первые лучи солнца, он проснулся, перекатился на бок, встал навстречу привычным делам и заботам.

Ароуз

Было уже позднее утро, когда Роран и его товарищи добрались до скопления палаток. Лагерь, устроенный неподалеку от дороги, показался ему серым, окутанным какой-то неясной дымкой. Он, впрочем, допускал, что от усталости зрение могло его и подвести. В миле отсюда, на юге, раскинулся город Ароуз, но видны были лишь его белоснежные стены, разверстые пасти крепостных ворот и множество прочных, толстостенных башен квадратного сечения.

Роран так устал, что сидел, пригнувшись к луке седла, когда они въезжали в лагерь, а кони их и вовсе едва держались на ногах. Какой-то тощий юнец, подбежав к Рорану, принял у него уздечку. Ему пришлось немного потянуть за узду, чтобы лошадь наконец остановилась, она даже слегка споткнулась.

Роран некоторое время тупо смотрел на парнишку, словно не понимая, зачем, собственно, сюда явился, потом хрипло прокаркал:

– Приведи ко мне Бригмана.

Мальчишка кивнул и тут же исчез среди палаток, поднимая босыми ногами тучи пыли.

Рорану показалось, ждал он никак не меньше часа, слушая тяжелое дыхание усталой лошади и глухой гул крови в собственных ушах. На землю он старался не смотреть: ему казалось, что земля все еще движется, а перед ним открывается огромный и невероятно длинный туннель. Где-то вдали зазвенели шпоры. С десятков воинов собрались неподалеку, опираясь на копья и щиты; их лица выражали откровенное любопытство.

Роран заметил, как через весь лагерь к нему, прихрамывая, быстро идет широкоплечий человек в синей тунике, опираясь на обломок копья, как на посох. У него была густая длинная борода, усы над верхней губой были тщательно сбриты, а под носом поблескивали капельки пота – то ли от жары, то ли от боли в ноге.

– Это тебя зовут Молотобоец? – спросил бородач.

Роран буркнул в ответ нечто утвердительное. С трудом разжав пальцы, он сунул руку за пазуху и передал Бригману потрепанный кусок пергамента с приказами Насуады.

Бригман, нажав ногтем большого пальца, сломил восковую печать и углубился в чтение. Прочитав послание, он посмотрел на Рорана с деланным равнодушием и заявил:

– Мы давно тебя поджидаем! Один из заклинателей, которых Насуаде удалось приручить, связался со мной и сообщил, что ты выехал четыре дня назад. Только я не думал, что ты будешь так скоро.

– Да, это было непросто, – кивнул Роран.

Бритая верхняя губа Бригмана изогнулась в улыбке.

– Да уж, непросто... Тут я не сомневаюсь. – Он вернул Рорану пергамент. – Ладно, люди готовы последовать за тобой, Молотобоец. Вообще-то мы как раз собирались западные ворота штурмовать. Может, ты сам эту атаку и возглавишь? – Вопрос прозвучал, точно удар острого кинжала.

Мир, казалось, покачнулся, и Роран, чтобы не упасть, снова ухватился за луку седла. Он сейчас слишком устал, чтобы вступать с кем бы то ни было в словесный поединок, да и вряд ли мог бы с достоинством такой поединок выдержать.

– Прикажи отложить штурм еще на день, – сказал он.

– Ты что, совсем мозги утратил? Как это – отложить? Так мы никогда этот город не захватим! У нас все утро ушло на подготовку, и я не намерен сидеть тут и ковырять в носу, пока ты будешь отдыхать да отсыпаться. Насуада рассчитывала, что с осадой будет покончено за несколько дней, и, клянусь Ангвардом, я это сделаю!

Тогда Роран, стараясь говорить как можно тише, чтобы никто, кроме Бригмана, его не услышал, хриплым шепотом сказал, глядя Бригману прямо в глаза:

– Ты прикажешь своим людям подождать, иначе я велю связать тебя по рукам и ногам и высечь за невыполнение приказа. Ясно тебе? Я не намерен идти на штурм, пока немного не отдохну и не разберусь в ситуации.

– Ну и дурак же ты! Это же...

– Если ты сам не в состоянии придержать свой язык и поступать, как тебе *предписано*, то я могу прямо сейчас тебя этому поучить!

Ноздри Бригмана гневно затрепетали.

– В таком-то состоянии? Да тебе это попросту не удастся!

– Ошибаешься. – Рорану и впрямь хотелось проучить этого типа, хотя он и не очень-то представлял, как ему удастся с ним справиться, но в глубине души знал, что сумеет это сделать.

Бригман, казалось, боролся с собой.

– Ладно, – бросил он. – Нехорошо выйдет, если люди увидят, как мы тут в грязи возимся. Я согласен подождать немного, раз ты так уж этого хочешь, но учти: я за эту задержку отвечать не намерен! Теперь уж за все в ответе будешь ты сам.

– Как и всегда, – прохрипел Роран – горло у него жутко саднило. – Как и ты будешь в ответе за то безобразие, которое ты тут устроил вместо нормальной осады.

Бригман помрачнел, и Роран понял, что неприязнь Бригмана к нему только усилилась и, пожалуй, превращается в ненависть. Он даже пожалел, что ответил ему так резко.

– Твоя палатка вон там, – сказал ему Бригман и ушел.

... Было еще раннее утро, когда Роран проснулся.

Сквозь стенки палатки просачивался неяркий свет, и настроение у него разом поднялось. На мгновение ему показалось, что заснул он всего несколько минут назад, но понял, что чувствует себя слишком бодрым и полным сил, чтобы отдых был столь коротким.

Роран тихо выругался, злясь, что позволил себе проспать целый день: столько времени коту под хвост!

Отшвырнув в сторону тонкое одеяло – собственно, в теплом южном климате другого одеяла и не требовалось, особенно если учесть, что спать он повалился, так и не сняв ни одежды, ни даже сапог, – Роран попытался сесть, и тут же у него вырвался сдавленный стон. Казалось, все его тело выкручивали и рвали на куски. Он снова упал на постель, задыхаясь и с отчаянием глядя в матерчатый потолок палатки. Постепенно резкая боль затихла, как бы рассыпавшись на множество более мелких болей – и некоторые были достаточно острыми, чтобы Роран опасался совершать столь резкие телодвижения.

Несколько минут он собирался с силами, потом аккуратно перекатился на бок и сбросил ноги с лежанки. Рорану пришлось перевести дыхание и только потом предпринять следующую вроде бы несложную попытку: встать и устоять на ногах.

Наконец ему это удалось. Роран кисло усмехнулся, предвкушая, какой «незабываемый» денек ему предстоит. Когда он вышел из палатки, остальные были уже на ногах и ждали его, хотя и выглядели не менее измученными и потрепанными. Движения у всех были такими же скованными, как и у него. Они обменялись приветствиями, и Роран спросил, указывая на перевязанное предплечье Дельвина, которого полоснул ножом хозяин одной таверны:

– Ну что, боль утихла?

Дельвин только плечами пожал:

– Ерунда! Я вполне готов сражаться, когда будет нужно.

– Это хорошо.

Роран посмотрел на встающее солнце, подсчитывая, сколько часов осталось до полудня, потом сказал:

– Давайте пройдемся.

Начав с центра лагеря, Роран провел своих товарищей по каждому ряду палаток, осматривая, в каком состоянии пребывает войско и какое вооружение имеется в наличии. Время от

времени он останавливался, задавал кому-то один-два вопроса и шел дальше. Люди по большей части выглядели уставшими и отчаявшимися, хотя Роран заметил, что у многих явно поднялось настроение при виде нового командира.

Прогулка по лагерю завершилась на его южном краю, как и планировал Роран. Там он с товарищами остановился, глядя издали на впечатляющие крепостные стены и башни Ароуза.

Город был выстроен как бы в два этажа. Первый «этаж» был низкий и раскинулся довольно широко; как раз здесь сосредоточена была большая часть жилых строений. Второй «этаж» был куда меньше и занимал верхнюю часть высокого, но довольно пологого холма, являвшего собой самую большую высоту на много миль окрест. Оба городских уровня были окружены стеной. Во внешней стене виднелись пять ворот: двое из них выходили на дороги, ведущие в город, – одна на северную, вторая на восточную; трое других ворот были помещены над каналами, вода в которых текла с юга на север, к бурному морю, простиравшемуся сразу за северной границей Ароуза.

«По крайней мере, здесь хоть рва с водой нет», – думал Роран.

Ворота, выходившие на северную дорогу, были изувечены ударами стенобитных орудий, а земля перед ними вся изрыта. Роран сразу понял, что там шла жестокая битва. Три катапульты, четыре баллисты, устройство которых было ему знакомо еще со времен плавания на «Крыле дракона», и две полуразвалившиеся осадные башни так и торчали у внешней стены города. Возле них виднелась кучка людей. Они спокойно курили трубки и играли в кости, расстелив на земле куски кожи. Осадные устройства даже издали выглядели чрезвычайно убогими по сравнению с мощными стенами города.

Почти ровное пространство вокруг Ароуза имело незначительный уклон в сторону моря. Сотни крестьянских хозяйств пятнали эту зеленую равнину. Каждое было окружено высоким деревянным забором, за которым виднелась по меньшей мере одна тростниковая крыша. Кое-где, правда, были и роскошные поместья: просторные каменные дома, защищенные каменной стеной и, как догадывался Роран, отрядом собственной стражи. Здесь, несомненно, обитала знать Ароуза или, возможно, очень богатые торговцы.

– Ну, и что ты думаешь? – спросил Роран у Карна.

Заклинатель только головой покачал; его печальные глаза стали еще печальнее.

– Мы с тем же успехом могли бы объявить осаду горе – толку было бы примерно столько же, – уныло пошутил он.

– Это точно, – раздался где-то рядом голос Бригмана.

Роран оставил свое мнение при себе. Ему не хотелось, чтобы другие знали, до какой степени он обескуражен: «Насуада просто спятила, если считает, что мы можем захватить Ароуз, имея всего восемьсот человек. Если бы у меня было восемь тысяч воинов, да еще и Эрагон с Сапфирой в придачу, тогда я еще мог бы испытывать какую-то уверенность. А сейчас...»

И все же он понимал, что должен непременно изыскать какой-то способ – хотя бы ради Катрины.

Не глядя на Бригмана, Роран сказал ему:

– Расскажи мне об Ароузе. Подробно.

Бригман покрутил в руках свой обломок копья, покрепче воткнул его в землю, оперся на него и только тогда заговорил:

– Гальбаторикс предусмотрительно позаботился о том, чтобы в городе имелся максимальный запас продовольствия на тот случай, если мы сумеем перекрыть дороги. Ну, а в воде, как ты и сам видишь, жители Ароуза недостатка не испытывают. Даже если мы сумеем отвести в сторону воду в этих каналах, у них там все равно есть несколько родников и глубоких колодцев. Так что они запросто могут продержаться хоть до зимы, а то и дольше. Хотя я думаю, что им к этому времени порядком поднадоест питаться турнепсом. Кроме того, Гальбаторикс

поместил в Ароузе приличный гарнизон, который более чем в два раза превосходит нас численностью. И это еще не считая тех войск, что стоят там постоянно.

– Откуда тебе это известно?

– Есть у меня один шпион. Но, к сожалению, не имеющий опыта в военных делах, а потому и обеспечивший нас преувеличенными сведениями о слабой обороне Ароуза.

– Вон оно что...

– Он пообещал, что сумеет открыть ворота и под покровом темноты пропустить в город наш небольшой отряд.

– И что?

– Мы ждали, но он так и не появился, а утром на стене появилась его голова, надетая на пику. Она и сейчас там торчит, у восточных ворот.

– Ну что ж. А нет ли в городе еще каких-то ворот помимо этих пяти?

– Есть. Рядом с портом есть водные ворота, достаточно широкие, чтобы одновременно пропускать воду всех трех каналов, а неподалеку от них еще ворота, но уже на земле – для людей и лошадей. Есть и еще одни и тоже на земле – вон там, – и он указал на западную часть города. – Такие же, как и все остальные.

– А пробить тараном хоть одни из них можно?

– Можно, но потребуется много времени. А на морском берегу слишком мало места, чтобы как следует маневрировать и иметь возможность отступить, когда нас со стены осыпают камнями и стрелами. В общем, доступными остаются только эти ворота и еще западные. Местность всюду вокруг города примерно одинаковая, за исключением прибрежной части, поэтому я и решил сконцентрировать усилия на ближайших воротах.

– Из чего они сделаны?

– Чугун и дуб. Они еще сто лет простоят, если мы их прежде не свалим.

– А какой-нибудь магией они защищены?

– Этого я не знаю, да и Насuada вроде бы не сочла нужным послать с нами одного из своих заклинателей. У Холстеда был...

– Кто такой Холстед?

– Лорд Холстед, правитель Ароуза. Ты, должно быть, слышал о нем.

– Нет, не слышал.

Возникла короткая пауза, и Роран почувствовал, что презрение, которое испытывал к нему Бригман, еще возросло. Затем Бригман сказал:

– У Холстеда был собственный заклинатель, такой противный, невзрачный человек, которого мы не раз видели на стене. Он вечно что-то бормотал себе в бороду, пытаясь сразить нас с помощью своих заклинаний, но, похоже, был не больно-то в этом силен, потому что ничего ему толком не удавалось. Если не считать одного раза, когда он сумел-таки поджечь двоих наших, которые в этот момент находились возле стенобитного орудия.

Роран быстро переглянулся с Карном – тот, похоже, был всем этим сильно встревожен, – но решил обсудить все это с ним позже, наедине.

– А разве не легче было бы пробиться сквозь те ворота, что выходят на каналы? – спросил Роран.

– А где ты там стоять-то будешь? Смотри, как плотно ворота подогнаны к стене, а со стороны моря и ногу-то поставить некуда. Но что еще хуже – там полно всяких ловушек, и в стенах есть отверстия, через которые они могут тебя и кипящим маслом или свинцом облить, а также бойницы, чтобы и камни метать, и горящие бревна сбрасывать, если какой дурак туда полезть осмелится.

– Но ворота не могут быть одинаково прочными сверху донизу, это мешало бы стоку воды.

– Верно, там над самой водой решетка из дерева и металла, причем довольно редкая, чтобы вода свободно изливалась.

– Ясно. А что, эти ворота постоянно в воду опущены? Даже когда никакой осады нет?

– Ночью-то уж точно, но я думаю, что в дневное время они открыты.

– Хм... А стены каковы?

Бригман переступил с ноги на ногу:

– Гранит. Гладкий такой, точно полированный. И глыбы так плотно друг к другу подогнаны, что и лезвие ножа между ними не пройдет. Гномы строили еще до падения Всадников. Но, по-моему, внутри эти стены заполнены прессованным мусором или щебнем, но точно я не уверен, потому что верхний слой нам пока что пробить не удалось. Эти стены по крайней мере футов на двадцать в землю уходят, а может, и больше, а значит, ни подкоп, ни подрыв сделать не удастся.

Сделав несколько шагов вперед, Бригман указал Рорану на поместья, видневшиеся к северу и западу от лагеря.

– Большая часть этих богатых землевладельцев сейчас в Ароуз перебрались, но оставили достаточно людей, чтобы те защищали их собственность. И эти отряды доставили нам немало неприятностей: нападали на наших разведчиков, лошадей у нас воровали и все такое. Мы парочку поместий, правда, захватили, – и Бригман указал на сожженные дотла остовы зданий, – но удерживать их было уж больно хлопотно, так что мы их обчистили и подожгли. К сожалению, людей у нас маловато, а то мы бы и остальные к рукам прибрали.

В разговор вмешался Балдор:

– А почему вода в этих каналах течет в море? Что-то не похоже, чтобы их использовали для орошения полей.

– Да тут нечего орошать-то, парень! Тут вода требуется не больше, чем северянам снег зимой. В Ароузе главное – сухим остаться.

– Так зачем же построены эти каналы? – спросил Роран. – И откуда они текут? Вряд ли я поверю, что вода в них попадает из реки Джиег, до нее отсюда далеко.

– Ну, вряд ли, конечно, из реки, – сказал Бригман. – А вот к северу есть болота, и там много мелких озер. Вода в них, правда, темная, не слишком хорошая, но здешние люди привыкли. Там все начинается с одного широкого канала примерно за три мили отсюда, а затем этот канал разветвляется, превращаясь в те три, которые вы и видите перед собой. Затем вода в каналах проходит через несколько шлюзов, на них построены мельницы, обеспечивающие город мукой. Крестьяне свозят туда зерно после уборки урожая, а потом грузят мешки с мукой на баржи и по воде переправляют в Ароуз. Точно так же перевозят и другие товары – леса, вино. Это очень удобно.

Роран, продолжая рассматривать Ароуз, задумчиво почесал затылок. Рассказ Бригмана о каналах и шлюзах весьма заинтересовал его, хотя плана того, как этим можно было бы воспользоваться, у него не возникло.

– А в окрестностях города есть еще что-нибудь достойное внимания? – спросил он.

– Только шахта по добыче слюды – к югу по побережью.

Роран что-то проворчал, как бы разговаривая с самим собой, и заявил:

– Надо внимательно осмотреть эти мельницы. Но сперва я хотел бы услышать полный отчет о том, что вы за это время сделали и насколько мы сейчас всем обеспечены – от стрел и луков до сухарей.

– Ну что ж, тогда идем со мной... Молотобоец.

Следующий час Роран провел в разговорах с Бригманом и двумя его заместителями. Он слушал их и задавал различные вопросы, а они рассказывали ему обо всех вылазках, которые

были ими предприняты в попытке преодолеть городские стены. Доложили они ему и о том, каковы в лагере запасы продовольствия и боеприпасов.

«Ну, по крайней мере, оружия у нас хватает, – думал Роран, подсчитывая количество убитых. – Хотя Насуада и не требовала уложиться с выполнением этой задачи в какие-то конкретные сроки, нужно действовать, иначе через неделю люди и лошади начнут голодать».

Большая часть сведений, которые сообщили Рорану Бригман и его помощники, уже была записана на кусках пергамента, свернутых в свитки. Рорану с огромным трудом удавалось скрывать, что он не в состоянии расшифровать ряды этих непонятных для него черных значков, а потому заставляет читать все это вслух, что, впрочем, тоже изрядно его нервировало: он терпеть не мог от кого-то зависеть.

«Насуада была права, – думал он. – Мне необходимо научиться читать, иначе я не смогу быть уверенным, не обманывает ли кто меня, зачитывая эти сведения вслух. Может, Карн меня обучит, когда мы вернемся к варденам?»

Чем больше Роран узнавал об Ароузе, тем яснее ему становилось, в каком отчаянном положении находился Бригман. Захват города был невероятно сложной задачей, решить которую, по всей очевидности, пока не представлялось возможным. Несмотря на то что Бригман по-прежнему не вызывал у него особой симпатии, Роран все же считал, что этот человек справился со своей задачей не так уж и плохо. Во всяком случае при подобных обстоятельствах. И взять город ему не удалось отнюдь не потому, что он был неумелым командиром – Роран как раз совершенно не сомневался, что опыта у Бригмана хватает, – а просто потому, что ему не хватало тех двух качеств, которые не раз дарили победу самому Рорану: отваги в сочетании с умением рисковать и воображения.

После этого предварительного разбора Роран, его пятеро товарищей и Бригман отправились верхом осматривать стены Ароуза и ворота с более близкого, но все же достаточно безопасного расстояния. Вновь оказавшись в седле, Роран испытывал жуткую боль, но сносил ее без жалоб.

Когда их кони выехали, цокая копытами, на выложенную каменными плитами дорогу, проходившую неподалеку от лагеря, и рысцой двинулись в сторону города, Роран заметил, что время от времени копыта лошадей издают какой-то странный звук, и припомнил, что слышал нечто подобное и в течение последнего дня их путешествия, и этот звук весьма его раздражал.

Присмотревшись, он увидел, что плоские каменные плиты, которыми была вымощена дорога, как бы инкрустированы черным серебром; жилы этого серебра образовывали на поверхности дороги неправильный рисунок, похожий на паутину.

Роран спросил у Бригмана, что это такое, и тот проорал:

– Глина здесь плохо держит, вот они вместо соединительного раствора и пользуются свинцом, чтобы камни на месте держались!

Сперва Роран просто поверить в это не мог, но Бригман, похоже, говорил совершенно серьезно. Рорану казалось удивительным, что металл – любой металл, а тем более свинец, – может быть настолько распространен в быту, что люди щедро расходуют его на строительство дорог. Однако это было именно так, и они продолжали ехать по дороге, сделанной из камня и свинца, а вдали сиял неприступный город.

Крепостные стены Ароуза они обследовали с чрезвычайным вниманием. Но то, что их подпустили к городу на столь близкое расстояние, лишь усилило ощущение того, что город этот действительно неприступен.

Роран, развернув коня, подъехал к Карну. Тот смотрел на Ароуз остекленевшими глазами, и губы его беззвучно шевелились, словно он разговаривал с самим собой. Роран подождал немного, а потом спросил:

– На эти ворота, случайно, никаких заклятий не наложено?

– Думаю, наложено и не одно, – тихо ответил Карн, – но я не могу сказать точно, сколько их и какова была конкретная цель того, кто их накладывал. Мне понадобится время, чтобы узнать ответы на эти вопросы.

– Почему? Неужели это так трудно?

– В общем-то, не очень. Большую часть магических чар довольно легко обнаружить, если только кто-то не потрудился особым образом их спрятать, но даже и тогда использованная магия оставляет определенные следы, если, конечно, знаешь, что ищешь. Меня больше беспокоит то, что некоторые из этих заклинаний могут оказаться ловушками, специально поставленными для того, чтобы люди и не пытались разгадать, какие именно чары наложены на ворота. Если это так, то я, подойдя вплотную к такой ловушке, почти наверняка задену «спусковой механизм» и... кто знает, что случится тогда? Я вполне могу, например, раствориться, превратившись в лужицу прямо у тебя на глазах. А мне, в общем-то, очень хотелось бы избежать подобной судьбы.

– Так ты хотел бы остаться здесь, пока мы продолжаем осмотр?

Карн покачал головой:

– Вряд ли было бы разумно оставить тебя совсем без прикрытия, пока мы не в лагере, а на виду у врага. Я вернусь сюда после захода солнца и посмотрю, что тут можно сделать. И потом, в темноте мне будет гораздо проще подобраться поближе к воротам. Сейчас, на виду у дозорных, я сделать это просто не осмеливаюсь.

– Ну, как хочешь.

Когда Роран оказался полностью удовлетворен осмотром, он велел Бригману вести их к ближайшим мельницам.

Все выглядело именно так, как и описывал Бригман. Вода в канале протекала через три последовательно построенные плотины, падая с двадцатифутовой высоты. У основания каждой плотины стояло мельничное колесо с приделанными к нему ведрами. Вода наполняла ведра, заставляя механизм безостановочно крутиться. Колеса были соединены толстыми осями, уходившими внутрь трех одинаковых зданий, построенных точно одно над другим на насыпных террасах. На эти оси были надеты массивные жернова, молотившие муку для Ароуза. Хотя колеса и продолжали вращаться, по звуку Роран догадался, что в данный момент они отсоединены от сложного механизма, спрятанного внутри мельничных зданий, ибо скрежета жерновов слышно не было.

У самой нижней мельницы он спешил и прошел по тропке между зданиями, осматривая шлюзовые ворота, находившиеся над плотинами и контролировавшие напор воды. Ворота были открыты, но под каждым из колес вода была достаточно глубока.

Поставив ногу на мягкий, поросший травой берег канала, скрестив руки на груди и опустив подбородок на грудь, Роран погрузился в размышления. Как же все-таки взять Ароуз? Он чувствовал, что вот-вот поймает за хвост идею, которая позволит ему взломать эти толстые крепостные стены, но пока что решение этой задачи от него ускользало.

Он думал до тех пор, пока не устал, и тогда полностью предался музыке вращающихся колес и падающей с плотины воды. Хотя эти звуки и были мирными, почти убаюкивающими, но воспоминания в его душе они пробуждали мучительные. Это место напоминало ему мельницу Демптона в Теринсфорде, куда он поступил на работу в тот самый день, когда раззак дотла сожгли его родной дом и стали мучить его отца, доведя его до смерти.

Роран пытался прогнать эти воспоминания, но они не уходили и продолжали терзать его душу.

«Если бы только я тогда подождал еще немного и не ушел, я, возможно, сумел бы его спасти. – Но голос его разума тут же возразил: – И тогда раззак прикончили бы заодно и меня; я бы и руку поднять не успел. Без Эрагона я тогда был против них столь же беспомощен, как новорожденный младенец».

Тихо ступая, к нему подошел Балдор.

– Остальные хотят знать: ты что-нибудь решил? Какой у тебя план действий? – спросил он.

– Кое-какие идеи у меня есть, а вот плана пока нет. А у тебя?

Балдор тоже скрестил руки на груди:

– Мы могли бы подождать, пока Насuada не пошлет нам на помощь Эрагона и Сапфиру.

– Ха!

Некоторое время оба смотрели на вечное движение воды у них под ногами. Затем Балдор сказал:

– А что, если ты просто попросишь их сдаться? Может, они так испугаются, услышав твое имя, что сами ворота настежь распахнут? Падут к твоим ногам и станут умолять о милосердии?

Роран усмехнулся.

– Что-то я сомневаюсь, чтобы в Ароузе обо мне хоть словечко кто-нибудь слышал. И все же... – Он поскреб заросший бородой подбородок. – Попробовать можно – по крайней мере попытаемся вывести их из равновесия, если уж ничего другого не получится.

– Но сумеем ли мы удержать город с таким малым количеством людей, даже если они и впрямь ворота перед нами откроют?

– Может, и сумеем. А может, и нет.

Оба снова помолчали, затем Балдор промолвил:

– А далеко мы забрались...

– О да.

И снова их молчание нарушал только плеск воды да шуршание колес. Наконец Балдор сказал:

– Здесь, должно быть, не бывает такого паводка во время таяния снегов, как у нас дома. Иначе весной эти колеса наполовину скрылись бы под водой, а то их и вовсе снесло бы.

Роран покачал головой:

– Здесь не важно, сколько воды после паводка или дождей поступит в каналы. Шлюзы сумеют сдержать напор воды и ограничить ее количество, поступающее на колеса, чтобы они не вращались слишком быстро.

– А если вода поднимется выше шлюзовых ворот?

– К счастью, к тому времени дневные работы на мельнице обычно бывают уже завершены. А вообще-то в любом случае можно отсоединить механизмы, поднять ворота и... – Роран умолк, поскольку целая вереница образов промелькнула у него перед глазами, и все его тело словно омыло теплой волной, словно он одним глотком выпил целую кружку крепкого медового напитка.

«А смог бы я? – мелькнула у него дикая мысль. – Неужели получилось бы или... Неважно, мы должны попытаться. А что нам еще остается?»

Он быстрыми шагами вышел на середину перемычки, отделявшей среднюю из запруд, и схватился за скобы шлюзовых ворот, торчавшие над деревянным устройством, призванным поднимать и опускать ворота. Огромный винт заржавел и не поддавался, даже когда Роран приналег на него плечом и уперся ногами.

– Помоги, – сказал он Балдору, который остался на берегу и с несколько озадаченным видом наблюдал за действиями Рорана.

Балдор осторожно приблизился к нему, и вместе им удалось закрыть шлюзовые ворота. Затем, отказываясь отвечать на расспросы, Роран потребовал, чтобы то же самое было сделано и с двумя остальными шлюзами, выше и ниже этих.

Когда все шлюзы были крепко заперты, Роран вернулся к Карну, Бригману и остальным, велел всем спешиться и собраться вокруг него. Ожидая их, он постукивал по рукояти своего молота, чувствуя вдруг невероятное нетерпение.

– Ну? – спросил Бригман, когда все наконец собрались.

Роран каждому посмотрел в глаза, чтобы убедиться, что они внимательно его слушают, и сказал:

– Значит, так: мы сейчас сделаем вот что... – И он стал быстро и напряженно излагать им свой план. На это ушло добрых полчаса, но, видимо, объяснял он достаточно хорошо, потому что вскоре Мандель начал улыбаться, а Балдор, Дельвин и Хамунд, хоть и оставались серьезными, тоже были явно взбудоражены столь дерзким и остроумным планом.

Их реакция еще больше вдохновила Рорана. Он немало потрудился, чтобы завоевать их доверие, и ему было приятно чувствовать, что и теперь он может полностью рассчитывать на их поддержку. Единственное, чего он боялся – невольно подвести их. Пожалуй, больше этого он боялся лишь потерять Катрину.

А вот Карн был, похоже, полон сомнений. Этого Роран вполне ожидал, однако сомнения заклинателя были ерундовым препятствием по сравнению с полным неверием, которое выказал Бригман.

– Ты что, спятил?! – воскликнул он, едва Роран закончил. – Из этого ничего не выйдет!

– А ну возьми свои слова обратно! – Мандель выскочил вперед со сжатыми кулаками. – С какой стати! Да наш Роран выиграл столько сражений, сколько тебе и не снилось! И между прочим, не имея под началом столько людей, сколько было у тебя, пока ты эту осаду не провалил!

Бригман что-то прорычал, и его верхняя губа изогнулась, как змея.

– Ах ты, щенок! Я научу тебя уважать старших! Ты моих уроков никогда не забудешь!

Роран толкнул Манделя себе за спину, прежде чем тот успел броситься на Бригмана, и проворчал:

– Все! Веди себя как полагается!

Мандель надулся, но сопротивление прекратил, хоть и продолжал смотреть на Бригмана испепеляющим взглядом, но тот в ответ только усмехался.

– План, конечно, необычный, – сказал Дельвин, – но, с другой стороны, твои необычные планы, Роран, всегда приносили успех.

Остальные жители Карвахолла одобрительно загудели.

Карн тоже кивнул в знак согласия, но все же заметил:

– Может, что и получится, а может, и нет. В любом случае это застигнет нашего противника врасплох, и, должен признаться, интересно было бы посмотреть, что тогда будет. Ничего подобного раньше никто не пробовал.

Роран слегка усмехнулся и сказал, обращаясь к Бригману:

– Как раз *сумасшествием* было бы продолжать действовать как раньше. У нас всего два с половиной дня, чтобы захватить Ароуз, так что обычные способы тут не годятся. Я считаю, нужно рискнуть и попробовать *необычный*.

– Может, и так, – буркнул Бригман. – Только твой *необычный* способ может немало хороших людей погубить. И всего лишь из-за того, что тебе захотелось всем показать, какой ты умный.

Улыбка Рорана стала еще шире. Он подошел к Бригману совсем близко:

– Тебе вовсе не обязательно со мной соглашаться, Бригман. Просто нужно делать то, что тебе приказывают. Ну что, будешь подчиняться моим приказам или нет?

Оба они были настолько разогреты обсуждением, что, кажется, даже воздух между ними нагрелся и стал дрожать. Бригман скрипнул зубами и еще более яростно, чем прежде, принялся крутить свой обломок копья, потом отвел глаза, чуть отступил от Рорана и воскликнул:

– Да черт с тобой! Послужу тебе, как верный пес, до поры до времени, Молотобоец. Но, боюсь, довольно скоро тебе придется за это расплатиться, так что будь осторожен. Придется головой отвечать за такое решение.

«Ну, если мы возьмем Ароуз, то мне будет все равно», – подумал Роран и крикнул:
– Тогда по коням! Дел у нас полно, а времени мало! Скорей, скорей!

Драс-Леона

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда Эрагон со спины Сапфиры наконец-то высмотрел внизу, у самого горизонта, мрачные очертания Хелгринда. И ему сразу же захотелось повернуть обратно – так ужасно выглядела эта далекая гора, возвышавшаяся над окрестными равнинами, точно гигантский черный зуб. С Хелгриндом у него были связаны столь неприятные воспоминания, что лучше всего было бы прямо сейчас его уничтожить, увидеть, как рухнет на землю и развалится на куски его голые серые шпильки. Сапфира более равнодушно взирала на эту темную каменную твердыню, но Эрагон не сомневался: ей тоже неприятно находиться вблизи от Хелгринда.

К вечеру Хелгринд остался у них за спиной, а перед ними на берегу озера Леона раскинулся огромный город Драс-Леона. Десятки кораблей и лодок покачивались у его причалов. Этот низкий широкий город был чрезвычайно плотно застроен и столь же негостеприимен. Эрагон хорошо помнил его узкие, неприятно извилистые улочки, вонючие лачуги, прилепившиеся друг к другу и к желтой глиняной стене, окаймлявшей центральную часть города. А за этой стеной виднелась устремившаяся ввысь громада храма, черного и какого-то *зазубренного*, где служители Хелгринда отправляли свои мрачные ритуалы.

На дороге, ведущей на север, виднелся поток беженцев – люди бежали, опасаясь осады, в Тирм или в Урубаен, надеясь найти там хотя бы временное убежище от продвигавшихся на север войск варденов.

Драс-Леона показалась Эрагону такой же исполненной затаенной злобы и такой же вонючей, как и в тот раз, когда он впервые попал сюда. Она странным образом вызывала в его душе прямо-таки жажду разрушения, чего он никогда не испытывал ни в Финстере, ни в Белатоне. Здесь ему хотелось все крушить огнем и мечом; уничтожать, пользуясь той ужасной, неестественной силой, к которой он мог прибегнуть в случае необходимости; разрушать, оправдывая каждый свой варварский поступок, и оставлять после себя лишь ямы, над которыми клубится дымок, да пропитавшуюся кровью золу. Для тех бедняков, калек и рабов, которые жили под стенами Драс-Леоны, у Эрагона в сердце находилось еще немного сочувствия. Но он был совершенно убежден, что этот город прогнил насквозь, так что самым лучшим решением было бы стереть его с лица земли, а затем выстроить заново, не допуская туда ни капли извращенной религии Хелгринда, которая заразила его, подобно страшной, смертельно опасной болезни.

Пока он предавался фантазиям о том, как мог бы с помощью Сапфиры развалить на куски этот проклятый храм, ему вдруг пришло в голову, что он не знает, есть ли название у той религии, жрецы которой исповедуют самобичевание и членовредительство. Занятия древним языком научили его ценить важность имен – имена были силой, они давали *понимание*. Пока он не узнает, как называется эта религия, он не сможет полностью постичь ее истинную природу.

Дневной свет уже угасал, когда вардены разбили лагерь прямо на возделанных полях к юго-востоку от Драс-Леоны. Здесь местность слегка возвышалась, образуя некое подобие ровного плато, и это должно было обеспечить им минимальную защиту в том случае, если враг вздумает напасть. Люди страшно устали от долгого пребывания на марше, но Насuada заставила их не только создать вокруг лагеря временные укрепления, но и собрать все тяжелые орудия, которые они тащили с собой в течение всего долгого пути от Сурды.

Эрагон с удовольствием принялся за работу. Сперва он работал вместе с группой мужчин, которые выравнивали поля пшеницы и ячменя с помощью дощечек, связанных длинными веревками. Было бы проще выкосить посевы – как с помощью магии, так и обыкновенной косы, – но тогда оставшееся жнивье стало бы большим неудобством и даже опасностью при ходьбе, не говоря уж о сне. А теперь плотно прижатые к земле побеги образовали мягкую,

упругую поверхность, ничуть не хуже любого матраса, во всяком случае, куда лучше голой земли, на которой они, в общем-то, уже привыкли ночевать.

Эрагон проработал вместе с остальными около часа, и за это время они успели расчистить достаточно места для палаток.

Затем он принялся помогать строителям осадной башни. Его куда большая, чем у обычного человека, сила позволяла ему в одиночку поднимать такие балки, которые способны были поднять лишь несколько человек. Несколько гномов, по-прежнему остававшихся в войске варденов, присматривали за постройкой башни, потому как все осадные приспособления и механизмы были, в сущности, ими и изобретены.

Сапфира тоже старалась помочь. Зубами и когтями она прорывала в земле глубокие траншеи, а из вырытой земли устраивала защитную насыпь вокруг лагеря. Ей буквально за несколько минут удавалось сделать то, что сто человек, наверное, и за день бы не сделали. Кроме того, выдыхая из пасти огонь и орудуя мощным хвостом, она сносила деревья, ломала заборы и стены домов, обеспечивая варденам надежное укрытие. В целом, она создала вокруг лагеря такую картину полнейшего разрушения, которая, пожалуй, могла бы внушить ужас даже самым храбрым.

Была уже поздняя ночь, когда вардены наконец завершили подготовку, и Насуада приказала всем – людям, гномам и ургалам – ложиться спать.

Оказавшись в своей палатке, Эрагон довольно долго предавался медитации, пока мысли его совершенно не очистились. Эта процедура давно уже превратилась для него в привычку. Но вместо того чтобы, как обычно, заняться дневником и упражнениями в письме, он несколько часов пытался вспомнить те заклинания, которые, как ему казалось, могли бы пригодиться варденам завтра, а также составлял новые, способные защитить их от тех опасностей, которые таили в себе Драс-Леона и Хелгринд.

Почувствовав себя готовым к грядущему сражению, Эрагон лег и позволил себе уплыть по реке сновидений. На этот раз они оказались какими-то особенно энергичными и разнообразными, потому как, несмотря на занятия медитацией, перспектива близящегося сражения будоражила его кровь и не позволяла полностью расслабиться. Для него, как и всегда, труднее всего было вытерпеть ожидание и неопределенность. Он мечтал поскорее оказаться в самой гуще схватки, где у него просто не будет времени ни о чем беспокоиться.

Сапфира тоже спала беспокойно. Эрагон мысленно улавливал какие-то обрывки ее снов, в которых она кого-то кусала и рвала на куски, и не сомневался, что и она думает о том свирепом удовольствии, которое всегда испытывает во время боя. Ее настроение отчасти оказывало воздействие и на него, но не настолько, чтобы он полностью утратил контроль над собой.

Как-то слишком быстро наступило утро, и вардены собрались у незащищенных пригородов Драс-Леоны. Армия имела весьма внушительный вид, но восхищение Эрагона несколько угасло, когда он увидел щербатые клинки воинов, их шлемы, покрытые вмятинами, изрубленные щиты, а также кое-как зашитые прорехи на их жалких рубахах и металлических кольчугах. Если им удастся взять Драс-Леону, они, конечно, смогут частично обновить вооружение – как сделали это в Белатоне и еще раньше, в Финстере, – но, увы, пополнить здесь свои ряды новыми воинами им явно не удастся.

«Чем дольше это будет продолжаться, – мысленно сказал Эрагон Сапфире, – тем легче будет Гальбаториксу нанести нам поражение, когда мы наконец доберемся до Урубаена».

«В таком случае мы не должны медлить», – ответила она.

Эрагон сидел верхом на Сапфире, а рядом с ними на свирепом черном жеребце восседала Насуада. Вокруг них расположились двенадцать стражей-эльфов и столько же Ночных Ястребов Насуады – она вдвое увеличила количество своих стражей на все время этого сражения. Эльфы были пеши. Они отказывались ездить верхом на любых конях, кроме тех, которых сами воспитали и выучили. Зато все Ночные Ястребы, за исключением ургалов, были верхом.

В пятнадцати шагах от них, справа, стоял король Оррин со своим тщательно подобранным войском, и шлем каждого из его воинов украшал яркий цветной плюмаж. Наргейм, командир гномов, и Гарцвог возглавляли соответственно свои отряды.

Кивнув друг другу, Насуада и Оррин прищипорили коней и рысью погнали их вперед, к городу, несколько оторвавшись от основного войска. Левой рукой Эрагон крепко ухватился за шип на шее у Сапфиры и последовал за ними.

Насуада и Оррин остановились, только добравшись до первых рядов городских развалин. По их сигналу двое герольдов – один со знаменем варденов, второй со знаменем Сурды – выехали вперед по узкой улочке, извивавшейся в лабиринте домов, и направились к южным воротам Драс-Леоны.

Эрагон нахмурился, наблюдая за продвижением герольдов. Город казался ему каким-то неестественно пустым и тихим. На улицах не было ни души. Даже на сторожевых башнях, даже на толстой крепостной стене из желтой глины, где сейчас должны были бы стоять сотни воинов Гальбаторикса, никого видно не было.

«Чую что-то неладное», – сказала ему Сапфира и даже слегка зарычала, привлекая к себе внимание Насуады.

У подножия стены герольд варденов громким голосом, донесшимся даже до Эрагона и Сапфиры, крикнул:

– Привет вам, жители Драс-Леоны! Именем госпожи Насуады, предводительницы варденов, и Оррина, короля Сурды, а также всех свободных жителей Алагейзии мы требуем открыть ворота города, дабы мы могли вручить некое важное послание вашему господину и повелителю Маркусу Табору, так как оно, возможно, сулит ему весьма важную выгоду, как, впрочем, и каждому мужчине, каждой женщине и каждому ребенку, живущим в Драс-Леоне!

Откуда-то из-за стены герольду ответил мужской голос:

– Ворота перед вами не будут открыты. Оставьте свое послание там, где стоите.

– А ты говоришь от имени лорда Табора?

– Именно так.

– В таком случае ты обязан напомнить лорду: обсуждение вопросов, связанных с управлением города, лучше и удобней обсуждать в тиши покоев, нежели на открытом пространстве, где любой может вас подслушать.

– Я от вас никаких приказов не приму, жалкие лакеи! Оставьте свое послание – да побыстрее! – иначе я окончательно потеряю терпение и начину вас стрелами, как дикобразов!

Эрагону очень понравилось то, что герольд, нимало не смущаясь этими угрозами и не проявляя ни малейшего страха, без колебаний продолжал:

– Как вам будет угодно. Наши лорды предлагают мир и дружбу и лорду Табору, и всем жителям Драс-Леоны. Мы не собираемся воевать с вашим городом, потому как у нас с вами нет разногласий. Мы воюем только с Гальбаториксом и не стали бы осаждать Драс-Леону, если бы у нас был иной выход. А ведь у нас цели общие! Многие из нас жили в Империи, и лишь жестокое правление Гальбаторикса вынудило нас покинуть родные края. Мы ваши братья и по крови, и по духу. Присоединяйтесь к нам! И вместе мы сможем освободить себя от власти узурпатора, захватившего трон в Урубаене. Если вы примете наше предложение, предводители варденов гарантируют безопасность лорду Табору и его семье, а также любому, кто и сейчас еще, возможно, находится на службе у Гальбаторикса. Однако же мы не можем обещать этого тем, кто дал ему такую клятву, которую нарушить нельзя. Но даже если данная вами клятва и не позволит вам оказывать помощь варденам, то, по крайней мере, не мешайте нам. Поднимите решетку ворот, сложите оружие, и мы обещаем, что ничего плохого с вами не случится. Но если вы попытаетесь нам воспрепятствовать, мы сметем вас с дороги, как мусор, ибо никто не может противостоять могуществу нашей народной армии, могуществу Эрагона Губителя Шейдов, могуществу дракона Сапфиры!

Услышав собственное имя, Сапфира подняла голову и издала ужасающий рев.

Над воротами Эрагон заметил высокого человека в плаще. Он взобрался на стену и встал между двумя зубцами, глядя поверх герольдов на Сапфиру. Но сколько Эрагон ни шурился, он никак не мог толком разглядеть его лицо. К нему присоединились еще четыре человека в черных одеждах. Все они были калеки, и Эрагон понял, что это жрецы Хелгринда. У одного не хватало руки, у двоих – ноги, а у четвертого из жрецов не было ни рук, ни ног, так что его внесли на стену на носилках.

Вдруг человек в плаще откинул назад голову и расхохотался, и ему ответило неожиданно гулкое и громкое эхо. А герольды под стеной с трудом сдержали своих коней, которые ржали, вставали на дыбы и пытались убежать.

Чувствуя холодок под ложечкой, Эрагон крепко стиснул рукоять Брисингра.

– Значит, никто не может противостоять вашему могуществу? – переспросил человек в плаще, и странно громкий голос его разнесся, казалось, по всему городу и окрестностям. – У вас, я бы сказал, весьма завышенное мнение о себе.

И в этот момент с чудовищным ревом сверкающая красная туша Торна взвилась в воздух с дальней окраины города. Сделав круг, дракон примостился на крыше башни, вонзив в деревянную дранку огромные когти и раскинув в стороны широченные, тоже заканчивающиеся когтями, алые крылья, затем он разинул красную пасть и выдохнул в небо язык пламени.

Насмешливый голос Муртага – ибо это действительно был он! – снова послышался со стены:

– Можете хоть головой биться о стены Драс-Леоны, но вам ее никогда не взять! Никогда – пока этот город защищаем мы с Торном! Пусть с нами попробуют сразиться ваши лучшие воины и ваши лучшие маги, и я обещаю вам: все они неизбежно погибнут. Никто из вас не сможет одержать над нами верх! Даже ты... *братец Эрагон*! Так что, пока не поздно, бегите, прячьтесь в свои норы и молитесь, чтобы на бой с вами не вышел сам Гальбаторикс. Ибо тогда смерть и горе станут вашим единственным вознаграждением.

Игра в кости

– Господин мой, ворота открываются!

Роран оторвался от карты, которую внимательно изучал, и в палатку ворвался один из дозорных, весь красный, задыхаясь от быстрого бега.

– Которые ворота? – спросил Роран, чувствуя, как его охватывает прямо-таки могильное спокойствие. – Выражайся точнее. – Он отложил в сторону палочку, с помощью которой отмерял расстояния.

– Те, что ближе всего к нам... на дороге, не на канале!

На бегу выхватывая из-за пояса молот, Роран бросился к южному краю лагеря. Глянув в сторону раскинувшегося перед ним Ароуза, он, к своему неудовольствию, увидел, что из ворот появился отряд в несколько сотен всадников; яркие боевые знамена хлопали на ветру, пока всадники строились у черного зева ворот.

«Они же нас на куски порубят!» – с отчаянием подумал Роран.

В лагере осталось всего человек сто пятьдесят, и многие из них были ранены, так что вряд ли смогли бы драться. Остальные были на мельницах, которые он посещал накануне, или в слюдяных шахтах, находившихся еще дальше по побережью, или на берегах самого западного из каналов, подыскивая баржи, необходимые для успешного выполнения задуманного Рораном плана. Никто из них не успел бы сейчас быстро вернуться в лагерь и отразить нападение вражеского отряда.

Раздавая задания, Роран понимал, что оставляет лагерь практически без защиты, но все же надеялся, что население Ароуза слишком напугано недавними попытками штурмовать город и вряд ли предпримет какую-то дерзкую контратаку. А тех воинов, которых он оставил при себе, было, как ему казалось, вполне достаточно, чтобы *создать видимость* хорошо укрепленного и полного людей лагеря.

Но он сильно заблуждался. Возможно, защитникам Ароуза каким-то образом удалось узнать о намерениях Рорана. Он хоть и не был в этом уверен, но все же предполагал, что это так, глядя на конный отряд, что строился сейчас у городских ворот. С другой стороны, если бы эти кавалеристы и намеревались вступить в бой с его войском, то их должно было бы быть, по крайней мере, в два, а то и в три раза больше. Но так или иначе, а сейчас нужно было любой ценой предотвратить атаку и спасти людей от неизбежной гибели.

Балдор, Карн и Бригман подбежали к нему с оружием в руках. Карн поспешно натягивал свою кольчугу, а Балдор сказал:

– Ну, и что будем делать?

– Да ничего мы *сделать* не можем! – взвился Бригман. – Ты погубил всю затею, Молодобоец! Собственной глупостью погубил. Теперь нам всем придется спасаться бегством, пока эти чертовы всадники нас не прикончили!

Роран сплюнул.

– Отступать? Нет уж, отступать мы не станем! Пешими нам от них не уйти, да если б кто-то и мог, я все равно никогда не бросил бы своих раненых товарищей.

– Ты что, не понимаешь? – снова заорал Бригман. – Нам тут конец, если останемся! Нас попросту прикончат – или еще хуже: в плен возьмут!

– Прекрати, Бригман! Я же сказал, что не собираюсь удирать, поджавши хвост.

– Это почему же? Не желаешь признавать собственного поражения? Видно, рассчитывал кое-какой навар получить в результате своей бессмысленной затеи? Ты только вред один варденам приносишь!..

А под стенами города всадники уже подняли свои мечи и копья и, громко крича и улюлюкая, так что было слышно даже в лагере, вонзили шпоры в бока коней, которые с топотом ринулись через пологую равнину прямо на лагерь варденов.

И Бригман, увидев это, поспешил завершить свою гневную тираду:

– Но я не допущу, чтобы ты загубил столько жизней во имя собственной гордыни! Можешь оставаться, если тебе надо, а мы...

– Тихо! – проревел Роран. – Заткни свою пасть, или я сам тебе ее заткну! Балдор, последи за ним. Если он сделает что-нибудь такое, что тебе не понравится, дай ему попробовать твоего меча!

Бригман чуть не лопнул от злости, но прикусил язык, поскольку великан Балдор тут же, взмахнув мечом, приставил к его груди острие.

Роран догадывался, что у него в распоряжении не более пяти минут, чтобы решить, как действовать дальше. Всего пять минут – и от них зависело столь многое!

Он попытался представить себе, скольких всадников им удалось бы сразу убить или ранить, чтобы остальные, испугавшись, попросту ускакали бы прочь, но почти сразу отринул подобную возможность. Здесь, на этой равнине, у них явно не было никаких преимуществ, и они, будучи столь малочисленными, попросту не смогли бы сдержать натиск кавалерийского отряда.

«Если мы вступим в бой, то победу нам не одержать, а значит... А что, если попытаться напугать их? Но как? Огнем?»

Огонь, правда, мог оказаться весьма коварным союзником для тех, кто оставался в лагере. И потом, мокрая трава вряд ли загорелась бы, разве что начала бы дымить, и проку от этого не было бы никакого.

Он посмотрел на Карна.

– Скажи, ты не мог бы создать двойника Сапфиры? Ну, привидение такое? Пусть бы она и была не слишком на себя похожа, но могла бы хоть взречь и пламя выдохнуть, словно и впрямь здесь находится?

Впалые бледные щеки заклинателя стали совсем белыми от волнения. Он неуверенно покачал головой, в его глазах плескалась паника.

– Может, и смог бы. Не уверен... Я никогда раньше ничего такого не делал. Это значит, мне придется воссоздавать ее образ по памяти? А вдруг она окажется совсем не похожа на настоящую Сапфиру? – Он мотнул головой в сторону приближавшихся всадников. – Тогда они наверняка сразу разберутся, что к чему.

Роран вонзил ногти в ладонь. Оставалось в лучшем случае минуты четыре, а то и меньше.

– Может, все-таки попробуешь? Нам нужно просто отвлечь их, смутить... – Он посмотрел в небо, надеясь увидеть хотя бы грозовую тучу, но, увы, над лагерем проплывала лишь парочка легких облачков.

«Неуверенность в собственных силах, сомнения... Чего еще бояться люди? Неведомого! Того, чего не могут понять. Вот оно!»

В одно мгновение перед Рораном промелькнуло с полдюжины разных планов того, как можно было бы поколебать уверенность противника, и каждый новый план казался еще более невероятным, чем предыдущий. И тут в голову ему пришла одна идея, настолько простая и одновременно рискованная, что он сразу за нее ухватился, ибо, в отличие от всех прочих, эта идея льстила его «я», а для ее осуществления требовалось участие всего лишь одного человека, кроме него самого: Карна.

– Ступайте все в лагерь и прикажите людям спрятаться в палатках! – крикнул Роран на ходу. – И пусть сидят тихо, чтобы не было слышно ни звука, пока эти кавалеристы не подъедут совсем близко!

Сунув молот за пояс, Роран отыскал в ближайшей палатке среди спальных принадлежностей, валявшихся на земляном полу, какое-то грязное шерстяное одеяло и бегом бросился к костру, на котором готовили пищу. Там он подхватил под мышку толстый обрубок пня, которым пользовались как табуретом, и рысью взлетел на небольшой бугорок, находившийся в сотне футов от палаток.

– Пусть кто-нибудь принесет мне игральные кости и рог с медом! – крикнул он. – И еще мой походный стол вместе с разложенными на нем картами. Да быстрее же, черт побери!

За спиной у него слышался топот ног и звон каких-то предметов – это люди бросились врассыпную и нырнули в палатки. Уже через несколько секунд небывалая тишина окутала лагерь, какие-то звуки производили только те, кого Роран послал за столом и картами местности.

Роран не стал тратить времени и оглядываться. На вершине бугорка он постарался как можно устойчивее пристроить толстый пень и, убедившись, что пень стоит вполне прочно, сел на него и огляделся: по плавному откосу холма к нему мчались атакующие кавалеристы.

До их прибытия оставалось в лучшем случае пара минут, и Роран всем телом чувствовал, как гудит под его пнем земля, сотрясаемая ударами мощных копыт, и это ощущение усиливалось с каждой секундой.

– Ну, где же кости и мед? – крикнул он, не отрывая взгляда от кавалеристов.

Затем одним движением руки он пригладил бороду и расправил рубаху. Ему было страшновато, и он уже жалел, что не надел свою металлическую кольчугу, но разумом, в котором вдруг проснулись небывалые холодность и хитрость, понимал, что подобная «беспечность» – то, что он сидит вот так, без доспехов, без оружия, совершенно спокойно, – должна еще сильнее впечатлить врагов. Та же холодная сторона рассудка убедила его даже молот оставить заткнутым за пояс. Пусть им кажется, что он и в их присутствии чувствует себя в полной безопасности!

– Извини, – беззвучно прошептал Карн, подбегая к нему. Он вместе с еще одним варденом принес из палатки Рорана маленький складной столик и лежавшие на нем карты. Столик, накрытый одеялом, поставили перед Рораном. Карн сунул Рорану в руку рог, до половины полный пьянящего медового напитка, сваренного гномами, и кожаный мешочек с пятью самыми обычными игральными костями.

– Давайте быстрее отсюда! – прошипел Роран, и Карн уже повернулся, чтобы уйти, но Роран вдруг схватил его за руку и спросил: – Слушай, а ты не мог бы сделать так, чтобы воздух вокруг меня дрожал? Знаешь, как над костром в зимний день?

Карн прищурился:

– Могу, наверно, но что хорошего...

– Просто сделай так, если можешь, и все. И скорее уходи, прячься!

Тощий заклинатель бросился обратно в лагерь, а Роран встряхнул кости в мешочке и высыпал их на стол, как бы играя с самим собой, а потом принялся подбрасывать кости в воздух одну за другой и ловить их тыльной стороной ладони. Его отец, Гэрроу, частенько развлекал себя подобной забавой долгими летними вечерами, покуривая трубочку и посиживая в старом кресле-качалке на крыльце их дома в долине Паланкар. Иногда он и Рорану позволял сразиться с ним в кости, только Роран всегда проигрывал. Так что Гэрроу предпочитал состязаться в игре с самим собой.

Хотя сердце так стучало в груди, что Роран чуть не оглох от его грохота, а ладони стали влажными и липкими, внешне он ухитрился сохранить вполне спокойный вид. Если этот гамбит вообще имеет хоть какой-то, пусть даже самый слабый шанс на успех, ему необходимо держаться с непоколебимой самоуверенностью, какие бы чувства ни владели в данный момент его душой.

Не отрывая взгляда от игральных костей, он не пожелал поднять глаза, даже когда всадники стали окружать его, подъезжая все ближе и ближе. Звук мчавшихся галопом коней становился все громче, и Рорану стало ясно, что они, по всей вероятности, намерены просто его растоптать.

«Какой странный способ самоубийства», – мрачно улыбнулся он и подумал о Катрине и о своем будущем ребенке. Как ни странно, но ему стало спокойней при мысли о том, что, если ему самому и суждено погибнуть, его кровная линия не прервется. Это, конечно, было не бессмертие, каким обладал Эрагон, но все же некое подобие бессмертия, и этого Рорану было вполне достаточно.

В последний момент, когда кавалеристы были от него всего в двух шагах, кто-то крикнул: «Эй! Эй! Придержите коней! Я сказал, придержите коней!», и вырвавшиеся вперед кони, звеня сбруей и хрустя упряжью, с трудом замедлили бег и остановились.

А Роран по-прежнему сидел, вперив взгляд в брошенные кости, и маленькими глоточками попивая пенистый медовый напиток. Потом он снова подбросил кости, две штуки поймал тыльной стороной ладони и стал внимательно их рассматривать.

Вокруг него разливался теплый и мирный запах свежей земли, взрытой конскими копытами, а также – куда менее приятный – запах взмыленных конских тел.

– Эй, ты там, друг любезный! – услышал он голос того же человека, который приказал остановить коней. – Эй, я к тебе обращаюсь! Ты кто такой? И чего это так спокойно посиживаешь себе да мед попиваешь, словно тебе до остального мира и дела нет? Утро, конечно, и впрямь чудесное, да только для игр в кости, по-моему, не годится. Неужели мой отряд не заслужил такого уважения, чтобы нас встречали с мечами наголо? Ты кто такой, я тебя спрашиваю?

Медленно, словно едва заметив окруживших его вражеских кавалеристов и сочтя это фактом малозначимым, Роран поднял глаза и уставился на маленького бородатого человечка с невероятно ярким плюмажем на шлеме. Человечек сидел верхом на громадном вороном боевом коне, который пыхтел, точно пара хороших мехов.

– Я тебе не *любезный друг* и уж во всяком случае точно *не друг*, – сказал Роран, не делая ни малейшей попытки скрыть то, что ему не слишком приятно столь фамильярное обращение. – Ты кто такой, собственно, что так невежливо прерываешь мою игру?

Длинные пестрые перья на макушке крошечного воина возмущенно закачались. Он с ног до головы рассматривал Рорана с таким изумлением, словно тот был неким совершенно незнакомым ему зверем, которого он повстречал на охоте.

– Мое имя – Тарос Быстрый. Я капитан, командую сторожевым отрядом и должен тебе сказать, хоть ты и редкостный грубиян, что мне все же весьма огорчительно было бы прикончить такого наглого храбреца, так и не узнав, как его зовут. – И, словно желая подчеркнуть свои слова, Тарос почти уперся наконечником своего копья Рорану в грудь.

Выстроившись в три ряда, остальные кавалеристы сгруппировались у Тароса за спиной. Среди них Роран заметил худощавого горбоносого человека с каким-то изнуренным лицом и чрезвычайно худыми руками, обнаженными до плеч. Этого человека он не раз видел в армии варденов среди заклинателей. Ему вдруг очень захотелось, чтобы Карну удалось сделать то, о чем он его просил: чтобы воздух вокруг него дрожал, как над костром. Но повернуть голову и посмотреть он пока не осмеливался.

– Я – Роран Молотобоец, – спокойно назвал себя он и, снова подбросив игральные кости, ловко поймал три из них тыльной стороной ладони. – А Эрагон Губитель Шейдов – мой двоюродный брат, мы вместе росли. О нем-то вы, наверное, слышали?

По рядам конников пробежал боязливый шепот, и Роран заметил, что глаза Тароса расширились от удивления и, пожалуй, страха.

– Звучит впечатляюще, – сказал Тарос, – но как нам проверить, правда ли это? Так ведь любой может себя братом Эрагона или Муртага назвать.

Роран продемонстрировал ему свой молот и даже слегка пристукнул им по столу, а затем, не обращая больше внимания на всадников, возобновил свою игру и досадливо хмыкнул, когда ему не удалось поймать две следующие кости – это стоило ему утраты всех выигранных очков.

– Хм! – Тарос Быстрый прокашлялся. – О тебе я тоже слышал, Молотобоец, и у тебя тоже репутация весьма неплохая, хотя многие считают, что она сверх меры преувеличена. Вот, например, правда ли то, что ты, находясь в королевстве Сурда, в одиночку справился с тремя сотнями воинов во время битвы близ селения Дельдарад?

– Честно говоря, я совершенно не помню, как называлось то селение. Может, и Дельдарад. Но я действительно положил немало воинов. Хотя, по нашим подсчетам, их было всего лишь сто девяносто три. Да и товарищи мои меня поддерживали, пока я с этими солдатами сражался.

– Всего лишь сто девяносто три? – с изумлением повторил Тарос. – Ты что-то скромничаешь, Молотобоец. Такой подвиг вполне достоин, чтобы его воспевали в песнях и сказаниях.

Роран пожал плечами и поднес к губам рог с медом, хотя проглотить жидкость себе позволить не мог – не хотел, чтобы хмельной напиток туманил разум.

– Я сражался, чтобы победить, а не проиграть, Тарос Быстрый... Впрочем, позволь предложить тебе выпить за это – как воин воину. – И он протянул рог Таросу.

Коротышка колебался. Взгляд его метнулся к заклинателю, стоявшему у него за спиной, но тот молчал. Тогда Тарос вытер губы и сказал:

– Пожалуй, я и впрямь выпью с тобой. – Он спешился, передал свое копьё другому воину, стянул с рук латные перчатки, подошел к столу и аккуратно принял рог с медом из рук Рорана.

Правда, сперва он все же понюхал напиток, но потом сделал добрый глоток и даже передернулся: ох и крепок был сваренный гномами мед! Перья у Тароса на шлеме так и затрепетали, когда он снова передернулся и слегка поморщился.

– Что, не понравилось? – весело спросил Роран.

– Признаюсь, эти горные напитки на мой вкус слишком крепкие и, пожалуй, грубые, – признался Тарос, возвращая рог Рорану. – Я предпочитаю вина, выращенные в наших краях. Они куда приятнее на вкус, в них чувствуется сладость и солнечный свет. И они куда меньше предназначены для того, чтобы лишить человека разума.

– А по мне так этот мед сладок, как материнское молоко, – солгал Роран. – Я его все время пью – и утром, и днем, и вечером.

Снова надев латные перчатки, Тарос вернулся к своему коню, вскочил в седло и забрал свое копьё у солдата, которому дал его подержать. Затем он снова посмотрел на того горбоногого заклинателя, который, как заметил Роран, за этот короткий промежуток времени успел прямо-таки смертельно побледнеть. Тарос, должно быть, тоже заметил, как переменялось лицо мага, ибо несколько напрягся и нарочито громко, чтобы слышали все, сказал Рорану:

– Благодарю за гостеприимство, Роран Молотобоец! Может статься, что вскоре я буду иметь честь принимать тебя у нас в Ароузе и в таком случае непременно угощу тебя самыми лучшими винами из винограда, выращенного в нашем фамильном поместье. Возможно, тогда ты поймешь, какой варварский напиток вы пьете, хоть ты и говоришь, что он «сладок, как материнское молоко». Мне кажется, ты должен оценить наши прекрасные вина, хотя и у нас тоже есть крепкий напиток, которому мы позволяем состариться в дубовых бочках в течение нескольких месяцев, а иногда и лет. Было бы жаль, если бы все это пошло насмарку, а из бочек с вином выбили затычки и позволили благородной жидкости течь по мостовой, пятная ее красной кровью наших виноградников.

– Да уж, это действительно был бы полный стыд! – откликнулся Роран. – Но ведь порой просто невозможно не пролить немного вина, когда со стола убираешь. – И он чуть отвел в сторону руку с рогом, плеснул на траву немного меда.

Тарос смотрел на него, как завороченный. Он прямо-таки застыл – даже перья у него на шлеме перестали колыхаться, – а потом как-то сердито всхрапнул и, резко развернув коня, закричал своему отряду:

– Стройся! Стройся! Я сказал, всем построиться!.. – И, едва ли не взвизгнув напоследок, он прищипорил коня и помчался прочь, к воротам Ароуза. Остальные кавалеристы последовали за ним, погоняя коней и переходя на быстрый галоп.

А Роран упорно сохранял прежний вид полного равнодушия и беспечности, пока войско не отъехало от него достаточно далеко. Затем наконец он медленно выдохнул и оперся локтями о колени. Руки у него слегка дрожали.

«Сработало!» – с удивлением думал он.

Услышав, как к нему из лагеря бегут люди, он оглянулся через плечо и увидел Балдора и Карна; следом за ними бежало еще полсотни воинов, тут же выскочивших из палаток.

– Тебе удалось! – воскликнул Балдор, подбегая к нему. – Удалось! Вот здорово! Я просто поверить не могу! – Он засмеялся и хлопнул Рорана по плечу – причем от радости с такой силой, что тот чуть не свалился на землю.

Остальные вардены сгрудились вокруг него, смеясь и рассыпая ему похвалы, а также в самых необычных выражениях похваляясь, что под его предводительством они уж точно этот Ароуз возьмут, теперь это им пара пустяков. Заодно они всячески преумалили храбрость и стойкость жителей этого города, а потом кто-то сунул Рорану бурдюк с теплым вином, наполовину полный, но он посмотрел на бурдюк с неожиданной неохотой и тут же вернул его хозяину.

– Ты какие-нибудь чары наводил? – еле слышно спросил он у Карна, стараясь, чтобы в радостном шуме никто этого вопроса не расслышал.

– Что ты сказал? – Карн наклонился к нему, и Роран повторил свой вопрос. Маг улыбнулся и энергично закивал. – О да! Мне удалось заставить воздух дрожать, как ты и хотел.

– А ты не пытался атаковать их заклинателя? Когда они уходили, у него был такой вид, словно он вот-вот грохнется без чувств.

Улыбка Карна стала еще шире.

– Ну, в этом он сам виноват. Он все пытался разрушить иллюзию, которую, как он считал, создал я – прорвать это дрожащее марево и как следует разглядеть, что за ним скрывается, – но там и прорывать было нечего, нечего было разрушать, так что он только зря силы потратил!

И тут Роран сперва усмехнулся, а потом захохотал во все горло, и этот хохот заглушил даже возбужденный гомон толпы и перекатился дальше, в поля, в сторону Ароуза.

Несколько минут Роран позволял себе наслаждаться тем восторгом, который вызвал у обступивших его варденов, а потом до него донесся громкий предупредительный клич часового, охранявшего подступы к лагерю.

– Отойдите-ка! Дайте мне посмотреть! – сказал Роран и вскочил на ноги. Вардены расступились, и он увидел у западной границы лагеря одного из тех, кого отправил обследовать берега каналов. Этот человек, изо всех сил погоняя коня, скакал через поле прямо к нему. – Не мешайте ему, пусть поближе подъедет, – велел Роран, но худощавый рыжеволосый воин все же бросился всаднику наперерез.

Тем временем Роран подобрал игральные кости и одну за другой бросил их в кожаный мешочек. Кости удовлетворенно загремели, словно радуясь благополучному завершению игры.

Как только всадник оказался на достаточно близком расстоянии, Роран крикнул ему:

– Эй, там все в порядке? На вас что, было нападение?

Но, к досаде Рорана, тот продолжал молчать, пока не подъехал к нему почти вплотную. Лишь на расстоянии двух шагов от него он спрыгнул с коня и, вытянувшись во весь рост, точно тонкая сосна, выросшая в темном лесу, воскликнул:

– Капитан! Господин мой, я должен сказать...

Только тут Роран увидел, что это совсем еще мальчишка, тот самый худощавый юноша, который принял у него поводья, когда он впервые въехал в лагерь. Впрочем, то, что он его узнал, особого значения не имело, и Роран нетерпеливо поторопил гонца:

– Ну же, говори, в чем дело? У меня не так уж много времени. Да говори же скорее!

– Господин мой, меня послал Хамунд и велел передать, что мы нашли все необходимые баржи и теперь он строит салазки, чтобы перетащить их по суше в другой канал.

Роран с облегчением вздохнул, кивнул парнишке и сказал:

– Это хорошо. А помощь ему не требуется? Он успеет вовремя?

– Нет, не требуется, господин мой!

– И это все?

– Да, господин мой!

– Тебе совершенно не нужно все время называть меня «господин мой». Один раз сказал и хватит. Понял?

– Да, господин мой... ну, да... то есть да, конечно.

Роран подавил улыбку.

– Ты отлично справился с поручением, молодец! А теперь ступай и поешь чего-нибудь, а потом скажи на шахту. Узнаешь, что там и как, а потом вернешься и мне доложишь. Нам надо знать, что они там успели сделать.

– Хорошо, гос... простите, господин мой... То есть я не хотел... Я лучше прямо сейчас поеду, капитан! – На щеках парнишки от волнения вспыхнули два алых пятна, он даже заикаться начал. Поклонившись Рорану, он быстро вскочил на коня и рысцой двинулся в сторону побережья и шахт.

Его сообщение заставило Рорана задуматься. Он снова вспомнил, что, хоть им и повезло и они выиграли в этой поединке хитростей и уловок, сделать все-таки нужно еще очень много.

Собравшимся вокруг него воинам он сказал:

– Возвращайтесь в лагерь, к раненым. И еще. Мне нужно, чтобы вокруг лагеря к вечеру были выкопаны два ряда траншей. Эти желтопузые, – Роран имел в виду золотистые туники солдат Империи, – могут передумать и снова пойти на нас в атаку, и мне бы хотелось быть к этому готовым.

Некоторые даже застонали, услышав, что снова нужно рыть траншеи, но остальные, похоже, восприняли приказ Рорана вполне доброжелательно.

Карн шепнул ему:

– Ты же не хочешь, чтобы они к завтрашнему утру совершенно выбились из сил?

– Да, я все понимаю и, конечно, не хочу этого, – Роран тоже отвечал очень тихо, – но лагерь просто необходимо укрепить. И потом, так они не будут думать, что тут у нас только что происходило. Ничего, даже если они и устанут. Сражение, если оно состоится, придаст им сил, так всегда бывает.

... Для Рорана день промелькнул незаметно. Он то сосредоточенно обдумывал очередную неотложную проблему, то помогал варденам рыть траншеи, но как только лишился необходимости обдумывать сложившуюся ситуацию и свой план, время словно замедляло свой бег и еле тянулось. Люди работали хорошо и дружно – тем, что он спас их от налета кавалеристов, он, безусловно, завоевал их преданность и верность куда лучше, чем любыми словами. Но Рорану отчего-то все время казалось, что, несмотря на все их усилия, они не успеют закончить подготовку к завтрашнему сражению, до которого оставалось всего несколько часов.

Весь день до самого вечера противное ощущение беспомощности все сильнее охватывало Рорана, и в душе он уже проклинал себя за то, что решился на выполнение такого сложного и честолюбивого плана.

«Мне нужно было с самого начала понять, что у нас попросту не хватит времени», – думал он. Но теперь было уже слишком поздно что-либо менять. Им оставалось только делать

все, что было в их силах, и надеяться на лучшее. Возможно, этот рискованный план все же сумеет помочь им обрести победу, несмотря на все допущенные им, Рораном, ошибки.

Когда спустились сумерки, в охватившей Рорана неуверенности блеснула вдруг слабая искорка оптимизма, потому что подготовка к завтрашним событиям стала вдруг с неожиданной быстротой подходить к концу. И когда через пару часов стало уже совершенно темно и над головой ярко светили звезды, Роран обнаружил, что стоит возле мельниц вместе с семьей сотнями варденов, и все задуманное им сделано на совесть, и теперь нужно действовать решительно, если они действительно хотят завтра взять Ароуз.

Роран даже негромко засмеялся от облегчения и гордости, немного стыдясь того неверия, с которым только что относился к собственным планам и отчаянным усилиям своих соратников.

Поздравив собравшихся вокруг него воинов с успешным завершением подготовительных работ, он велел всем вернуться в палатки и хорошенько выспаться.

– На рассвете идем на штурм! – сказал он напоследок, и все радостно загудели, несмотря на смертельную усталость.

Мой друг, мой враг

В ту ночь Роран спал чутко, поверхностно, и сны ему снились тревожные. Он так и не смог полностью расслабиться. Роран понимал всю важность грядущей битвы, ведь его, вполне возможно, ранят во время сражения, как это уже не раз бывало, а может, и убьют. Эти две мысли создавали такое напряжение в его душе и теле, что он спиной, позвоночником, чувствовал, будто его, точно пойманную на крючок рыбу, то и дело вытягивают из глубин темных неясных снов на поверхность.

Роран мгновенно очнулся ото сна, услышав, как возле его палатки что-то глухо ударилось о землю.

Он открыл глаза и уставился на ткань у себя над головой. Внутри было почти темно; что-то можно было различить лишь благодаря проникавшему сквозь щели в пологе свету горевшего снаружи рыжего факела. Воздух показался Рорану каким-то особенно холодным, мертвящим, словно он был похоронен глубоко под землей в какой-то пещере. Который час, он не знал, но явно глубокая ночь, потому что не слышно было даже ночных зверьков; наверное, даже они уже вернулись в норы и легли спать. В такой час в лагере никто не должен был бы бодрствовать за исключением постовых, но никаких постовых поблизости от палатки Рорана не было.

Стараясь дышать как можно реже и тише, Роран прислушался, ожидая, что рядом раздается еще какой-нибудь шум. Но громче всего стучало его собственное сердце по мере того, как все сильней и сильней натягивалась у него внутри струна той тревоги, что всю ночь не давала ему покоя.

Прошла минута.

Затем вторая.

И когда Роран уже решил, что все это ему просто показалось и нет и не было никаких причин для тревоги, когда даже бешеный стук его сердца стал понемногу затихать, на входное отверстие палатки упала чья-то тень, заслонив собой падавший от факела луч света.

Сердце Рорана снова забилося раза в три быстрее, словно он бегом взбирался по горному склону. Кто бы там ни явился к нему среди ночи, это был явно не часовой, который мог бы предупредить его о начале атаки со стороны Ароуза, и не кто-то из его приятелей, решивших поделиться с ним какими-то своими соображениями, потому что эти люди уж точно не стали бы церемониться и сразу окликнули бы его, а то и просто вломились бы в палатку.

Рука в черной перчатке – ее лишь с трудом можно было различить во мраке – просунулась в щель и нащупала завязки, державшие полог.

Роран открыл было рот, собираясь поднять тревогу, но передумал. Было бы глупо не воспользоваться отличной возможностью застать противника врасплох. И потом, если этот незванный гость поймет, что его засекли, он может и запаниковать, а стало быть, станет гораздо опаснее.

Роран осторожно сунул руку под скатанный плащ, который использовал как подушку, и вытянул оттуда кинжал, спрятав его в складках одеяла на уровне колена. А второй рукой взялся за край одеяла, чтобы можно мгновенно его откинуть в случае необходимости.

В проникавшем снаружи золотистом свете на миг возник силуэт незнакомца, затем он проскользнул в палатку, и там вновь стало почти темно. Но Роран успел разглядеть, что одет этот человек в заплатанный кожаный колет, на нем нет ни доспехов, ни даже нагрудной пластины. Впрочем, лица его Роран разглядеть не сумел.

Незванный гость продолжал красться к его постели, и Рорану стало казаться, что еще немного, и он попросту лишится чувств, так долго он уже задерживал дыхание, делая вид, будто крепко спит.

Когда незнакомец был уже в шаге от лежанки, Роран сорвал с себя одеяло, вскочил и с диким криком набросил его незнакомцу на голову, уже занося для удара руку с кинжалом.

– погоди! – завопил тот, и Роран на мгновение замер, а потом они оба рухнули на пол. – Я друг! Я твой друг! – продолжал вопить незнакомец.

Еще мгновение – и у Рорана вдруг перехватило дыхание: незнакомец два раза сильно ударил его по левой почке. Чуть не теряя сознание от боли, Роран заставил себя откатиться в сторону, стараясь держаться от противника как можно дальше. Затем он рывком поднялся на ноги и снова бросился на врага, который, как оказалось, запутался в сброшенном на него одеяле.

– погоди, я твой друг! – снова закричал незнакомец, но во второй раз Роран ему, разумеется, не поверил и очень правильно сделал: когда он попытался нанести противнику режущий удар, тот весьма ловко перехватил его правую руку с зажатым в ней кинжалом, набросив на нее скрученное в жгут одеяло, а затем сам ударил Рорана в грудь ножом, который извлек из-за пазухи. Особой боли Роран, правда, не почувствовал и решил пока что не обращать на полученное ранение внимания.

Взревев, он изо всех сил дернул за одеяло, сбил противника с ног и отбросил его к стене палатки, а сам рухнул сверху, подминая его под себя вместе с одеялом и одновременно стараясь выпутать из одеяла собственную правую руку.

И почти сразу же ощутил сильный удар по левой руке – незнакомец ухитрился лягнуть его в локоть сапогом с грубой подошвой; кончики пальцев тут же онемели, но Рорану удалось схватить этого типа за лодыжку.

Он попытался перевернуть его лицом вверх, но тот брыкался, как кролик, и в итоге сумел-таки вырваться. Впрочем, уже через секунду Роран снова схватил его за лодыжку и с такой силой сквозь тонкую кожу сапога вдавил пальцы ему в ахиллесово сухожилие, что мерзавец взвыл от боли.

Не давая ему прийти в себя и крепко прижимая его к полу, Роран припилил кинжалом к земле его правую руку, а потом попытался воткнуть кинжал ему в бок, но не успел: противник железной хваткой сдавил ему запястье.

– Ты кто такой? – прорычал Роран.

– Я твой друг, – повторил незнакомец, и Роран почувствовал, что его теплое дыхание пахнет винным перегаром. Затем незнакомец весьма успешно три раза подряд ударил коленом Рорану в ребра, а Роран с такой силой врезал ему лбом в нос, что нос громко хрустнул, явно сломанный. Противник дернулся, рыча от боли, но освободиться не смог: Роран держал крепко.

– Никакой... ты... мне... не друг, – задыхаясь, проворчал Роран и вонзил кинжал в бок врага. Тот сопротивлялся, кинжал отчего-то входил плохо и медленно, а Роран в пылу схватки даже не замечал криков людей, собравшихся вокруг его рухнувшей палатки.

Наконец рука незнакомца, сжимавшая запястье Рорана, ослабела, и кинжал с неожиданной легкостью прошел сквозь кожаный колет и глубоко вонзился в его тело. Он дернулся, и Роран ударил его еще несколько раз, а потом вонзил кинжал глубоко ему в грудь.

Рукоять кинжала затрепетала у него в руке – клинок угодил незнакомцу прямо в бьющееся сердце. Он вздрогнул и перестал сопротивляться, тяжело дыша и глядя на Рорана.

Роран продолжал крепко держать противника, наблюдая, как из его тела утекает жизнь; их тесные объятия были похожи на страстные объятия любовников. И у Рорана возникло ощущение какой-то странной, ужасающей близости к этому человеку, хоть он и пришел сюда, чтобы убить его. Перед ним был просто умирающий человек – живое, думающее существо, – чья жизнь подходила к концу из-за того, что он только что пытался сделать.

– Кто ты? – шепотом спросил Роран. – Кто тебя послал?

– Я... я почти убил тебя! – сказал вдруг незнакомец с каким-то жутковатым удовлетворением. Потом глубоко судорожно вздохнул, и тело его обмякло. Он умер, а Роран уронил

голову ему на грудь, хватая ртом воздух и дрожа с головы до ног. Только в эти мгновения напряжение схватки начало покидать его, и он заметил людей вокруг, которые стаскивали с него одеяла и упавшую палатку.

– Уберите это с меня! – закричал Роран, выбрасывая вверх левую руку; он чувствовал, что не в силах более терпеть эту грудь шерсти, завалившую его, эту тьму, это тесное пространство, в котором нечем было дышать.

Затем он увидел над собой щель – это кто-то прорезал ткань палатки; в щель лился теплый мерцающий свет факела.

Стремясь освободиться от проклятого войлочного савана, Роран рывком приподнялся и дернул за края прорези, раздирая ее. С трудом выбравшись из-под рухнувшей палатки, он, по пояс голый, пошатываясь, вышел на свет и в замешательстве огляделся.

Рядом стояли Балдор, Карн, Дельвин, Мандель и еще с десятков воинов, держа наготове мечи и боевые топоры. Никто из них тоже не успел толком одеться, за исключением двоих, в которых Роран признал часовых, выставленных на ночь.

– Ничего себе! – воскликнул кто-то. Роран, обернувшись, увидел, что воины оттащили наконец в сторону изувеченную палатку, и глазам всех предстал труп убийцы.

Это был могучий мужчина внушительного роста; его длинные спутанные волосы были собраны сзади в хвост, а на левом глазу красовалась кожаная повязка. Нос у него был крючковатый, но теперь переносица, разбитая Рораном, стала почти плоской; вся нижняя половина его лица была залита кровью. Кровь запеклась у него на груди и на боку, и земля под ним тоже пропиталась кровью. Казалось, этой крови слишком много, чтобы она могла вытечь из одного-единственного человека.

– Роран, – окликнул его Балдор, но Роран не мог оторвать глаз от своего неудавшегося убийцы. – Роран! Роран, послушай же меня! Ты не ранен? Что случилось?.. Роран!

Голос Балдора звучал с такой тревогой, что Роран наконец обратил на него внимание.

– Что?

– Роран, ты не ранен?

«С чего бы это он спрашивает?» – Роран осмотрел себя. Волосы у него на груди были покрыты кровавой коркой, на руках и плечах были кровавые потеки, верх штанов промок от крови.

– Да нет, все хорошо, – сказал он, хотя слова отчего-то выговаривались с огромным трудом. – Больше ни на кого в лагере не напали?

Вместо ответа Дельвин и Хамунд сделали по шагу в разные стороны, и Роран увидел безжизненное тело того самого парнишки, который был у него связным.

– Ах! – горестно воскликнул он. – Что же этот-то бедолага делал ночью возле моей палатки?

Один из воинов вышел вперед:

– Мы с ним в одной палатке жили, капитан. Он всегда ночью вставал, чтобы помочиться, потому что перед сном всегда слишком много чая выпивал. Говорил, мать ему так велела. Считал, что это предохранит его от болезней... Это был хороший парнишка, капитан. Ему бы жить да жить, а его ударом в спину какой-то трусливый мерзавец убил! Никак он не заслуживал такого конца, капитан!

– Нет, не заслуживал, – прошептал Роран. «Но если бы он случайно не оказался возле моей палатки, и меня бы на свете уже не было». И он указал на убийцу: – А больше вы тут таких тварей не встречали?

Вардены зашевелились, поглядывая друг на друга; затем Балдор сказал:

– Похоже, нет...

– Вы проверяли?

– Нет.

– Ну, так проверьте! Но постарайтесь людей все-таки не перебудить; им поспать нужно. И позаботьтесь, чтобы возле палатки каждого командира отныне стоял часовой... «Надо было мне раньше об этом подумать!»

Роран сел на землю да так и остался сидеть, чувствуя себя совершенно опустошенным и отупелым. Балдор отдал приказ, и все, за исключением Карна, Дельвина и Хамунда, исчезли в темноте. Четверо воинов унесли прочь израненное тело мальчика, чтобы его похоронить, а остальные пошли осматривать лагерь.

Подойдя ближе к убийце, Хамунд поддел носком сапога его нож и сказал:

– Похоже, ты сегодня утром куда сильнее перепугал тех кавалеристов, чем нам показалось.

– Да, похоже.

Роран почувствовал, что его пробирает озноб, и не просто озноб: он прямо-таки зачленел вдруг, особенно руки и ноги – они были как лед. Карн, заметив это, принес одеяло и набросил его Рорану на плечи.

– Пойдем-ка, – предложил он, – посидим вон там, у костра. У меня немного горячей воды осталось, я принесу, и ты сможешь смыть кровь. Хорошо?

Роран молча кивнул; он совсем не был уверен, что язык захочет ему повиноваться.

Карн повел его к костру, но не успели они сделать и несколько шагов, как заклинатель внезапно остановился, заставив остановиться и Рорана:

– Дельвин, Хамунд! Скорей принесите раскладную кровать и что-нибудь, на чем можно сидеть, а еще горшок меда и несколько бинтов. Да поскорее, поскорее, пожалуйста!

Те, до крайности изумленные, бросились выполнять требования Карна.

– В чем дело? – спросил Роран. – Что случилось?

Карн с мрачным видом указал на его грудь.

– Если он тебя не ранил, как ты утверждаешь, тогда, ради бога, скажи, *что это?*

Роран посмотрел туда, куда указывал Карн, и увидел под росшими на груди волосами скрытый кровавой коркой длинный глубокий порез, начинавшийся почти у правой подмышки, пересекавший грудину и завершавшийся под левым соском. В самой широкой своей части порез был примерно в четверть дюйма глубиной и более всего походил на безгубый рот, растянутый в отвратительной ухмылке. Но самой неприятной вещью было сейчас, пожалуй, почти полное отсутствие крови; всего несколько капель выступило на поверхности пореза, и Рорану был отчетливо виден желтоватый слой подкожного жира, а под ним виднелась темно-красная, цвета сырой оленины, плоть мышцы.

Роран, хоть и привык к тому, какой страшный ущерб человеческому телу способны нанести мечи, копья и другое оружие, все-таки с отвращением смотрел на собственную рану. Он уже не раз бывал ранен в сражениях – особенно сильно, когда один из раззаков укусил его в плечо во время похищения Катрины из Карвахолла, – но никогда еще не получал такой странной и *длинной* раны.

– Болит? – спросил Карн.

Роран покачал головой:

– Нет. – Но в горле почему-то стоял комок, а сердце, и без того бешено бившееся после схватки, теперь вдруг застучало с удвоенной скоростью, так что казалось, между ударами совсем нет перерывов. «Неужели нож был отравлен?» – подумал Роран.

– Роран, тебе нужно расслабиться, – сказал Карн. – Я думаю, что сумею тебя исцелить, но сделать это будет значительно труднее, если ты потеряешь сознание.

Взяв Рорана за плечо, он подвел его к топчану, который Хамунд притащил из какой-то палатки. Роран послушно сел и спросил с каким-то странным дрожащим смешком:

– И как же мне расслабиться?

– Дыши глубоко и воображай, будто с каждым выдохом погружаешься все глубже в землю. Поверь мне, это должно помочь.

Роран сделал, как ему велели, но на третьем выдохе мышечный спазм прошел, и из раны хлынула кровь, забрызгав Карну лицо. Маг отвернулся и выругался. Горячая кровь ручьем лилась Рорану на живот, и это казалось ему особенно странным, поскольку самому ему было очень холодно, его бил озноб.

– Вот теперь, пожалуй, действительно больно, – прошипел он, скрипнув зубами.

– Быстрее! – крикнул Карн Дельвину, который мчался к ним с бинтами и прочими вещами для перевязки. Когда он вывалил все это на край топчана, Карн пучком корпии промокнул кровь, а другим пучком заткнул рану, на какое-то время приостановив кровотечение. – Ложись, – велел он Рорану.

Роран подчинился, а Хамунд ловко подставил Карну табурет; тот сел, одной рукой продолжая прижимать комок корпии к ране, затем щелкнул пальцами свободной руки и велел:

– Откупорите горшок с медом и давайте сюда.

Как только Дельвин передал ему сосуд, Карн посмотрел Рорану прямо в глаза и сказал:

– Сперва мне нужно очистить рану, а потом я запечатаю ее с помощью заклинания. Ты меня понял?

Роран кивнул и попросил:

– Дайте мне что-нибудь – я зубами закушу.

Послышалось звяканье пряжек, и кто-то – то ли Дельвин, то ли Хамунд – протянул ему широкий ремень, на каком у варденов обычно висел меч. Роран сунул ремень между зубами и что было силы закусил его.

– Давай! – промычал он Карну.

Карн тут же отнял промокшую насквозь корпию от раны и одним движением опрокинул на нее мед. Сильная струя моментально смыла прилипшие волосы, засохшую кровь и прочую грязь, однако жгучая боль, вызванная столь неожиданным применением хмельного напитка, была так сильна, что Роран приглушенно застонал и выгнулся дугой, царапая ногтями доски лежака.

– Все, дело сделано, – успокоил его Карн и отставил кувшин в сторону.

Роран смотрел в звездное небо, чувствуя, как дрожит у него каждый мускул, и стараясь не думать о боли. А Карн, наложив на рану руки, начал тихо, нараспев, произносить какие-то фразы на древнем языке.

И уже вскоре – через несколько секунд, хотя Рорану эти секунды показались долгими минутами, – где-то глубоко в груди он почувствовал сильное, почти невыносимое жжение: это начинало действовать исцеляющее заклятие Карна. В груди все сильнее свербело, и Рорану страшно хотелось почесаться. Это ощущение поднималось все выше к поверхности кожи и там наконец исчезло; вместе с ним исчезла и боль. Однако и новое ощущение, возникшее на месте ранения, было настолько неприятным, что Роран, хоть и старался не чесаться, невольно исцарапал себя до крови.

Закончив свою работу, Карн тяжело вздохнул и как-то устало осел, подперев голову обеими руками.

Заставив свои непокорные конечности повиноваться, Роран перекинул ноги через край топчана и спустил их на землю. Потом провел рукой по груди. Кожа под волосами была совершенно гладкой! Совершенно! Как будто там никакой раны и не было! Словно этот одноглазый убийца и не пробирался к нему в палатку!

Магия...

В стороне стояли, не сводя с Рорана глаз, Дельвин и Хамунд. У обоих на лице было написано крайнее изумление. А Роран-то думал, что только ему произошедшее здесь кажется чудом!

– Все в порядке, можете спокойно ложиться спать, – сказал он и махнул им рукой. – Нам через несколько часов выходить, и мне нужно, чтобы все вы были бодрыми.

– А сам-то ты будешь бодр? Ты уверен, что в состоянии завтра вести отряд? – спросил Дельвин.

– Конечно! – солгал Роран. – Ладно, спасибо за помощь, а теперь ступайте. Да и мне отдохнуть не помешает. Что вы тут кудахчете оба, точно курицы-несушки?

Когда они ушли, Роран потер лицо и посмотрел на свои дрожащие, перепачканные кровью руки. Он чувствовал себя совершенно измотанным. Опустошенным. Словно за несколько минут проделал работу, на которую требуется неделя.

– Ты хоть на ногах-то завтра устоять сможешь? – спросил он у Карна. Тот пожал плечами:

– Не особенно твердо, но смогу, наверное... За такие вещи всегда приходится платить.

Не могли же мы идти в бой без тебя!

Роран спорить не стал, только попросил Карна:

– Ты бы пошел да отдохнул немного. Рассвет уже близко.

– А ты?

– А я, пожалуй, вымоюсь, найду чистую рубаху и встречу с Балдором: надо выяснить, не обнаружил ли он на территории лагеря еще убийц, подосланных Гальбаториксом.

– Ты что же, и ложиться не собираешься?

– Нет. – И Роран опять невольно почесал грудь ногтями и сам же себя сердито обругал за это. – Понимаешь, мне и до того не спалось, а уж теперь...

– Понимаю. – Карн медленно поднялся с табурета. – Я буду в своей палатке, если что.

Роран смотрел, как он тяжелой походкой бредет во тьме к своей палатке, а потом закрыл глаза и стал думать о Катрине, пытаясь успокоиться. Через некоторое время, собрав остатки сил, он встал, подошел к поваленной палатке и стал рыться в ее недрах, пока не вытащил наружу узел с одеждой, оружие, доспехи и бурдюк с водой. Все это время он старался даже не смотреть в сторону мертвого убийцы, хотя тот порой все же попадался ему на глаза.

Под конец, опустившись на колени и глядя в сторону, Роран выдернул из груди трупа свой кинжал. Клинок вынулся легко, с легким шелестом, какой бывает, когда металл задевает за кость. Роран хорошенько отряхнул кинжал и услышал, как на землю упало несколько тяжелых капель.

В холодной ночной тиши Роран начал медленно готовиться к грядущему сражению. Сперва он отыскал Балдора, и тот заверил его, что больше никому мимо часовых пробраться в лагерь не удалось. Затем Роран обошел весь лагерь по периметру, проверяя каждую мелочь, связанную с завтрашним штурмом Ароуза. И только после этого он отыскал на кухне половину холодного цыпленка, оставшуюся с обеда, и стал с наслаждением обглаживать каждую косточку, задумчиво глядя на звездное небо.

Но что бы он ни делал, перед глазами у него все время стоял тот славный парнишка, что теперь лежал мертвым возле его растерзанной палатки.

«Кто же все-таки решает, что один человек должен жить, а другой – умереть? Моя жизнь стоила ничуть не больше жизни этого мальчика, однако именно его закопали в землю, а мне предстоит еще по крайней мере несколько часов с наслаждением эту землю топтать. А все она, удача, случайная и жестокая! Или, может, у судьбы все-таки есть какой-то свой план, какая-то своя цель, пусть даже они и недоступны нашему пониманию?»

Огненная мука

– Ну что, ты рад, что у тебя теперь сестренка появилась? – спросил Роран у Балдора, когда они бок о бок ехали к ближайшей мельнице. Вокруг царили те сероватые утренние сумерки, которые обычно предшествуют рассвету.

– Да чему там особенно радоваться-то? Она и сама пока что не больше котенка. – Балдор натянул поводья, ибо его лошадь попыталась свернуть в сторону, соблазненная каким-то кустиком сочной травы. – Странно как-то – после стольких лет в семье вновь маленький ребенок появился. А уж братик или сестричка, это нам с Олбрихом все равно.

Роран кивнул и, оглянувшись через плечо, внимательно посмотрел назад, желая убедиться, что его пеший отряд в шестьсот пятьдесят человек от них не отстал. У мельниц Роран спешил и привязал коня к столбику возле самого низенького из строений. Одного вардена оставили с конями – он должен был отвести животных обратно в лагерь.

Роран подошел к каналу и спустился по деревянной лесенке, вделанной в глинистый берег, к самой воде. Затем поднялся на корму одной из четырех барж, выстроившихся у берега в ряд.

Баржи были больше похожи на грубые плоты, а не на те большие лодки-плоскодонки, которыми пользовались на всем побережье от Нарды до Тирма, и это было особенно хорошо, потому что у барж не было ни острого носа, ни выступающей кормы. Их довольно легко оказалось скрепить в единую цепочку с помощью досок, гвоздей и веревок. Получилось некое довольно прочное, хотя и странное, плавучее сооружение в пятьсот футов длиной.

Куски слоистой слюды, которые в вагонетках уже доставили из шахты на берег канала, лежали штабелем на носу головной баржи и вдоль ее бортов, а также вдоль бортов второй баржи. Поверх слюды вардены навалили мешки с мукой, которую нашли в мельничном амбаре. Там, где штабель слюдяных пластов – высотой примерно по пояс человеку – кончался, его продолжали выложенные в ряд мешки с мукой, два мешка в ширину и пять в высоту.

Невероятный вес слюдяных пластов и плотно набитых мукой мешков в сочетании с весом самих барж превращал это плавучее сооружение в массивный водный таран, который, как надеялся Роран, будет способен пробить ворота на том конце канала с такой легкостью, словно они сделаны из гнилых веток. Даже если ворота заколдованы – хотя Карн и убеждал его, что это так, – Роран полагал, что никому из магов, кроме, разумеется, самого Гальбаторикса, не под силу будет отвести стремительную мощь этого удара, тем более что баржи будут двигаться вниз по течению и успеют изрядно разогнаться.

Кроме того, груды слюдяных пластов и мешков с мукой должны были защитить варденов от копий, стрел и прочих опасных предметов.

Роран осторожно прошелся по качающимся палубам до самого носа передней баржи, прислонил копьё и щит к штабелю, повернулся и стал смотреть, как его люди размещаются между двумя защитными валами.

С каждым человеком, ступавшим на борт, тяжело нагруженные баржи оседали все глубже, и в итоге верхняя часть их бортов качалась всего на несколько дюймов выше поверхности воды.

Карн, Балдор, Хамунд и Мандель присоединились к Рорану, решив, не сговариваясь, занять самое опасное место на этом плавучем таране. Если варденам предстояло с боем пробиваться в Ароуз, то для этого им потребуется чрезвычайное везение и умение, и никто из этой четверки не хотел доверить столь важное дело кому бы то ни было другому.

В задней части плавучего тарана Роран заметил Бригмана, окруженного людьми, прежде находившимися у него под началом. После того как накануне Бригман практически отказался повиноваться Рорану, тот сильно его унизил, отправив в палатку под арест. Однако Бриг-

ман упросил Рорана позволить ему участвовать в последнем штурме Ароуза, и Роран, хотя и неохотно, все же согласился. Бригман прекрасно владел мечом, а в грядущем сражении каждый клинок был на счету.

Однако сомнения не оставляли Рорана: правильно ли он поступил? Сейчас он был совершенно уверен, что эти люди ему верны, но все же именно Бригман командовал ими столько месяцев подряд, а такие отношения, скрепленные кровью павших, разорвать не так-то легко. Даже если Бригман и не станет теперь мутить воду, он тем не менее уже один раз проявил свой строптивый нрав, так что вполне может снова отказаться выполнять приказы Рорана.

«Если только он вздумает дать мне очередной повод для недоверия, я прикончу его прямо на месте!» – решил Роран, сознавая, впрочем, что это решение – всего лишь пустая угроза. Если Бригман действительно пойдет против него, то сделает это, по всей вероятности, в самый разгар схватки, и Роран вполне может ничего не заметить до тех пор, пока не станет слишком поздно...

Наконец все воины, кроме шестерых, погрузились на баржи, и Роран, сложив руки рупором, крикнул:

– Все, можно отчаливать!

Два человека поднялись к шлюзовым воротам на вершине холма. Эти ворота замедляли и удерживали напор воды в канале, куда она собиралась из болотистых бочагов и озер, расположенных к северу от Ароуза. На двадцать футов ниже того места, где сейчас стояли баржи, находилось первое мельничное колесо и первая запруда, также снабженная шлюзом, на верхнюю кромку которого взобрались еще двое варденов. Еще на двадцать футов ниже находилось второе мельничное колесо и вторая глубокая запруда. И у дальнего края этой запруды был третий шлюз и третье, последнее, мельничное колесо. От этого места вода в канале текла размеренно и спокойно, пока не достигала Ароуза.

В шлюзы были вделаны три пары ворот, которые Роран тогда, во время своего первого посещения мельниц, потребовал закрыть. За это время его люди, действуя лопатами и топорами и ныряя под воду, становившуюся все глубже, подрубили крепеж шлюзов на боках, так что теперь они держались лишь за счет небольшого слоя земли, который сильному потоку воды размывать ничего не стоило. В помощь себе вардены вбили в землю по обе стороны шлюзовых ворот длинные крепкие ваги.

Люди, стоявшие у средних и верхних шлюзовых ворот, дружно взялись за эти ваги, торчавшие на несколько футов над берегом, и принялись их методично раскачивать. В полном соответствии с задуманным планом те двое, что стояли у нижнего шлюза, выждали несколько минут, прежде чем тоже взялись за ваги.

Роран невольно вцепился в мешок с мукой, наблюдая за их действиями. Если они ошиблись в расчетах хотя бы на несколько секунд, беда неминуема.

Прошла минута, но ничего не произошло.

Вдруг с грозным грохотом самые верхние ворота отворились, сам шлюз развалился, земля у его боков стала осыпаться, и огромная масса глинистой воды хлынула на мельничное колесо, и оно закрутилось намного быстрее, чем это было допустимо.

Когда шлюз рухнул, люди, стоявшие на его верхнем краю, поспешили спрыгнуть на берег, однако же приземлились они всего в нескольких дюймах от опасного потока воды.

Фонтан брызг высотой футов тридцать, а то и больше взлетел над гладкой черной поверхностью второго пруда, находившегося ниже колеса, и грозная волна в несколько футов высотой устремилась ко второму шлюзу.

Заметив ее, двое воинов, находившихся на второй перемычке, поспешили оттуда убраться и тоже перепрыгнуть на безопасный твердый берег.

И вовремя. Когда эта волна ударила по второму шлюзу, специально оставленный хлипкий крепеж разлетелся, и шлюзовые ворота буквально снесло потоком, словно их лягнул зад-

ней лапой могучий дракон, и вода вперемешку с кусками шлюза бешеным потоком понеслась вниз, с куда большей силой ударив по второму колесу. Затрещали доски и бревна. Тогда-то Рорану впервые и пришла в голову мысль, что и это колесо, и все остальные тоже могут оторваться, и тогда серьезная опасность будет грозить и людям, и баржам, что в свою очередь может положить конец штурму Ароуза еще до его начала.

– Отчаливайте скорей! – крикнул он.

Один из варденов перерубил канат, которым баржи были причалены к берегу, остальные схватили длинные, в десять футов длиной, шесты, которыми стали с силой отталкиваться от берега и дна канала.

Тяжело нагруженные баржи дюйм за дюймом ползли вперед, но набирали скорость куда медленней, чем того хотелось бы Рорану.

Но те двое, что стояли на нижней перемычке шлюза, никуда не ушли, даже когда на них обрушилась водная лавина, и продолжали налегать на ваги, воткнутые в ослабленный крепеж стенок. Лишь менее чем за секунду до того, как шлюз под напором воды содрогнулся и просел, эти люди бросились прочь.

Вода пробила дыру в земляной насыпи так легко, словно она была сделана из размокшей хлебной мякоти, и ударила по последнему мельничному колесу. Крепеж содрогнулся – звук был такой громкий и резкий, точно на озере хрустнул толстый зимний лед, – колесо покачнулась и сильно накренилось, но, к облегчению Рорана, устояло. Затем с громоподобным ревом стена воды ударила в основание холма, по террасам которого и был проложен канал, и над ней, точно густой дым, повисло облако водяной пыли.

Порыв ледяного ветра хлестнул Рорана по лицу, хотя он находился более чем в двухстах футах ниже по течению.

– Скорей! – закричал он тем, что с помощью шестов направляли баржи, когда безумный вращающийся поток воды вылетел из складок тумана и, крутясь, понесся по руслу канала.

Поток настигал их с невероятной скоростью. Когда он ударил в корму последней из четырех скрепленных барж, все сооружение как бы прыгнуло вперед; Рорана и многих других, стоявших на носу, прямо-таки швырнуло на палубу. Несколько мешков с мукой полетели в воду, а некоторые мешки покатались по палубе на людей.

Когда мощное течение приподняло корму самой задней баржи, все пятисотфутовое сооружение начало крениться набок, и Роран понял, если этот крен еще усилится, они очень скоро ударятся о берег канала, а потом поток мгновенно разъединит баржи и разнесет их на куски.

– Держите курс! – взревел он, вскакивая с мешков, на которые рухнул после удара волны. – Не давайте баржам свернуть, не то они разобьются о берег!

Услышав его голос, сразу несколько воинов бросились, оскальзываясь, к рулевому веслу и выправили кренящееся судно, отведя его почти на самую середину канала, подальше от пологих берегов. Вскочив на груды слюдяных плит и мешков с мукой, Роран громко указывал им, в какую сторону править, и совместными усилиями они выровняли баржи и повели их по изгибающемуся руслу канала.

– Удалось! – воскликнул Балдор, и лицо его осветила блаженная, глуповатая улыбка.

– Не каркай! – предупредил его Роран. – Нам еще плыть да плыть.

Небо на востоке уже успело стать соломенно-желтым, когда они проплывали мимо своего лагеря; теперь до Ароуза было не более мили. При той скорости, которую они успели развить, они должны были достигнуть города еще до восхода солнца, надеясь, что серые тени, что лежали на земле и на воде канала, помогут скрыть баржи от часовых, выставленных на стенах и башнях.

Хотя основная масса воды уже пронеслась мимо них, баржи все еще набирали скорость, приближаясь к лежащему ниже по течению городу, и не было ни одного холма или бугорка на их пути, способного замедлить их продвижение.

– Послушайте меня все! – крикнул Роран, складывая ладони рупором и максимально повышая голос, чтобы на всех баржах его могли услышать. – Мы можем попадать в воду, когда баржа ударит во внешние ворота, так что приготовьтесь к этому и постарайтесь выплыть, даже если это и будет непросто. Пока мы будем барахтаться в воде, мы будем представлять собой весьма легкую мишень. Но как только окажемся на берегу, у нас должна быть только одна цель: прорваться к внутренней стене до того, как стража додумается закрыть внутренние ворота. Потому что если они успеют это сделать, нам Ароуз уже никогда не взять. Если же нам удастся прорваться за вторые ворота, то уж там мы как-нибудь отыщем лорда Холстеда и заставим его сдаться. А если нам это не удастся, мы закрепимся в центре города и будем продвигаться постепенно, улица за улицей, пока весь Ароуз не окажется в наших руках.

Помните: противник значительно превосходит нас численностью, по крайней мере раза в два, так что старайтесь держаться как можно ближе друг к другу, прикрываясь щитами, и все время будьте начеку. Никуда поодиночке не отходите! И не позволяйте, чтобы какую-то группу отрезали от основного войска. Воины гораздо лучше нас с вами знают улицы своего города и, по всей вероятности, будут устраивать ловушки и засады в местах, где мы меньше всего этого ожидаем. Если все-таки кто-то случайно отстанет от остальных, пусть движется по направлению к центру города, потому что именно туда направимся и все мы.

Вардены! Сегодня мы с вами нанесем Империи мощный удар. Сегодняшний день – в случае нашего успеха – сулит нам такую славу, о какой мы и не мечтали. Сегодня... Сегодня мы вырежем свою метку на лице истории! В ближайшие несколько часов мы с вами попытаемся совершить такой подвиг, который барды и сказители будут воспевать и сотни лет спустя! Думайте о своих товарищах. Думайте о своих семьях, о родителях, о женах, о детях и сражайтесь в полную силу, ибо сражаемся мы за них! За них и за свободу!

В ответ раздался дружный рев:

– За них и за свободу!

Роран сознательно привел людей в состояние крайнего возбуждения, а потом поднял руку и приказал:

– Щиты!

И все вардены, как один, присели и подняли свои щиты, прикрывая себя и своих товарищей, так что центральная часть этого своеобразного тарана была словно одета в чешуйчатую кольчугу, выкованную для какого-то великана.

Удовлетворенный этим зрелищем, Роран спрыгнул с груды мешков и посмотрел на Карна, Балдора и остальных своих товарищей, с которыми странствовал и сражался бок о бок от самой Белатоны. Самый молодой из них, Мандель, выглядел несколько напряженно, но Роран знал, что нервы у него достаточно крепкие.

– Готовы? – спросил он у своей четверки, и все утвердительно закивали, а сам Роран вдруг рассмеялся. А когда Балдор потребовал, чтобы он объяснил, в чем дело, сказал:

– Если б мой отец мог видеть меня сейчас!

И Балдор, понимающе кивнув, тоже рассмеялся.

Роран не сводил глаз со стремнины. Когда этот бешеный поток ворвется в город, солдаты, разумеется, сразу заподозрят, что тут что-то не так, и поднимут тревогу. Он и хотел, чтобы они подняли тревогу, но немного позже и не по этой причине. Когда оказалось, что основная волна уже в пяти минутах от Ароуза, он махнул рукой Карну и сказал:

– Пора, посылай сигнал.

Заклинатель кивнул и нахохлился. Губы его двигались, образуя странные звуки древнего языка. Через несколько минут он выпрямился и сказал:

– Готово.

Роран посмотрел на запад. Там, на поле перед Ароузом, стояли катапульты, баллисты и осадные башни варденов. Осадные башни так и остались неподвижными, но другие орудия были приведены в движение, и из них в древние белые стены города полетели камни и дротики. Роран прекрасно знал, что именно в эту минуту пятьдесят человек из его войска на дальнем конце города дружно подули в трубы и принялись, издавая воинственные кличи, стрелять подожженными стрелами и делать все возможное, чтобы отвлечь на себя внимание защитников города, как если бы именно они – войско куда большего размера – и начали штурм.

Все шло по плану, и Рорана вдруг охватило глубочайшее спокойствие. Бой вот-вот должен был разразиться. Многим людям предстояло умереть.

И он вполне мог стать одним из тех, кому суждено погибнуть.

Но понимание этого отчего-то придавало особенную ясность мыслям. Исчезли даже малейшие следы былой измотанности. Исчезла слабость в коленях, изводившая его с тех пор, как этот «друг» покушался на его жизнь. Пожалуй, ничто не способно было вызвать в нем большего вдохновения и придать большей смелости, чем предвкушение битвы – ни еда, ни смех, ни работа руками, ни даже любовь. И хотя Роран ненавидел войну, он не мог отрицать, что сражение с врагом обладает поистине притягательной силой. Он никогда не хотел быть воином, но все-таки стал им и теперь был решительно настроен победить любого, кто встанет у него на пути.

Присев на корточки, Роран вглядывался в щель между острыми неровными краями двух слюдяных пластин, не сводя глаз с быстро приближавшихся ворот, которые преграждали им путь. Сверху, примерно до уровня воды – а сейчас даже несколько ниже, ибо вода в канале существенно поднялась, – ворота были сделаны из мощных дубовых брусьев, почерневших от времени и сырости. А ниже водной поверхности, как Рорану было известно, было нечто вроде решетки из железных и деревянных брусьев, похожей на решетку обычных ворот. Это было устроено специально, чтобы ничто не препятствовало свободному проходу воды. Верхнюю часть ворот проломить будет труднее всего, а вот нижнюю решетку, как догадывался Роран, долгие годы пребывания в воде должны были здорово ослабить, и если удастся разом проломить ее хотя бы частично, то и разрушить верхнюю, дубовую, часть ворот будет значительно легче. Для этого он приказал прикрепить к днищу ведущей баржи два крепких бревна в качестве тарана. Этот подводный таран должен был ударить по нижней части ворот, и сразу же нос баржи следом ударил бы по их верхней части.

Придуманно было неплохо, вот только сработает ли этот план, Роран поручиться не мог.

– Готовься! – прошептал он скорее себе самому, чем кому бы то ни было еще, когда ворота оказались совсем близко.

Несколько воинов на корме все еще продолжали направлять баржи, отталкиваясь шестами, но остальные уже скрылись под сплошным панцирем щитов.

Разверстая пасть ворот нависла над ними, точно вход в гигантскую сводчатую пещеру. Когда нос передней баржи скользнул в тень этой арки, Роран успел увидеть, как над краем стены над ними появилась физиономия какого-то солдата, круглая и белая, как луна. Солдат, глядя на них с высоты футов в тридцать, даже рот раскрыл от ужаса и изумления.

Роран выругался, но баржи неслись так быстро, что изумленное лицо солдата мгновенно скрылось, и они оказались в холодном и темном туннеле со сводчатым потолком, а нос передней баржи ударил в ворота.

Сила удара была такова, что Рорана прямо-таки швырнуло на штабель слюдяных пластов, за которым он присел на корточки. Он здорово ударился головой о камень, и, хотя на нем был шлем, а под шлемом еще и мягкая шапочка, в ушах сразу загудело. Палуба сотрясалась и двигалась, и даже сквозь шум в ушах Роран слышал, как трещит и ломается обшивка баржи, как взвизгивает металл.

Одна из слюдяных плит сползла и рухнула прямо на Рорана, царапая ему руки и плечи. В приливе какой-то яростной силы он швырнул плиту за борт, и она разлетелась на куски, ударившись о стену туннеля.

В окружавшем их полумраке было непросто разглядеть, что творится вокруг; все превратилось в какой-то движущийся и гудящий хаос. Вода заливала Рорану ноги, и он понял, что баржа сильно просела, но не был уверен, потонет она или нет.

– Дайте мне топор! – крикнул он, протягивая руку, но не оглядываясь. – Топор! Дайте мне топор!

Он чуть не упал, когда баржа вдруг словно прыгнула вперед. Ворота прогнулись, но все еще держались крепко. Со временем усиливавшееся давление воды могло, конечно, протолкнуть баржу в ворота, но ждать, когда природа возьмет свое, вардены не могли.

Когда кто-то сунул Рорану в руку гладкое топорщице, в потолке туннеля открылись шесть светящихся прямоугольников – это были люки, предназначенные для защитников туннеля. Потом в люках что-то мелькнуло, и тяжелые арбалетные стрелы с шипением полетели в находившихся на баржах людей, с глухим стуком вонзаясь в дерево щитов и судовой обшивки.

Кто-то пронзительно вскрикнул.

– Карн! – вскричал Роран. – Сделай же что-нибудь!

Заклинатель тут же что-то забормотал, а Роран, оставив его, пополз по кренящейся палубе на нос судна, перебираясь через слюдяные груды и мешки с мукой. Баржа еще на несколько дюймов продвинулась вперед. Центральная часть ворот стонала и содрогалась, в дубовых балках появились широкие трещины, сквозь которые пробивался яркий дневной свет.

Стрела чиркнула по слюдяной плите рядом с правой рукой Рорана, и в воздухе почувствовался отчетливый запах железа, с силой ударившегося о камень.

Роран пополз быстрее.

Но в тот самый миг, когда он оказался на носу баржи, пронзительный, скрежещущий, разрывающий барабанные перепонки звук заставил его заткнуть уши руками и отскочить назад.

Тяжелая волна обрушилась на него, на мгновение ослепив, и он, старательно моргая и протирая глаза, сумел все же разглядеть, что часть ворот рухнула в канал, и теперь баржа, пожалуй, уже могла бы протиснуться в город, но прямо над носом судна торчали острые обломки дерева, готовые пронзить любого насквозь.

Роран мгновенно откатился за груды слюды, проревел во все горло: «Головы вниз!», и сам лег плашмя и прикрылся щитом.

А баржи скользнули по водам канала дальше, уходя от смертельно опасных арбалетных стрел, и вскоре Роран увидел, что они выплыли в какое-то громадное помещение с каменными стенами, освещенное факелами.

В дальнем конце этого гигантского помещения виднелись еще одни ворота, на этот раз сверху донизу решетчатые, и за ними Роран разглядел городские улицы и здания.

Вдоль обеих боковых стен помещения тянулись длинные каменные перроны, служившие для погрузки и разгрузки грузов. С потолка свисали лебедки, канаты и пустые клетки, а возле каждого из причалов стоял на возвышении мощный подъемный механизм. В передней и задней части помещения имелись просторные проходы и лестницы, ведущие на мостики, позволявшие людям переходить над водой с одного перрона на другой. Проход, находившийся в задней части помещения, вел, по всей видимости, также и в караульную будку, и на городскую стену, где размещалась стража. Именно оттуда, скорее всего, и свешивалась физиономия того часового, которого успел увидеть Роран.

Отчаяние охватило Рорана, когда он увидел опущенную решетку вторых ворот. Он-то надеялся, что им удастся проплыть напрямик в город и избежать этой, явно хорошо охраняемой, ловушки.

«Ну, теперь делать нечего!»

Из караульных помещений уже толпой выбегали солдаты, одетые в алые плащи, и, опустившись на колени, тут же принимались стрелять из арбалетов по баржам, готовясь к их захвату.

– Причаливай! – крикнул Роран, махнув рукой в сторону левого причала. Вардены с помощью шестов стали подталкивать застрявшие баржи к причалу, прикрываясь щитами; из этих щитов уже торчали десятки тяжелых стрел, отчего вся эта группа напоминала огромного дикобраза.

Когда баржа приблизилась к каменному перрону, двадцать защитников канала, выхватив мечи, бросились туда, желая помешать варденам покинуть баржи.

– Скорей! – закричал Роран.

В эту минуту арбалетная стрела пробила его щит и своим мощным остроконечным наконечником, пронзив полторадюймовое дерево, задела ему предплечье. Он споткнулся, но устоял, понимая, что через секунду в него полетят новые стрелы, а потом прыгнул на причал. Приземлился он довольно неловко, сильно ударившись коленом о камень, но все же успел выхватить из-за пояса молот, прежде чем солдаты накинлись на него.

Роран встретил их со смешанным чувством облегчения и какой-то дикарской радости. Он смертельно устал от всех этих хитроумных планов и бесконечной тревоги, связанной с возможностью неудачного исхода предполагаемых действий. А тут наконец-то была честная драка, а не какие-то крадущиеся во тьме убийцы, и он мог сам сражаться и убивать.

Стычка была короткой, но яростной и кровавой. Уже в первые несколько секунд Роран положил или, по крайней мере, обездвижил троих. Затем к нему присоединились Балдор, Дельвин, Хамунд, Мандель и несколько других варденов, помогая отгонять стражников от причала.

Мечом Роран владел плоховато, так что фехтовать он и не пытался. Вместо этого он позволял стражникам сколько угодно рубить мечами его щит, а в ответ ломал им кости, время от времени взмахивая своим молотом. Иной раз, конечно, и ему приходилось парировать или даже наносить колющий удар кинжалом или мечом, но в целом он избегал обмениваться со своими противниками более чем несколькими ударами меча, потому что понимал: нехватка опыта и умения легко может оказаться для него смертельно опасной. Самым выгодным приемом, который он для себя открыл, был не какой-то особенно хитрый поворот меча или сложный обманный выпад – ведь для того, чтобы овладеть подобными приемами, нужно было годы тренироваться, – а простой перехват инициативы как раз в тот момент, когда противник этого никак не ожидал.

Выбравшись из гущи схватки, Роран сломя голову бросился к лестнице, ведущей на тот выступ над водой, где засели лучники, поливавшие варденов дождем стрел.

Прыгая через три ступеньки, он взлетел туда и первому же лучнику вдребезги разнес лицо, один раз взмахнув своим молотом. Следующий лучник, только что выпустивший стрелу и не успевший вложить новую, попросту бросил лук и выхватил короткий меч, понемногу отступая назад.

Но пустить свой меч в ход ему так и не удалось: Роран переломал ему ребра, нанеся сокрушительный удар в грудь.

Одним из главных преимуществ такого боя для Рорана было то, что, орудуя молотом, он не особенно задумывался, сколь мощны доспехи его противников. Его молот, этот слепой инструмент убийства, наносил противнику тяжкие повреждения просто силой своего удара, и речь о колотых или рубленых ранах просто не шла. Надо сказать, простота подобного подхода весьма Рорана устраивала.

А вот третий воин ухитрился-таки выпустить в него стрелу, и она, пробив щит, засела в нем до половины древка, едва не вонзившись Рорану в грудь. Стараясь держать торчавший из

щита острый наконечник подальше от себя, Роран кинулся на стрелявшего и ударил его молотом по плечу. Тот заслонился арбалетом, парируя удар, и Роран тут же использовал свой щит, нанеся его внешней стороной такой удар, что стражник с пронзительным воплем перелетел через ограждение и упал в воду.

Однако же этот маневр на несколько секунд оставил Рорана без прикрытия, и когда он обернулся к тем пятерых солдатам, которые еще оставались на выступе, то увидел, что трое из них целятся прямо ему в сердце.

И они выстрелили.

Но в тот миг, когда их стрелы уже должны были бы пронзить Рорана насквозь, они вдруг вильнули вправо и ударились о почерневшую каменную стену, точно огромные злые осы.

Роран понимал, что от смерти его спас Карн, и решил непременно как-то поблагодарить заклинателя, как только минует смертельная опасность.

Он ринулся на оставшихся солдат и расшвырял их в стороны серией яростных ударов, словно это были не люди, а гвозди, которые ему надо было забить своим молотом. Затем он отломил конец застрявшей в щите арбалетной стрелы и обернулся, пытаясь понять, что же происходит внизу.

Последний из защитников причалов как раз в эту минуту рухнул на залитый кровью пол, и его голова откатилась в сторону, а потом упала в канал, исчезнув под множеством пузырьков воздуха.

Примерно две трети варденов успели высадиться и теперь строились вдоль причала.

Роран уже открыл было рот, чтобы приказать им отойти подальше от воды – чтобы те, кто еще оставался на баржах, тоже смогли высадиться, – но тут распахнулись двери в стене слева, и в помещение ворвалась целая толпа вооруженных воинов.

«Черт побери! Откуда они взялись? И сколько их там?»

И Роран бросился к лестнице, чтобы помочь варденам отбить новую атаку, но Карн, по-прежнему стоявший на носу баржи, воздел вверх руки, а потом направил их в сторону ринувшихся в атаку солдат, выкрикнув несколько коротких яростных фраз на древнем языке.

И по его команде два мешка муки и один слюдяной пласт поднялись в воздух и полетели прямо в ряды наступающих, сразу сбив с ног по крайней мере дюжину. Потом мешки с мукой открылись, и на солдат облаком посыпалась белая мука, слепя их и не давая дышать.

А через секунду за спиной у них словно молния вспыхнула, и огромный огненный шар, черно-оранжевый, словно закопченный, пронесся сквозь мучное облако, жадно пожирая муку тонкого помола и издавая такой звук, словно на сильном ветру хлопала сразу сотня флагов.

Роран присел за своим щитом, чувствуя обжигающий жар незащищенными щеками, ибо этот огненный шар пронесся всего в нескольких ярдах от него. Вспыхивая в его свете, мусор и мука, превращаясь в пепел и медленно кружась, падали вниз черным дождем.

Наконец этот невероятный пожар угас, и Роран осторожно поднял голову. Струя горячего, отвратительно пахнущего дыма раздражала ноздри, щипала глаза, и, глянув вниз, он с изумлением увидел, что горит его собственная борода. Выругавшись, он бросил меч и принялся тушить крошечные проворные искорки, разбегавшиеся по волосам.

– Эй! – с притворным гневом крикнул он стоявшему внизу Карну. – Ты мне бороду поджег! Впредь будь осторожней, не то я тебе башку отрублю и на пик у надену!

Большая часть солдат, свернувшись клубком, лежала на земле, прикрывая руками обожженные лица. Другие пытались потушить горящую одежду или же, как слепые, ходили кругами, держа в руках оружие и пытаясь понять, где же противник. Вардены, похоже, отделались лишь небольшими ожогами – большинство их вообще находилось вне поля действия огненного шара, – однако эта неожиданная вспышка огня многих оставила в состоянии растерянности и неуверенности.

– Нечего стоять, разинув рот! Догоняйте этих жалких людишек и добивайте их, пока они по земле ползают и не успели снова в себя прийти! – крикнул Роран, взмахнув молотом и стукнув им по перилам, чтобы привлечь внимание своего несколько ошалевшего войска.

Теперь варденов оказалось уже значительно больше, чем стражников, и к тому времени, как Роран успел спуститься по лестнице, они успели уже положить по крайней мере три четверти защитников прохода.

Оставив своих вдохновленных успехом товарищей, Роран пробился к огромным двойным дверям на левом берегу канала – они были достаточно широки, чтобы в них могли пройти рядом две повозки, – и наткнулся на Карна, который сидел у основания подъемного механизма и что-то с аппетитом ел, доставая еду из кожаного мешочка, который всегда носил при себе. В этом мешочке, насколько знал Роран, Карн держал некую смесь жира, меда, истолченной в порошок говяжьей печени и сердца ягненка, а также каких-то ягод. Однажды Карн угостил его этой штуковиной, так его просто тут же и вырвало, но он знал: проглотив всего несколько кусочков этой отвратительной смеси, человек мог целый день не только держаться на ногах, но и заниматься тяжелым трудом.

Рорана встревожило, что заклинатель тем не менее выглядит совершенно обессиленным, и он заботливо спросил, останавливаясь возле Карна:

– Все в порядке?

Карн кивнул и сказал:

– Мне просто нужно немного подкрепиться... Сперва эти стрелы, потом мешки с мукой... – Он сунул в рот очередную порцию своей таинственной смеси. – Пожалуй, слишком много для одного раза.

Роран, чувствуя огромное облегчение, двинулся было дальше, но Карн схватил его за руку.

– Это не я, – сказал он, и в уголках его глаз собрались веселые морщинки. – Ну, насчет твоей бороды. Она, должно быть, от факела вспыхнула.

Роран что-то проворчал и бросился к огромным дверям.

– Стройся! – крикнул он, негромко ударив по щиту тупым концом своего молота. – Балдор, Дельвин, вы вместе со мной пойдете вперед. Остальные цепью следом за нами. Прикройтесь щитами, мечи наголо! Стрелы вложить в луки! Холстед, возможно, еще не знает, что мы в городе, так что не дайте никому уйти, чтоб не успели его предупредить... Ну что, готовы? Тогда вперед, за мной!

Вместе с Балдором, нос и щеки которого были совершенно красными, обожженными тем огненным шаром, они отперли двери и распахнули их, открывая варденам доступ в Ароуз.

Пепел и прах

Десятки больших домов с оштукатуренными стенами виднелись неподалеку от главных ворот и вдоль внешней крепостной стены там, где в Ароуз был выход канала. Все эти здания – холодные и неприступные с виду, с пустым взглядом черных окон – оказались пакгаузами или складами, так что, если учесть столь ранний час, людей здесь практически не было, а значит, не было и свидетелей схватки варденов с охранниками.

Но выяснять, так ли это, Роран все равно не собирался. Медлить было нельзя.

Веселые лучи всходящего солнца горизонтальными полосами ложились на город, золотили верхушки башен, зубцы крепостных стен, купола храмов и крытые черепицей крыши. А на улицах все еще лежали тени цвета черного серебра, и вода в канале казалась черной; на ее взбаламученной поверхности виднелись рыжеватые пятна крови. Где-то высоко над головой еще светилась одинокая звезда, точно странная искра на светлеющем голубом плаще небес, но блеск остальных полночных сокровищ солнце уже успело погасить.

Вардены бодрой рысцой продвигались по городу, шурша кожаными подошвами башмаков по булыжным мостовым.

Вдали пропел петух.

Роран вел своих бойцов, виляя меж тесно стоящими домами, к внутренней стене города, но не всегда выбирал тот путь, который казался наиболее очевидным или прямым: он стремился максимально уменьшить риск встречи с кем-то из горожан. Улочки, по которым они шли, были узкими и темными, и порой Роран даже толком не видел, куда ставит ногу.

Сточные канавы были до краев заполнены грязной жижей. Кругом царил такая вонь, что Рорану хотелось ругаться, и он мечтал о чистом воздухе родных полей, к которому так привык.

«И как только тут люди живут? – думал он. – Даже свиньи и то в собственное дерьмо не ложатся!»

Вдали от городской стены склады и прочие хозяйственные помещения сменились жилыми домами и магазинами: дома были высокие, с перекрещивавшимися балками, белеными оштукатуренными стенами и красивым чугунным литьем над дверными проемами. За закрытыми ставнями окнами Роран порой слышал голоса, звон посуды или скрежет стула по деревянному полу.

«У нас совсем мало времени, – думал он. – Еще несколько минут, и на улицах появятся обитатели Ароуза».

Словно во исполнение этого предсказания, двое мужчин вышли из какого-то переулочка и наткнулись прямо на колонну варденов. Оба горожанина тащили на плечах коромысла с полными ведрами свежего молока.

Они в полном изумлении остановились, увидев варденов, и затряслись от страха так, что молоко стало выплескиваться из ведер на землю. Глаза их расширились от ужаса, рты раскрылись, из горла явно рвался крик.

Роран остановился, и его отряд замер следом за ним.

– Если закричите, мы вас прикончим, ясно? – тихо и дружелюбно пообещал он горожанам.

Те, дрожа с головы до ног, чуть отступили.

А Роран, наоборот, шагнул к ним и прибавил:

– А если вздумаете бежать, мы вас тем более прикончим. – И, не сводя глаз с перепуганных молочников, он тихо окликнул Карна, а когда заклинатель подошел к нему, спросил: – Нельзя ли их ненадолго усыпить?

Заклинатель быстро произнес какую-то фразу, последнее слово которой Роран знал – «слитха», что на языке древних значит «спать». И оба горожанина, точно лишившись костей,

мешком рухнули на землю, а их ведра покатались по булыжной мостовой. Молоко рекой потекло по улице, белыми ручейками пробираясь между камнями.

– Оттащите их в сторонку, – сказал Роран, – чтобы их не сразу заметили.

Как только вардены оттащили бесчувственных молочников с дороги, он приказал всем снова двигаться дальше, разумно полагая, что нужно побыстрее добраться до внутренней городской стены.

Однако не прошли они и сотни футов, как за углом наткнулись на четверых воинов Гальбаторикса.

На этот раз Роран милосердия не проявил. Он рванулся к солдатам и, пока те соображали, что происходит, ударил молотом по затылку того, кто шел впереди. А второго солдата рубанул мечом Балдор, одним ударом развалив его пополам. Подобную силищу он обрел, разумеется, у отца на кузне, много лет махая там молотом.

Оставшиеся двое солдат от ужаса присели, потом развернулись и побежали.

Но стрела, просвистев у Рорана над плечом, вонзилась одному из бегущих в спину, и тот упал. А потом Карн рявкнул: «Джирда!» (Это слово Роран тоже знал, оно означало «сломись!»), и шея четвертого солдата с отчетливым хрустом надломилась; он упал ничком да так и остался лежать без движения посреди улицы.

Однако тот солдат, у которого из спины торчала стрела, пронзительно закричал:

– Вардены! Здесь вардены! Трубите тревогу! И...

Метнув кинжал, Роран угодил ему прямо в горло. Потом вытащил клинок, вытер его об одежду мертвого солдата и сказал:

– Ну, все. Теперь скорее вперед!

И вардены дружно ринулись к внутренним стенам крепости.

Когда они были от нее всего в каких-то ста футах, Роран остановился в каком-то переулке и поднял руку, призывая людей подождать немного. Потом осторожно выглянул из-за угла, осматривая крепостные ворота. Их решетка была прочно укреплена в высокой гранитной стене, а сами ворота были заперты.

Слева от ворот, правда, имелась небольшая дверца, служившая для потайных вылазок. Она была открыта настежь, и Роран увидел, как оттуда выбежал солдат в алом плаще и поспешил куда-то в западную часть города.

Выругавшись себе под нос, Роран продолжал наблюдать за дверцей. Он вовсе не намерен был сдаваться, тем более теперь, когда им удалось-таки пробиться в город, однако их положение с каждой минутой становилось все более опасным. Вскоре должен был закончиться комендантский час, люди выйдут на улицу, и, разумеется, всем сразу станет известно, что вардены в городе.

Он снова спрятался за угол дома и, опустив голову, попытался найти выход из сложившейся ситуации.

– Мандель, – сказал он, щелкнув пальцами, – Дельвин, Карн и вы трое. – Он указал на троих варденов весьма свирепого вида – все они были уже не молоды, так что, как ему казалось, должны были бы иметь опыт в сражениях. – Идемте со мной. Ты, Балдор, остаешься за командира. Если мы не вернемся, постарайтесь поскорее укрыться в безопасном месте. Это приказ.

Балдор мрачно кивнул.

Роран и шесть отобранных им воинов двинулись по обе стороны переулка, ведущего к воротам, пока не добрались до усыпанной мусором насыпи под стеной. Отсюда до ворот было, наверное, шагов пятьдесят, а до той открытой дверцы – рукой подать.

На каждой из двух надвратных башен обычно торчали часовые, но в данный момент ни одного видно не было. К тому же теперь Роран и его товарищи были так близко от стены, что увидеть их можно было бы, только перевесившись через парапет башни.

– Как только мы войдем вон в ту дверцу, – шепотом сказал Роран, – ты, ты и ты, – он указал на Карна, Дельвина и одного из незнакомых ему варденов, – двигайте к дальней сторожевой будке, по ту сторону ворот, а мы втроем возьмем эту, ближнюю. Делайте, что хотите, но *ворота должны быть открыты!* Там, наверно, всего и нужно-то одно колесо повернуть. А может, и всем придется на него навалиться. Так что не вздумайте рисковать, я вам умирать возле самых ворот не приказывал. Ну что, готовы? *Вперед!*

И Роран, двигаясь совершенно бесшумно, метнулся вдоль стены и, резко свернув, исчез в открытой боковой дверце.

За нею он попал в какое-то продолговатое помещение футов в двадцать длиной, выходявшее на просторную площадь с фонтаном, в центре которого в воздух поднимались три струи воды. Через площадь то и дело поспешно пробегали какие-то люди в красивой одежде, некоторые из них прижимали к груди какие-то свитки.

Не обращая на них внимания, Роран свернул к караулке, которая была заперта, и осторожно взломал замок, воздержавшись от того, чтобы попросту выбить дверь пинком ноги. В одной из стен грязноватого караульного помещения виднелась ведущая наверх винтовая лестница.

Роран взлетел по ней и уже через пару поворотов оказался в комнате с низким потолком, где за столом сидели пятеро солдат. Они курили и играли в кости, а сам стол был придвинут к огромному вороту с цепями толщиной, наверное, с руку Рорана.

– Приветствую вас! – громко и уверенно сказал Роран. – У меня для вас чрезвычайно важное сообщение.

Солдаты с изумлением посмотрели на него и вскочили, отталкивая скамьи, на которых сидели. Деревянные ножки скамей отвратительно заскрипели по полу.

Но их короткого замешательства вполне хватило, чтобы Роран успел преодолеть расстояние между дверью и столом.

Солдаты попытались было выхватить оружие, но Роран с ревом обрушился на них и, размахивая молотом, вскоре загнал всех пятерых в угол. Через минуту рядом с ним оказались Мандель и остальные двое варденов с мечами наголо. Вместе им ничего не стоило расправиться с охраной. Теперь доступ к поворотному механизму был открыт.

Поглядев на содрогавшегося в предсмертных судорогах последнего солдата, Роран сплюнул на пол и сказал:

– Никогда не доверяй незнакомцам!

После этой короткой схватки в комнате так сильно пахло кровью и еще чем-то мерзким, что эта вонь прямо-таки давила на Рорана, как тяжелое одеяло, не давая нормально дышать, и ему с трудом удавалось подавлять подкатывавшую к горлу тошноту. Закрывая нос и рот рукавом рубахи, все четверо собрались у подъемного колеса, стараясь не поскользнуться в лужах крови, и некоторое время изучали его, пытаясь понять, как оно действует.

Вдруг Роран резко обернулся и поднял молот. За спиной у них послышался звон металла, громкий скрип открываемого люка и вслед за этим топот ног – какие-то люди спускались сюда по винтовой лестнице, ведущей на самый верх сторожевой башни.

– Таурин, какого черта! Что у вас тут происходит? – Солдат поперхнулся и замолк, ибо, сойдя с лестницы, увидел перед собой Рорана и его приятелей, а на полу – изрубленные тела стражников.

Варден, стоявший справа от Рорана, метнул в спустившегося солдата копье, но тот успел присесть, и копье вонзилось в стену у него над головой. Солдат выругался и на четвереньках снова полез наверх, почти мгновенно исчезнув за поворотом лестницы.

Вскоре с глухим стуком захлопнулась крышка люка, и они слышали, как этот солдат принялся дуть в свою дудку и отчаянно выкрикивать что-то людям на площади и на стенах крепости.

Роран нахмурился и вернулся к поворотному механизму.

– Да оставьте вы его, – сказал он товарищам, засовывая молот за ремень и наклоняясь над поворотным колесом. Затем, напрягая все тело, он попытался повернуть его. Остальные бросились ему помогать, и медленно, очень медленно храповое колесо стало поворачиваться, каждый раз громко щелкая, когда зубец касался «собачки».

Уже через несколько секунд вращать храповик стало значительно легче. Роран связывал это с тем, что и вторая его команда, которую он послал обезвредить сторожей в помещении напротив, тоже принялась вращать такое же колесо.

Полностью поднимать решетку ворот они, впрочем, не стали. Уже через полминуты отчаянного труда, мокрые от пота, они услышали воинственные кличи варденов, успевших вломиться в ворота и занять площадь.

Роран остановил колесо, вытащил из-за пояса свой молот и снова двинулся к лестнице. Остальные последовали за ним. В коридоре он столкнулся с Карном и Дельвином, как раз выбравшимися из противоположной караульной будки. Похоже, никто из варденов не был ранен, однако во второй группе не хватало одного пожилого и опытного бойца.

А тем временем Балдор, поджидая возвращения Рорана и его группы, велел своим людям построиться, создав по краям площади прочное каре. Вардены стояли плечом к плечу в пять рядов, выставив перед собой щиты.

Подбежав к ним, Роран заметил, что из-за домов на том конце площади появился довольно большой отряд, явно настроенный решительно. Солдаты шли, выставив копья и пики так, что стали похожи на огромную подушку для булавок. По прикидкам Рорана их было человек сто пятьдесят – с таким количеством его войску справиться ничего не стоило, однако это потребовало бы определенных усилий, а также – и это было самое главное – времени.

Но еще больше он помрачнел, когда увидел, как тот самый маг с крючковатым носом вышел вперед и воздел вверх руки, и над его руками взметнулись вверх две черные молнии. Роран достаточно много слышал о магах от Эрагона, так что догадался, что эти молнии предназначены, скорее всего, просто для запугивания врага, однако у него не было сомнений в том, что вражеский заклинатель может стать для них крайне опасным.

Карн, впрочем, почти сразу же неслышно подошел к нему и остановился рядом, тоже глядя на мага с воздетыми руками. Чуть погодя Роран тихо поинтересовался, стараясь, чтобы его не услышали даже те, кто стояли за спиной:

– Ты можешь его убить?

– Придется попробовать, – прошептал в ответ Карн и вытер губы тыльной стороной ладони. Он был явно встревожен, на лбу у него выступили крупные капли пота.

– Если хочешь, для начала можем его пугнуть. Он вряд ли успеет нас уничтожить с помощью магии до того, как мы прикончим его телохранителей, а может, и ему самому меч в сердце воткнем.

– Нет, не надо. Откуда тебе знать, на что он способен? Нет уж. За магов отвечаю я, мне с ними и дело иметь.

– А мы тебе ничем помочь не можем?

Карн нервно усмехнулся.

– Можете попытаться выпустить в него несколько стрел. Это его, по крайней мере, отвлечет, и он, вполне возможно, совершит какую-нибудь ошибку. Но в любом случае постарайтесь не вставать между нами! Это небезопасно – ни для вас, ни для меня.

Роран переложил молот в левую руку, а правой обнял Карна за плечи.

– Все у тебя получится, дружище. Ты вспомни: этот маг вовсе не так уж умен. Ты же провел его один раз, значит, сумеешь и снова его провести.

– Я помню.

– Ну, тогда удачи тебе.

Карн коротко кивнул и двинулся к фонтану посреди площади. Вода в фонтане переливалась в солнечных лучах, точно горсть бриллиантов.

Горбоносый маг тоже направился к фонтану, стараясь каждый шаг делать одновременно с Карном. Когда они оба остановились, между ними было примерно футов двадцать.

С того места, где стоял Роран, казалось, что Карн и вражеский маг просто разговаривают о чем-то друг с другом. Однако они были слишком далеко, и Роран даже догадаться не мог, о чем они говорят. Затем оба заклинателя как-то странно вздрогнули и застыли, словно их обоих пронзили кинжалом.

Именно этого Роран и ждал. Он понял, что теперь между ними начался поединок разумов, и сейчас оба заклинателя слишком заняты, чтобы обращать внимание на то, что творится вокруг.

– Лучники! – рявкнул он. – Туда и туда! – И он указал на две противоположные стороны площади. – Всадите столько стрел в этого пса-предателя, сколько сможете, но не вздумайте попасть в Карна! Иначе я вас живыми Сапфире скормлю!

Воины в алых плащах неловко переступали с ноги на ногу, глядя, как две группы лучников проходят через площадь, но никто в отряде Гальбаторикса не нарушил строя, никто и шага не сделал, чтобы воспрепятствовать проходу варденов.

«Они, должно быть, очень уверены в могуществе этой ручной гадюки!» – озабоченно думал Роран, не сводя с вражеского мага глаз, в которого вскоре с обеих сторон полетели десятки коричневых, с гусиным оперением стрел. На мгновение у Рорана даже появилась надежда, что варденским лучникам удастся его прикончить. Но футах в пяти от горбоного мага стрелы останавливались в воздухе и, задрожав, падали на землю, словно налетев на каменную стену.

Роран нервно покачался с пятки на носок. Он был не в силах стоять спокойно и ненавидел эту необходимость ждать и ничего не делать, когда его другу грозит опасность. Мало того, с каждой минутой у лорда Холстеда появлялось все больше возможностей выяснить, что происходит в его городе, и дать соответствующий отпор захватчикам. Роран понимал, что, если вардены намерены избежать сокрушительного поражения со стороны превосходящих сил противника, им необходимо постоянно поддерживать в солдатах Гальбаторикса ощущение неуверенности, непонимания того, что им следует делать. И Роран, повернувшись к своим воинам, сказал:

– Половина – на цыпочки! Попробуем хоть что-нибудь сделать, пока Карн, рискуя жизнью, старается спасти наши головы. Попытаемся обойти этот отряд с фланга. Половина пойдет со мной – мы исчезнем тихо, незаметно, на цыпочках, – а остальные останутся на месте. Командовать ими будешь ты, Дельвин. Вряд ли солдаты успели блокировать все улицы, так что, когда мы тихо исчезнем, ты, Дельвин, со своими ребятами постарайся пройти мимо этих солдат по краю площади, а затем, сделав петлю, вы вернетесь назад и нападете на них с тыла. А мы постараемся отвлечь их, неожиданно вынырнув вон оттуда. В таком случае им попросту не удастся оказать ни нам, ни вам достойного сопротивления. А если кто-то из них попытается убежать, пусть бежит. Нам в любом случае не потребуется слишком много времени, чтобы их всех перебить. Поняли?.. Ну, тогда давайте, давайте, давайте!

Вардены быстро разделились, и Роран со своей группой незаметно исчез в переулке, оглябая площадь справа, а Дельвин почти в открытую двинулся в сторону солдат по левому ее краю.

Когда оба их отряда почти поравнялись с фонтаном посреди площади, Роран, выглянув из-за угла, заметил, что вражеский заклинатель быстро посмотрел в его сторону. Это был мимолетный, летучий взгляд, однако он все-таки на какую-то долю секунды отвлек горбоного мага от дуэли с Карном. Когда же горбоносый вновь уставился на Карна, его злобный оскал превратился в страшную застывшую маску. На нахмуренном лбу и на шее стали вздвигаться

жили. Казалось, даже голова у него раздулась и так налилась кровью, что лицо приобрело ярко-красный оттенок.

– Нет! – провыл он и выкрикнул что-то на древнем языке, но Рорану эти слова знакомы не были.

Секунду спустя и Карн тоже что-то выкрикнул, и на какое-то мгновение их голоса слились в таком страшном вопле ужаса, отчаяния, ненависти и ярости, что Роран нутром почувствовал: их поединок пошел не по правилам и сейчас произойдет нечто ужасное.

И оказался прав. Последовала вспышка синего огня, и Карн исчез. А на том месте, где он только что стоял, возникла огромная белая куполообразная оболочка, которая накрыла собой всю площадь так быстро, что Роран и глазом мигнуть не успел.

Мир почернел. Невыносимая жара обрушилась на Рорана. Ему казалось, что все вокруг извивается, меняя свои очертания, не давая ему сделать нормально ни шагу.

Молот как бы сам собой вывернулся у него из руки, в правом колене вдруг возникла страшная боль. Потом какой-то твердый предмет с размаху заткнул ему рот, и он почувствовал, что у него, видимо, выбит зуб, так как рот сразу наполнился кровью.

Когда Роран наконец прекратил свои беспомощные попытки двигаться в этом ошалевшем пространстве, то оказалось, что он находится на том же месте, где и стоял. Только теперь он валялся на животе, а голова так кружилась, что он даже встать не мог. Впрочем, чувства и разум вскоре к нему вернулись, и он увидел перед собой какую-то гладкую, серо-зеленую каменную плиту – такими плитами была вымощена вся площадь, – почуял запах свинца, которым заливали здесь брусчатку вместо обычного раствора, и почувствовал боль и жжение во всем теле от бесчисленных ушибов и ссадин. Единственный звук, который он оказался способен различить, был стуком его собственного сердца.

Когда же Роран попытался вздохнуть, то часть крови, наполнявшей его рот, попала ему в легкие, и он, задыхаясь, закашлялся и сел прямо, выплевывая комки темной мокроты. Выбитый зуб – это был один из резцов – тоже вылетел у него изо рта и упал на мостовую; зуб выглядел каким-то необычайно белым на фоне кровавых сгустков. Роран взял его пальцами и внимательно осмотрел; конец зуба, похоже, отломился, но корень и остальная часть уцелели, так что он, попросту облизнув зуб, воткнул в десну на прежнее место, морщась от боли.

Затем он встал на ноги и понял, что неведомая сила швырнула его о каменное крыльцо одного из тех домов, что окружали площадь. Рядом валялись вардены из его отряда, разбросав в стороны руки и ноги, лишившись мечей и шлемов.

И в который уже раз Роран в душе порадовался тому, что в качестве оружия использует молот, ибо многие вардены во время этого странного то ли взрыва, то ли затмения ухитрились напороться на собственные клинки или заколоть своих же товарищей.

«А кстати, где же мой молот?» – запоздало спохватился Роран и принялся шарить по земле, пока не обнаружил рукоять молота, торчавшую из-под ног лежавшего рядом воина. Он вытащил молот и огляделся.

По всей площади были разбросаны солдаты Гальбаторикса и вардены. От фонтана и вовсе ничего не осталось, кроме горстки мелких камней, из-под которых неровными толчками била вода. Рядом с бывшим фонтаном – там, где стоял Карн, – лежал почерневший скорченный труп. Его дымящиеся конечности были крепко стиснуты, точно у мертвого паука. Узнать этого жутко обуглившегося человека не было никакой возможности, казалось, что это скорченное черное существо никогда и не было человеком. А вот горбоносый маг каким-то необъяснимым образом уцелел. Он по-прежнему стоял на своем месте, хотя магический взрыв и лишил его верхней одежды, оставив на нем только штаны.

Неудержимый гнев охватил Рорана. Совершенно не думая о собственной безопасности, он, пошатываясь, двинулся к центру площади, твердо намеренный раз и навсегда с этим магом покончить.

Но голый по пояс заклинатель продолжал стоять без движения, даже когда Роран, шаркая ногами, подошел к нему совсем близко. Подняв молот, Роран перешел на бег и даже издал воинственный клич, который, впрочем, прозвучал так слабо, что даже он сам с трудом его слышал.

А маг по-прежнему и не думал защищаться.

Только теперь Роран окончательно понял, что этот заклинатель не сдвинулся ни на дюйм с момента взрыва. Он словно окаменел, превратился в собственную статую, внезапно перестав быть живым человеком.

Кажущееся равнодушие заклинателя при виде приближавшегося к нему Рорана и его необычное поведение – точнее, отсутствие какого бы то ни было поведения, – совершенно сбили Рорана с толку, и он уже замахнулся молотом, чтобы попросту раздробить магу голову, прежде чем тот выйдет из этого странного ступора. Однако осторожность взяла верх, охладив желание Рорана немедленно отомстить, и он, замедлив шаг, остановился футах в пяти от мага.

И правильно сделал.

Если издали этот заклинатель и выглядел вполне нормально, то, подойдя ближе, Роран увидел, что кожа его обвисла, покрылась морщинами, как у древнего старика, но самое главное – стала какой-то жесткой, точно шкура давно убитого зверя, сильно потемнела и с каждой секундой становилась все темнее, словно все его тело подверглось обморожению. При этом грудь мага вздымалась в такт дыханию, а глазные яблоки вращались в глазницах, как живые! Но все остальное в нем, похоже, утратило способность двигаться.

И пока Роран ошолбенело смотрел на него, плечи, руки, шея и грудь мага начали как-то неприятно съеживаться, сквозь кожу отчетливо проступили кости – от ключиц до тазобедренных суставов, – а живот повис, как пустой бурдюк. Губы запали, обнажая желтые зубы словно в мерзкой злобной ухмылке, а глазные яблоки стали сплющиваться, точно нажавшиеся клещи, на которых наступили ногой, и начали проваливаться внутрь черепа вместе с окружающей глаза плотью.

А вот дыхание мага – какое-то паническое, присвистом напоминающее звук пилы, – прервалось, но так и не остановилось.

В полном ужасе Роран отступил назад и, чувствуя, что ступил в какую-то скользкую лужу, посмотрел вниз и увидел, что эта лужа становится все шире. Сперва он решил, что это вода из разрушенного бассейна, но затем понял, что эта жидкость вытекает откуда-то из-под ступней заклинателя.

Рорана охватило отвращение, он выругался и отскочил на сухой участок. Увидев эту лужу, он догадался, что сотворил Карн со своим врагом, и ему стало еще страшнее. По всей видимости, благодаря заклятию Карна из тела мага капля по капле вытекала теперь вся имевшаяся в нем влага.

За какие-то несколько секунд магия превратила этого человека в узловатое подобие собственного скелета, завернутого в твердую черную шкуру. Заклинатель мумифицировался так, словно его на сотню лет оставили в пустыне Хадарак, подвергнув воздействию жаркого солнца, иссушающих ветров и вечно движущихся песков. Хотя он был уже почти наверняка мертв, но почему-то все никак не падал. Магия Карна продолжала держать его в вертикальном положении: жуткий ухмыляющийся призрак, вполне соответствующий самому страшному ночному кошмару. Такого Рорану даже на поле боя никогда видеть не доводилось.

Затем верхняя оболочка этого иссушенного существа затрепетала, стала расплываться и как бы растворялась, превратившись в тонкую серую пыль, туманным облачком неторопливо слетевшую с его костей. Это облачко, проплыв в воздухе, осело на поверхности собравшейся внизу лужи, точно пепел от лесного костра. То же самое произошло с остатками мускулов и костями, затем в пыль обратились окаменевшие внутренние органы и разрушилось то немно-

гое, что еще оставалось от тела горбоносого мага. Все это превратившись в небольшой холмик праха, расплывавшийся на поверхности той жидкости, что некогда поддерживала в теле жизнь.

Роран оглянулся на обгорелый труп Карна и сразу же отвернулся – ему невыносимо было видеть останки своего верного друга. «По крайней мере, ты ему отомстил», – подумал он. Потом, стараясь не думать больше о гибели Карна, Роран сосредоточился на самой насущной проблеме – на тех солдатах, что медленно поднимались сейчас с земли на южном краю площади.

Вардены, впрочем, тоже начинали вставать, и Роран крикнул:

– Скорей! За мной! Лучшей возможности у нас не будет! – Некоторые вардены были серьезно ранены, и он приказал: – Помогите раненым встать и поставьте в центре, но пусть никто не отстает и никто здесь не остается! Никто! – Он чувствовал, как дрожат у него губы, да и голова раскалывалась от боли, словно накануне он пил всю ночь.

Услышав его призыв, вардены стали быстрее подниматься с земли и поспешили к нему. Когда они построились, образовав довольно широкую колонну, Роран вместе с Балдором и Дельвином, которые тоже были до крови исцарапаны и здорово помяты, двинулся вперед во главе своего войска.

– Карн погиб? – спросил Балдор.

Роран кивнул и поднял свой щит. Остальные последовали его примеру, образовав нечто вроде мощной движущейся стены, своей непробиваемой стороной обращенной к врагу.

– Хорошо бы у Холстеда под рукой не оказалось другого мага! – пробурчал Дельвин.

Как только вардены приготовились к атаке, Роран крикнул:

– Вперед! Марш! – и они двинулись через площадь.

То ли командир у имперских воинов был хуже, то ли сами они сильнее пострадали от взрыва, но отчего-то они не сумели так же быстро, как вардены, прийти в себя и напоминали скорее растерянную толпу.

Роран что-то проворчал и, пошатываясь, отступил на шаг назад, когда в его щит вонзилось копье. Рука, державшая щит, сразу онемела, и он, опустив щит и размахнувшись, ударил молотом по застрявшему копью. Но молот отскочил от древка, не сломав его!

Какой-то солдат, возможно, тот же самый, что и метнул копье, воспользовался этим и с мечом в руке бросился на Рорана, метя ему в шею. Роран попытался поднять щит вместе с копьём и закрыться, но не смог, и, чтобы защитить себя от удара, ему пришлось молотом парировать удар направленного в него меча.

Но и это отчего-то вышло у него неудачно. Роран почти не видел острия меча, и удар пришелся мимо. Тут бы он, наверное, и погиб, если бы костяшки его пальцев, сжимавшие молот, не скользнули по тупому краю лезвия и не отвели меч на несколько сантиметров в сторону.

Огненная полоса боли ожгла правое плечо Рорана. Перед глазами у него вспыхнул желтый огонь, в боку точно молнии заплесали. Правое колено подогнулось, и он упал ничком.

Под ним был камень. Вокруг – ноги сражавшихся. Эти ноги то и дело спотыкались о его тело, но ему некуда было отползти, чтобы укрыться от ударов. Собственное тело казалось Рорану раскисшим, не способным сопротивляться и действовать; у него было такое ощущение, словно он, как муха, угодил в вязкий мед.

«Слишком медленно, слишком, – думал он, тщетно пытаясь высвободить руку из-под щита и снова встать на ноги. Если он так и останется лежать на земле, то его либо проткнут мечом, либо затопчут. – Слишком медленно!»

Затем он увидел, как прямо перед ним рухнул на землю солдат, зажимая рану в животе, а потом и второй.

Кто-то схватил Рорана сзади за кольчугу и поставил на ноги. Обретя почву под ногами, он оглянулся и увидел, что это Балдор.

Извернувшись, Роран быстро осмотрел место, куда его ударил мечом солдат. Пять звеньев кольчуги были прорваны, но в целом она держалась. Несмотря на то что из раны обильно текла кровь, а шею и плечо терзала жгучая боль, он решил, что ранен отнюдь не смертельно, и не стал даже выяснять, так ли это в действительности. Правая рука вполне действовала – этого, по крайней мере пока, было ему вполне достаточно, чтобы продолжать схватку. Да, собственно, только это в данный момент его и заботило.

Кто-то сунул ему другой щит в замену прежнего, и он, прижав его к плечу, снова пошел в атаку, заставляя солдат Гальбаторикса пятиться под натиском превосходящей силы варденов и отступать по широкой, выходящей на площадь улице.

Вскоре солдаты не выдержали и побежали. Они разбегались по бесчисленным боковым улочкам и переулкам, и Роран остановился.

Затем он отправил назад пятьдесят варденов, приказав им закрыть ворота и саллипорт и тщательно охранять их ото всех, кто вздумал бы преследовать отряд Рорана, проникший в самое сердце Ароуза. Таким образом, большая часть здешнего войска оказалась бы у внешних стен города, ибо оно было отправлено туда, чтобы отражать атаки варденов, и в центральную часть Ароуз доступа не имело бы. Рорану вовсе не хотелось, имея при себе столь малочисленный отряд, сражаться со всей армией, которой располагал лорд Холстед. Это было бы чистым самоубийством.

После победы на площади вардены почти не встречали сопротивления. Они продвигались по улицам центральной части города к огромному и весьма выгодно расположенному замку лорда Холстеда, правителя Ароуза.

Перед дворцом раскинулся изысканной красоты двор с искусственным озером, по которому плавали гуси и белые лебеди. Дворец был непохож на все прочие здания в городе. Он отличался изысканной, хотя и несколько прихотливой архитектурой – открытыми арочными проходами, колоннадами и белыми балконами-верандами, предназначенными для танцев и обедов на воздухе. В отличие от центрального замка Белатоны, этот дворец явно строили для удовольствия и радости, а не для защиты от врага.

«Они, должно быть, считали, что город так хорошо укреплен, что никто не сможет преодолеть его стены», – думал Роран.

Завидев варденов, стражники и солдаты, слонявшиеся по двору – их было, должно быть, несколько десятков, – с воинственными криками бросились на них.

– Главное – не разбредаться! – приказал своим людям Роран.

Минуту или две во дворе слышался только звон мечей. Гуси и лебеди с тревожными криками били по воде крыльями, но никто из них так и не решился покинуть свое надежное убежище.

Варденам не понадобилось много времени, чтобы оттеснить охрану замка и ворваться во дворец. Его стены оказались богато украшены живописью. Причем расписаны были не только стены, но и потолок, и даже на полу был выложен прихотливый узор. Комнаты были обставлены роскошной резной мебелью, а карнизы и плинтусы позолочены. Рорана это богатство просто ошеломило – он такого и представить раньше себе не мог. Вся их с отцом ферма, на которой он вырос, стоила меньше, чем какой-нибудь позолоченный стул в этом великолепном доме!

В открытую дверь он заметил трех служанок, которые, подобрав пышные юбки, со всех ног бежали по длинному коридору.

– Эй, не дайте им удрать! – крикнул он варденам, и человек пять, бросившись вдогонку за женщинами, успели перехватить их, прежде чем те добрались до конца коридора. Женщины пронзительно вопили и яростно сопротивлялись, царапая своих пленителей.

– Хватит! – рявкнул Роран, и женщины, оказавшись перед ним, мгновенно перестали драться и царапаться, но все еще продолжали жалобно хныкать. Самая старшая из них, дородная матрона с зачесанными назад и собранными в довольно неопрятный узел седыми волосами

и связкой ключей на поясе, показалась Рорану вполне разумной, он сразу к ней и обратился:
– Где лорд Холстед?

Матрона вздрогнула и заявила, гордо задрав подбородок:

– Делайте со мной что хотите, а хозяина своего я ни за что не предам!

Роран подошел к ней почти вплотную.

– Значит, так, слушай меня очень внимательно! – прорычал он. – Ароуз пал, и все вы, в том числе и ты, в наших руках. Во всяком случае, тебе случившегося уже не изменить, так что лучше сразу говори, где Холстед, и мы тебя отпустим, а заодно и этих девиц. Его тебе все равно не спасти, а вот себя ты спасти можешь. – Порванные губы у него так распухли, что ему трудно было внятно произносить слова; на подбородок то и дело стекал ручеек крови.

– Мне моя жизнь не дорога, господин хороший, – сказала женщина с такой решительностью, что ей мог бы позавидовать любой воин.

Роран выругался и так ударил мечом по щиту, что пустой зал тут же откликнулся резким эхом. Женщина вздрогнула, но голову не опустила.

– Ты что, совсем разум утратила? – заорал Роран. – Неужели Холстед тебе дороже собственной жизни? Или, может, ты Империей или Гальбаториксом так дорожишь?

– Ничего не знаю насчет Империи или Гальбаторикса, а вот лорд Холстед всегда был очень даже добр к нам, слугам. И я не желаю, чтобы такие, как ты, его придушили. Грязное, неблагодарное отродье – вот кто вы такие!

– Вон как ты заговорила? – Роран свирепо посмотрел на нее. – А как ты думаешь, долго ли тебе удастся держать язык за зубами, если я позволю моим ребятам вытащить из тебя правду?

– Никто меня говорить не заставит! – заявила она, и Роран почему-то ей поверил.

– А их? – Он мотнул головой в сторону двух других служанок, самой младшей из которых едва ли исполнилось семнадцать. – Неужели ты позволишь, чтобы их на куски резали, желая лишь своего хозяина спасти?

Женщина с отвращением фыркнула и сказала:

– Лорд Холстед находится в восточном крыле дворца. Идите по коридору вон туда, потом пройдете через Желтую Комнату и через цветник леди Галианы, там его и найдете. Это так же определено, как то, что я стою тут перед вами.

Роран слушал ее с подозрением. Слишком уж быстро она сдалась! Слишком легко перестала сопротивляться! И потом, он заметил, как две другие женщины удивленно переглянулись, и на лицах у них появилось какое-то странное выражение, разобраться в котором он не сумел. «Смущены они, что ли?» – думал он. В любом случае прореагировали они совсем не так, как можно было бы ожидать, если бы эта седоволосая женщина просто выдала своего хозяина врагам. Слишком уж они тихо и покорно вели себя, словно что-то скрывали.

Наименее опытной из них была, конечно, та молоденькая девушка. Она явно не очень-то хорошо умела скрывать свои чувства, и Роран решил надавить именно на нее. Он с чрезвычайно свирепым видом набросился на девицу и неприятным тоном спросил:

– А вот ты, к примеру, не хочешь признаться, что эта тетка только что солгала мне? Где Холстед? Ну, говори!

Девушка открыла рот, потрясла головой, но так и не произнесла ни звука, лишь попыталась чуточку отстраниться от разъяренного Рорана, но один из варденов держал ее крепко.

А Роран, подойдя к ней еще ближе, прижал ее щитом к стене с такой силой, что она невольно выдохнула и перестала дышать, а он еще и всем телом навалился на щит, поднял молот и коснулся им щеки девушки.

– Ты довольно хорошенькая, но сейчас тебе туго придется: я тебе мордочку-то изрядно поуродую. Вряд ли после этого ты найдешь себе приличного женишка, разве что какой-нибудь завалающий старикашка на тебя польстится, когда я тебе все передние зубы выбью. Между прочим, я и сам сегодня зуб потерял, но мне удалось его обратно вставить. Видишь? – И он раз-

двинул губы, полагая, что изображает на своем лице некое подобие жуткой улыбки. – Впрочем, твои-то зубы я себе оставляю, чтобы у тебя никакой возможности вставить их обратно не было. Вот уж отличный трофей получится! – И Роран с угрожающим видом слегка взмахнул молотом.

Девушка съежилась и закричала:

– Нет! Прошу вас, господин мой, не бейте меня, я ничего не знаю! Прошу вас! Лорд Холстед был у себя, встречался со своими командирами, а потом они с леди Галианой собирались отправиться по туннелю к причалам и...

– Тхара! Ты что, совсем уж дура? – вскричала седовласая матрона.

– Их там корабль должен был ждать. Но только теперь я не знаю, где мой хозяин. Пожалуйста, не троньте меня, не бейте! Я и правда ничего больше не знаю, господин мой, и потом...

– В покои лорда! – рявкнул Роран. – Где они?

Девушка, рыдая, рассказала, где находятся господские покои.

– Отпустите их, – сказал Роран, когда она умолкла, и три женщины метнулись к выходу, стуча грубыми башмаками по полированному полу.

Роран повел своих людей в ту часть замка, куда указала ему девушка. В коридорах и залах им то и дело попадались толпы полуодетых мужчин и женщин, но никто и не подумал вступить с варденами в сражение. Дворец звенел от криков и женского визга, так что Рорану порой хотелось попросту уши заткнуть.

Вскоре они вышли в некий атриум, в центре которого высилась статуя огромного черного дракона. «Интересно, – подумал Роран, – уж не Шрюкн ли это, уж не дракон ли самого Гальбаторикса?» Когда он поравнялся с этой статуей, что-то просвистело в воздухе и с силой ударило его в спину.

Он упал, ударившись о ближайшую каменную скамью, и от страшной боли вцепился в ее край.

Такой жуткой боли Роран еще никогда не испытывал. Она была настолько сильна, что он, наверное, сам отсек бы себе руку, лишь бы эту боль приглушить. Казалось, будто в спине у него кто-то поворачивает раскаленную докрасна кочергу.

Он не мог пошевелиться...

Он не мог дышать...

Даже малейшее движение причиняло ему невыносимые страдания.

На лицо Рорана упали какие-то тени. Он услышал, как Балдор и Дельвин что-то кричат, затем, как ни странно, послышался голос Бригмана, только Роран никак не мог разобрать, что он такое говорит.

Боль внезапно стала раз в десять сильнее, и Роран не выдержал. Он взревел во весь голос, но от этого стало только хуже, и тогда невероятным усилием воли он заставил себя замереть и не шевелиться. Слезы ручьем текли из его зажмуренных глаз.

Потом он снова услышал голос Бригмана; тот говорил ему:

– Роран, тебе в спину стрела угодила. Роран, ты меня слышишь? Мы попытались схватить того, кто стрелял, но он убежал.

– Больно... – задыхаясь, прошептал Роран.

– Это потому, что стрела тебе ребро сломала. И это даже хорошо, иначе она бы тебе легкое насквозь проткнула. А если бы на дюйм выше или ниже, она могла бы тебе и позвоночник перебить.

– Вытащи ее! – велел Роран сквозь стиснутые зубы.

– Нельзя: у нее наконечник зазубренный. И дальше протолкнуть ее мы тоже не смогли. Придется ее вырезать. У меня в таких делах кое-какой опыт имеется, так что, если ты мне доверяешь, так я готов ножом поорудовать. Тогда мы прямо сейчас и сможем ее извлечь. А если

не хочешь, тогда, конечно, можешь и подождать, пока мы какого-нибудь целителя отыщем. Тут, во дворце, наверняка такой найдется.

Хотя Рорану чрезвычайно не хотелось оказываться во власти Бригмана, терпеть эту невыносимую боль он тоже больше не мог.

– Делай все здесь. Балдор...

– Да?

– Возьми пятьдесят человек и во что бы то ни стало отыщи Холстеда. Что бы ни случилось, он убежать не должен! Дельвин... останься со мной.

Последовала короткая дискуссия между Балдором, Дельвином и Бригманом, но до Рорана доносились лишь отдельные слова. Затем большая часть варденов покинула атриум, и после их ухода там стало значительно тише.

По настоянию Бригмана, вардены притащили из соседней комнаты несколько стульев, разломали их на куски и развели костер прямо на вымощенном камнями полу перед статуей дракона. В огонь сунули острие кинжала, которым, как понял Роран, Бригман и собирался расширить рану и вычистить ее после того, как вытащит стрелу, чтобы он, Роран, не истек кровью до смерти.

Лежа на каменной скамье, Роран, дрожа от боли и напряжения, все свое внимание постарался сосредоточить на том, чтобы дышать ровно, медленно и неглубоко – так дыхание причиняло ему несколько меньше страданий. Это было трудно, но он постарался отвлечься и думать о чем-то другом. То, что уже случилось, и то, что еще может с ним случиться, значения не имело. В данный момент важно было лишь равномерно вдыхать и выдыхать воздух носом.

Он почти уже терял сознание, когда четверо мужчин подняли его со скамьи и положили на пол лицом вниз. Кто-то сунул ему в рот кожаную перчатку, больно задев разбитые губы, а еще чьи-то грубые руки с силой прижали его руки и ноги к полу, раздвинув их как можно шире.

Роран оглянулся и увидел, что Бригман стоит на коленях, наклонившись над ним и держа в руках изогнутый охотничий нож. Увидев этот нож, Роран отвернулся, закрыл глаза и что было сил закусил перчатку.

Потом вдохнул.

Выдохнул.

И для него исчезли и время, и память.

Передышка

Роран, сгорбившись, сидел на краешке стола и крутил в руках инкрустированный самоцветами кубок.

Давно спустилась ночь, и единственным источником света в роскошной спальне служили две свечи на столе да неярко горевший огонь в камине, к которому была придвинута кровать с балдахином. Кровать была пуста. Весь замок притих, и было слышно лишь, как потрескивают дрова в камине.

Слабый солоноватый бриз залетал в окно, шевеля белые шторы. Роран повернулся навстречу этому ветерку, ловя воспаленной кожей лица благодатную прохладу.

За окном широко раскинулся Ароуз, окутанный ночной мглой. На улицах и на перекрестках яркими точками светились сторожевые костры, но дома стояли темные, притихшие. Обычно весьма шумные и говорливые жители этого южного города сегодня попрятались по домам. Те, кто сумел, конечно.

Ветерок вскоре утих. Роран отпил еще немного из своего роскошного кубка, стараясь вливать вино прямо в глотку и не прикасаться разбитыми губами к краям. Больно было даже глотать. Капля вина все же попала на трещину в нижней губе, и Роран даже дыхание затаил, такой острой была боль.

Поставив кубок на стол рядом с полупустой бутылкой вина и блюдом, на котором лежали куски хлеба и баранины, Роран встал и посмотрелся в зеркало, висевшее на стене между двумя горевшими свечами, но ничего хорошего там не увидел. На него смотрело измученное, осунувшееся, покрытое ссадинами, синяками и запекшейся кровью лицо.

Роран досадливо поморщился и отвернулся. Ладно, пусть Насуада сама с ним связывается, когда ей будет угодно. А он подождет. Все. Он больше ничего сейчас делать не может, даже лечь спать, так сильно у него все болит.

Роран снова взял в руки кубок и стал разглядывать его со всех сторон.

Время шло.

Была уже глубокая ночь, когда поверхность зеркала вдруг задрожала, точно лужица ртути, и Рорану даже пришлось протереть усталые глаза, чтобы убедиться, что ему это не мерещится. Спать все-таки хотелось ужасно.

В зеркале возникло лицо Насуады, красивое, с правильными чертами лица и, как всегда, чрезвычайно серьезное.

– Роран? – вместо приветствия сказала она, и он откликнулся:

– Госпожа Насуада? – И постарался отодвинуться от стола как можно дальше, поскольку поверхность зеркала оказалась от него всего в нескольких дюймах.

– Тебя взяли в плен?

– Нет.

– В таком случае, насколько я понимаю, Карн либо мертв, либо ранен.

– Он погиб, сражаясь с другим заклинателем.

– Жаль... Он, по-моему, был весьма порядочным человеком. К тому же у нас слишком мало заклинателей, чтобы мы могли позволить себе их терять. – Она помолчала. – А что Ароуз?

– Город мы взяли.

Брови Насуады поползли вверх.

– Правда? Это просто невероятно! Расскажи мне, как это было. Все ли пошло по плану?

Стараясь как можно меньше шевелить губами и открывать рот, ибо всякие разговоры вызывали у него нестерпимую боль, Роран дал Насуаде нечто вроде краткого отчета о том, что было сделано с момента его прибытия в Ароуз. Рассказал он и о покушении на его жизнь, и о

том одноглазоем убийце, что прокрался к нему в палатку и утверждал, что он его друг. А потом, как они разрушили мельничные плотины, как с боем пробивались через весь город к дворцу лорда Холстеда; рассказал о дуэли Карна с вражеским магом.

А под конец упомянул о том, как ему выстрелили в спину и как Бригман потом вырезал из его плоти застрявший там наконечник стрелы.

– Мне здорово повезло, что Бригман под рукой оказался. Он отлично со всем справился. Если бы не он, я бы практически совсем из строя вышел. Да еще и подходящего целителя искать бы пришлось. – Роран внутренне содрогнулся, на мгновение вспомнив, как Бригман чистил ему рану, словно вновь ощутив прикосновение раскаленного металла к своей спине.

– Надеюсь, вы все-таки нашли целителя, который сумел о тебе позаботиться?

– Да, нашли, но позже. И магией он совсем не владел.

Насуада откинулась на спинку стула и некоторое время внимательно на него смотрела.

– Я просто удивлена, что у тебя еще есть силы со мной разговаривать, – промолвила она. – Вы, жители Карвахолла, и впрямь сделаны из прочного материала.

– Ну, а захват дворца, – снова заговорил Роран, – обеспечил нам контроль и надо всем городом. Хотя, конечно, в Ароузе еще полно мест, где мы не чувствуем себя достаточно уверенно. Нам оказалось не так уж сложно убедить здешних солдат сдаться, как только они поняли, что мы, буквально проскользнув у них за спиной, заняли весь центр города.

– А что же лорд Холстед? Его вы тоже в плен взяли?

– Холстед пытался бежать из дворца, когда мои люди случайно на него наткнулись. При нем было всего несколько охранников – совершенно не достаточно, чтобы сразиться с нашим отрядом. В итоге он и его свита спрятались в винном погребе и забаррикадировались там... – Роран потер большим пальцем выпуклый рубин, вделанный в стенку кубка. – Сдаваться они не желали, а штурмовать этот погреб мне не хотелось – это могло слишком дорого нам стоить. Так что... я приказал людям притащить с кухни горшки с маслом, поджечь их и бросить внутрь.

– Ты хотел попросту выкурить их оттуда?

Роран кивнул.

– Ну да. Между прочим, некоторые из них выбежали почти сразу, как только дверь загорелась. Но Холстед ждал слишком долго. В общем, мы его на полу нашли. Он задохнулся в дыму.

– Как это неудачно!

– Задохнулась и его дочь, леди Галиана. – У Рорана перед глазами тут же снова возникла эта печальная картина: маленькая, изящная женщина, распростертая на полу, в прелестном платье цвета лаванды, расшитом оборками и лентами.

Насуада нахмурилась.

– Кто наследует Холстеду в графстве Фенмарк?

– Тарос Быстрый.

– Тот самый, что вчера пытался атаковать лагерь варденов?

– Тот самый.

День уже клонился к вечеру, когда вардены привели к нему Тароса. Маленький бородастый воин был, похоже, совершенно ошарашен случившимся, хотя и не ранен. Шлем свой с ярким плюмажем он где-то потерял. И Роран, лежа ничком на мягкой кушетке, чтобы пощадить раненую и изрезанную ножом Бригмана спину, сказал ему:

– По-моему, ты мне должен бутылку вина.

– Как это вам удалось? – спросил Тарос вместо ответа, и в голосе его прозвучало отчаяние. – Ведь Ароуз был неприступен! Никто, кроме драконов, не мог разрушить наши стены! А ты вон что натворил... Нет, ты не просто человек, ты что-то другое... – И Тарос умолк, не в силах продолжать.

* * *

– А как Тарос отреагировал на смерть своего отца и сестры? – спросила Насуада.

Роран подпер голову рукой и вытер рукавом скользкий от пота лоб. Его знобило, но он почему-то все время потел. Руки и ноги у него были совершенно ледяными.

– Об отце он, похоже, не слишком печалился. А вот о сестре... – Роран даже поморщился, вспомнив, какой поток ругательств и оскорблений обрушил на него Тарос, когда узнал, что Галиана мертва.

* * *

– При первой же возможности я тебя непременно убью! – пообещал он Рорану. – Я отомщу тебе за смерть сестры! Клянусь!

– Ну, тогда тебе лучше поторопиться, – ответил Роран. – Тут еще одна особа меня убить обещала, и если уж этому действительно суждено осуществиться, так, скорее всего, она будет первой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.